

А. К. Коллинз

Один
последний вдох

Одна жизнь.

Один выбор.

Одна любовь.

Иногда это всё, что у нас есть, и один момент может все изменить.

Я ненавижу цифру один — она преследует меня; каждый мой момент бодрствования — постоянное напоминание о том, что я потеряла.

Однажды я встретила парня и влюбилась.

Он задал мне один вопрос... Я ответила "да".

Наша жизнь была идеальной... пока однажды всё не изменилось.

Я наблюдала, как он медленно ускользал и исчезал.

Единственный человек, которого я любила, мой лучший друг, мой муж, всё для меня, медленно умирал прямо на моих глазах.

Врачи сказали, что ему остался один год; он продержался всего один месяц.

Когда я держала его за руку, он сделал последний вдох и выскользнул из этого мира.

Оставив меня; одна женщина, одно разбитое сердце, один ребенок, чтобы показать миру... совсем одну.

Это моя история о силе одного...

Переводчик: **Анна Мурзина**

Бета — редактор: **Анна Мурзина**

Обложка: **Машуля Валеева**

Перевод группы — vk.com/bambook_clubs

Всем, кто любил и потерял, желаю, чтобы вы нашли своё счастье и жили долго и счастливо.

Пролог

Фэй

Я держала своего мужа, Бена, за руку, такую тонкую и хрупкую; за один короткий месяц его сильная мускулатура превратилась в отдалённое воспоминание о том, каким он был. Человек, за которого я вышла замуж и который обещал мне вечность, лишён будущего, что он заслуживал. Цвет его лица изменился за последние несколько часов. И как бы мне не хотелось этого признавать, его дыхание замедлилось. Теперь уже недолго осталось ждать, пока он уйдёт.

Наш сын Брэкли свернулся калачиком рядом с ним. Я не уверена, что позволять Брэкли лежать со своим отцом — это правильно, но в таких ситуациях нет никаких правил. Наш сын хотел спать рядом с папой, кто я такая, чтобы говорить ему, что нельзя? Это последний кусочек физического комфорта, который он может получить от своего отца, и он должен этим воспользоваться. Чёрт, я в двух секундах от того, чтобы заползти к ним. Я действительно не знаю, почему я этого ещё не сделала.

— Я люблю тебя, Бен, — шепчу я, делая всё возможное, чтобы оставаться сильной, как я

и обещала ему, и надеюсь, что, несмотря на то, что он без сознания, он всё ещё слышит меня. — Я люблю тебя больше всего на свете, — я еле сдерживаю слезы.

Он не двигается и не отвечает, только медленно, неглубоко дышит. Его светло-русые волосы, как всегда, растрёпаны, и это напоминает мне о том дне, когда мы встретились на пляже у побережья Сиэтла, где мы живём. Его глаза встретились с моими, и прежде, чем мы успели сказать друг другу хоть слово, он поглотил меня. Это был настоящий случай любви с первого взгляда. Я принадлежала ему, и через несколько месяцев мы поженились. Тот день теперь кажется таким далёким; если бы только мы могли вернуться в то время.

Болезнь Бена поразила его быстро и совершенно неожиданно. Вот он был в порядке, здоров и силён, а на следующий день он оказался в больнице, проходя химиотерапию и облучение в надежде остановить рост опухоли, атаковавшей его изнутри.

Его организм не выдержал даже первого курса лечения, и мы были поражены тем фактом, что у нас уже не было выбора. Рак распространился на его костный мозг, он не был кандидатом на пересадку стволовых клеток, и его состояние ухудшалось прямо на глазах. Каждый день делал его слабее, поскольку рак поражал всё больше органов. Мы изо всех сил старались выполнить всё, что могли, из его списка дел, в то время как внутренне я пыталась бороться с неизбежностью его смерти, просто чтобы пережить эти дни. Глядя на односторонний список того, что он хотел сделать, который он составил, мне грустно, что я не смогла выполнить все его желания. Какая-то часть меня чувствует, что я подвела его.

Ронда, его медсестра, заходит в нашу палату, чтобы сделать свой обычный осмотр, и делает глубокий, долгий вдох, послушав его сердце всего несколько секунд.

— Теперь это не займёт много времени, Фэй.

Я киваю, слезы вырываются наружу, и я знаю, что Бен ненавидит, когда я плачу. Он сказал мне, что не боится смерти; он не против отпустить, он только боится оставить Брэксли и меня. Не в силах сопротивляться желанию быть рядом с ним ещё хоть секунду, я ложусь рядом с Беном, могу видеть Брэксли, спящего на истощённой груди отца. Я обнимаю любимое, знакомое лицо мужа. Он холодный. Господи, он такой холодный.

Отстраняясь, я внимательно смотрю на него и могу сказать, что это происходит.

— Нееееет, — причитаю ему в шею, прижимаясь к нему крепче, чем когда-либо, вдыхая его запах, который я люблю. Никакое количество времени не могло подготовить меня к этому моменту, и даже сейчас я молюсь о чуде, о том, чтобы случилось что-то, что не отняло бы его у нас, пока нет. — Не уходи, детка.

Я иду против всех обещаний, которые я дала ему, что отпущу его спокойно, и умоляю его остаться. Он хватает ртом воздух, и когда я смотрю на его лицо, одна единственная слеза скатывается по его щеке, сопровождаемая его последним вздохом.

Я качаю головой, не желая, чтобы это было правдой.

— О, Боже, — кричу я в ладонь, уставившись на него, ожидая, что он снова начнёт дышать. Кажется прошла вечность, но он не дышит, и, о Боже... этого уже никогда не будет.

Соприкасаясь нашими губами, я целую его и вдыхаю его аромат в последний раз. Моя рука тянется к Брэксли, не желая, чтобы он проснулся и увидел своего отца в таком состоянии. Я только хочу, чтобы он запомнил Бена живым и энергичным, а не таким. Отпуская руку Бена, я встаю и перехожу на другую сторону кровати. Я черпаю силы в нашем маленьком мальчике и поднимаю его, крепко прижимая к себе его растущее пятилетнее тело, когда выхожу из комнаты, оставляя половину себя там с моим мужем, зная, что ничто уже никогда не будет прежним.

Глава 1

Фэй

Я проснулась, хватая ртом воздух, в 1:01 ночи. Это то же самое время, когда Бен скончался более года назад, и хотя прошло так много времени, кажется, легче не стало.

На самом деле, каждый день такой же тяжёлый, как и предыдущий. Мне постоянно напоминают о воспоминаниях и времени, которое мы провели вместе. Оглядываясь назад, когда Бен был ещё жив, я надеялась, что смогу найти утешение в этих воспоминаниях, но я этого не сделала и, боюсь, никогда не сделаю.

Каждая улица, по которой я проезжаю, напоминает мне о нём, каждая песня, которая звучит по радио, каждый светловолосый парень, которого я вижу, — всё это напоминает мне о человеке, которого я потеряла, моем муже, моем единственном и неповторимом.

Я часто задаюсь вопросом, почему Бог забирает определённых людей. Почему не я? Почему он? Я бы поменялась с ним местами в мгновение ока. Но в этом мире всё устроено по-другому, и мы это знаем. Какими бы запутанными ни были ситуации, иногда ты оказываешься в тупике, из которого нет выхода.

Встав с кровати, я вижу Бена. Моя грудь сжимается, представляя, как он делает свой последний вдох прямо здесь. Зная, что мой разум не перестанет работать, я встаю и проверяю Брэксли, чтобы убедиться, что он крепко спит и в безопасности. В последнее время я стала одержима желанием проверить, как он, и я думаю, это потому, что я боюсь, что тоже потеряю его. От одной мысли об этом у меня мурашки бегут по коже. Без Брэксли я не знаю, что бы со мной случилось. Желчь подступает к горлу; этот властный материнский инстинкт настолько силён, что я не уверена, как его контролировать, и не думаю, что должна.

Закрыв дверь в его ярко-синюю комнату, которую мы покрасили всей семьёй, я спускаюсь на кухню и наливаю себе бокал вина. Отражение лунного света мерцает в бассейне на нашем заднем дворе.

Я всё ещё могу представить Бена и Брэксли, играющих в воде, и себя рядом с ними на надувном матрасе, который теперь лежит пустой на поверхности зеркальной воды. Я не могла заставить себя плавать с тех пор, как умер Бен. Однако Брэксли всё ещё купается, и я благодарна, что он достаточно мал, чтобы не понимать истинной боли смерти и того, что он никогда больше не увидит своего отца.

Хотела бы я сказать то же самое о себе, но не могу. Я всегда буду помнить момент, когда я потеряла Бена, и месяц, предшествовавший этому.

Направляясь в гостиную, мои ноги тихо ступают по грубому деревянному полу, ещё одно напоминание о Бене. Он планировал отшлифовать и отполировать доски... но, как и на многие другие вещи, у него так и не появилось возможности.

Я ложусь на диван, потягиваю вино и закрываю глаза, ища немного покоя и тишины от постоянных мучений, которым подвергает меня мой мозг. Но всё, что я вижу, это Бена, как он борется, морщины боли отпечатались на его лице, а затем последний глоток воздуха, который он сделал, прежде чем покинуть меня.

Я рыдаю, прикрывая рот, и надеюсь, что однажды я найду хоть малейшее облегчение от мучений, которые меня окружают.

* * *

— Мамочка, — говорит Брэксли, толкая меня в плечо, пытаюсь разбудить меня.

— Да, детка? — Я сильно моргаю, глядя в его тёмные невинные глаза, такие же как глаза его отца.

— Я хочу есть.

— Хорошо. — Как в тумане, я встаю и иду за ним на кухню, но я всё равно так рада его видеть. Я заснула всего несколько часов назад, и теперь я функционирую только благодаря нескольким урывкам сна.

Брэксли запрыгивает на табурет у стойки, его коротенькие ножки свисают с края, пока я заглядываю в холодильник.

— Что бы ты хотел съесть? — спрашиваю я.

— Мне всё равно, — отвечает он.

Конечно, ему не всё равно. Он самый простой ребёнок в мире, когда дело доходит до еды.

— Как насчёт лазаньи? — игриво предлагаю я, поводя бровями и вытащила контейнер с остатками еды, который принесла нам мама. Его губы растягиваются в широкой ухмылке, его улыбка — единственное, что меня ещё поддерживает.

— Хорошо, — пожимает он плечами, и я закатываю глаза.

— Брось, Брэксли, я бы не стала кормить тебя лазаньей на завтрак.

— Я съем её, мамочка.

— Ты действительно хочешь? — спрашиваю я.

— Да.

— Окей. — Я ставлю блюдо в микроволновку и завариваю кофе.

— Почему ты спала на диване? — спрашивает он.

— Мне просто там удобнее.

— Потому что папы больше нет в твоей постели?

— Да, милый. — Я достаю лазанью и дую на неё, затем передаю тарелку Брэксли. Я благодарна, что его не беспокоят разговоры о том, что Бена больше нет, и я думаю, это потому, что он на самом деле не понимает, что никогда больше не увидит своего отца. К счастью, он начинает есть свою еду с довольным выражением на лице, а я стою и просто наблюдаю за ним.

Затем раздаётся звонок в дверь, выводя меня из оцепенения, и я прохожу в холл нашего уютного дома. Когда я открываю дверь, моя свекровь пристально смотрит на меня, а затем заключает в крепкие объятия.

— Как у тебя дела, Фэй? — спрашивает она, явно обеспокоенная.

— Я в порядке. Что ты здесь делаешь, Джен? — Я провожу её внутрь, и она следует за мной, пристально глядя на меня, изучая, как она всегда это делает.

— У тебя сегодня сеанс психотерапии, помнишь?

Я знаю, и я совершенно забыла об этом. Даже слово «терапия» беспокоит меня, так что вы можете себе представить, как я себя чувствую из-за того, что мне приходится идти и говорить о своих чувствах, что, похоже, никогда не помогает.

Что бы я ни делала, я всё равно изо всех сил стараюсь просто пережить каждый момент.

— Ты уверена, что с тобой всё в порядке? — снова спрашивает она, и я киваю. Брэксли в соседней комнате, так что я не собираюсь показывать ему, что я расстроена. Как обычно, я

успокаиваю её.

— Всё в порядке. Проходи, повидайся со своим внуком. Он просто ест.

Когда мы входим на кухню, она бросается к нему, но её волнение сменяется тревогой, когда его красное от соуса лицо улыбается нам.

— Бабушка! — взволнованно восклицает он.

— Что, чёрт возьми, ты ешь?

— Мама приготовила мне лазанью.

— Что за странная еда на завтрак. — Она бросает на меня неодобрительный взгляд.

— Это то, чего он хотел, и он растущий мальчик, не так ли, детка? — Он кивает, когда я провожу рукой по его мягким растрёпанным волосам. — Я пойду оденусь, — говорю я им и направляюсь вверх, нуждаясь в минутке вдали от неё. У неё добрые намерения, и она действительно не хочет ничего плохого, но с Джен либо по её, либо никак.

Заходя в гардеробную, я смотрю в свою сторону, а не на Бена. Я ненавижу смотреть на всю его одежду. Я быстро хватаю пару джинс и футболку с длинными рукавами. После того, как я одеваюсь и укладываю волосы, я чищу зубы, затем спускаюсь вниз, где нахожу Джен, готовящую Брэкли завтрак из целого блюда. Бекон уже шипит, и я спрашиваю её, раздражённая тем, что уже накормила его:

— Что ты делаешь?

— Фэй, лазанья — это не то, чем можно накормить маленького мальчика.

Я целую Брэкли в макушку и игнорирую её комментарий. Я просто хочу сделать его счастливым, и если это означает лазанью на завтрак, то так тому и быть. С ним всё будет в порядке.

— Я вернусь через несколько часов, — сообщаю я и крепко обнимаю сына.

— Пока, мамочка.

— Будь умницей для бабушки, хорошо? — Он кивает, и я целую Джен в щеку, выходя.

— Пока, Фэй.

Я натягиваю пальто, и холодный воздух сильно ударяет в меня. В Сиэтле холодное утро, и я с нетерпением жду более тёплой погоды. Я проверяю время. Моя встреча назначена на девять, и как бы мне не хотелось идти, я должна. Я пообещала Бену, что поговорю обо всём после того, как он уйдёт, и позабочусь о себе. Так что я должна быть как раз вовремя. Пока я веду машину, я тянусь за своим кофе и понимаю, что забыла его дома.

Вместо того чтобы вернуться домой, я остаиваюсь в местном «Старбаксе». Проезжая часть, как всегда, огибает здание. В это холодное утро всем в Сиэтле нужна доза, поэтому я направляюсь внутрь, и шум сразу же звенит у меня в ушах. Здесь шумно, все сотрудники выкрикивают приказы, перекрывая шум вспенивающегося молока и болтающих групп людей.

Глядя в меню, как будто я пытаюсь решить, что взять, я хихикаю про себя и знаю, что Бен тоже рассмеялся бы. Он всегда дразнил меня и говорил: «Зачем ты вообще смотришь? Ты ведь знаешь, что будешь заказывать». Я всегда беру одно и то же... А потом Чайный Латте Бена смотрит на меня из меню. Боже, я скучаю по нему. Я помню, как мы столько раз приходили сюда вместе, и это внезапное напоминание — сильный удар глубоко внутри меня. Весь воздух выходит из моих лёгких, и я изо всех сил пытаюсь прийти в себя. Не то чтобы я забыла, что он ушёл, но в последнее время проходят короткие периоды времени, когда боль утихает, пока мне снова не напоминают, и она такая же сильная, как и год назад.

— Привет, добро пожаловать в «Старбакс», — приветствует меня молодой бариста, —

Что вам принести?

— Э-э... я выпью большой кофе.

— Сливки?

— Да, пожалуйста.

— Что-нибудь ещё?

— Нет, это всё.

— С вас два доллара семьдесят три цента. — Бариста наливает мне кофе, и я тянусь за сумочкой, но почему-то её нет. Обыскивая все карманы своего пальто в поисках любой формы оплаты, пока служащий пялится на меня, я так смущена. — Извините, я забыла свой бумажник.

Затем, как гром среди ясного неба, парень, делающий заказ у кассы рядом со мной, говорит:

— Я могу заплатить за неё.

— О, нет, ты не должен этого делать, — говорю я.

— Это несколько долларов, ничего особенного.

— Ты уверен? Я... я могу вернуть тебе деньги.

— Нет, заплати вперёд, купи кому-нибудь ещё чашку кофе в другой раз.

Бариста говорит другому работнику добавить мне кофе по его заказу, и тогда я беру свою чашку, чувствуя себя виноватой за то, что позволила совершенно незнакомому человеку заплатить за меня. Я была такой легкомысленной с тех пор, как Бен ушёл. Кроме того, люди больше не делают друг другу добра — просто не делают, как бы это ни было печально. Парень платит, и я жду, пока он закончит, чувствуя, что должна поблагодарить его ещё раз. Он берет чек, а затем смотрит на меня сверху вниз, его зеленовато-карие глаза мерцают в тусклом свете кафе, пока мы вместе идём к концу очереди.

— Ещё раз спасибо, — говорю я. — Ты действительно не должен был этого делать.

— Конечно, должен. Если бы я этого не сделал, то у тебя не было бы кофе. И мне было бы стыдно, что я не заплатил. — Он улыбается, и я изучаю его лицо, чувствуя, что видела его раньше. В нём есть что-то такое знакомое. Я открываю крышку на своём кофе, добавляя сливки и сахар, и работник кричит: — Чайный латте для Тана?

Я оглядываюсь и вижу, как он берет напиток в руку. Он подмигивает мне, ожидая, пока я закончу, и я закрываю стаканчик крышкой, быстро отводя взгляд. Каковы шансы, что он закажет именно то, что заказал бы Бен?

— Ещё раз спасибо, Тан, — благодарю я, услышав его имя от бариста.

— Не за что. Кстати, как тебя зовут?

— Фэй.

Мыжимаем друг другу руки, и он держит мою ладонь дольше, чем любой незнакомец когда-либо делал или, вероятно, должен был.

— Красивое имя.

Я улыбаюсь, и он открывает дверь, и мы выходим вместе, не говоря больше ни слова. Но между нами есть притяжение, своего рода связь, и я понятия не имею, почему. Как будто Тан разбудил что-то внутри меня, что спало уже долгое время, и это пугает меня. Я провожу каждую минуту бодрствования, скорбя о Бене. Я не должна так себя чувствовать — это похоже на предательство, — но я не могу это остановить.

Тан

Прошло уже три дня, а я все ещё не могу выкинуть Фэй из головы. Я продолжаю представлять её улыбку и то, какой красивой она была. Впервые за долгое время я почувствовал связь. В ней было что-то такое, что притягивало меня к ней, к тому, какой настоящей и тёплой она была. Это определённо заставляет меня желать узнать о ней больше.

— Миссис Липер сказала, что мы узнаем, за какими партами мы будем сидеть сегодня вечером, папа, — сообщает мой сын Джек.

— Это будет на весь год, приятель?

— Я не знаю. Но я действительно надеюсь, что получу красный стол.

— Да, почему красный? — спрашиваю я, когда въезжаю на парковку его школы.

— Потому что это цвет пожарной машины, и когда я вырасту, я буду пожарным-спасателем.

— Пожарным, Джек.

— Я так и сказал.

Я припарковываю свой внедорожник и открываю его заднюю дверь, помогая его коротким маленьким ножкам спуститься на землю.

— Ты уверен, что не хочешь стать пилотом, как я?

— Ни в коем случае, слишком скучно. Плюс, я хочу далматинца.

— Я куплю тебе далматинца.

— Нет, не купишь, у мамы аллергия.

Я меняю тему, зная, что он всё ещё борется с пониманием того, что мы с его мамой расстались. Когда мы входим в школу, Джек взволнованно бежит по коридору.

— Подожди меня, приятель.

Но я опоздал. Он исчез в своём классе, и я следую за ним. Здесь всего несколько родителей, и все они смотрят в мою сторону, обычные взгляды, которые я привык игнорировать. Я не совсем понимаю, почему люди всегда пялятся на меня. Может быть, это из-за моего роста или моей уверенности в себе, в любом случае, это всегда происходит. Учительница продолжает разговаривать с парой родителей, но машет рукой. Затем я замечаю Джека в его кресле за красным столом. Я могу сказать, что он красный, потому что с потолка свисает большой красный ламинированный квадрат.

Придвигая стул, чтобы сесть рядом с ним, Джек разговаривает с другим мальчиком, и я сразу узнаю его родителя. Это Фэй, женщина из кофейни. Она читает какие-то бумаги, которые лежат на столе у детей, и я должен дать себе минутку, чтобы собраться с мыслями.

Она ещё красивее, чем я помнил.

Наклонившись к её уху, я шепчу, вдыхая её аромат:

— Ты когда-нибудь угощала кого-нибудь чашкой кофе?

Она слегка подпрыгивает, явно поражённая, и смотрит на меня широко раскрытыми глазами, как будто я вытащил её из глубокого сна наяву. Но, чёрт возьми, она хорошо пахнет. Вся кровь приливает к моим яйцам, и она застенчиво качает головой.

— Ты Фэй, верно? — спрашиваю я, делая вид, что она — не всё, о чём я думал большую часть последних трёх дней.

— Да.

— Знаешь... ты всегда можешь угостить меня кофе? — Я дразню её, и она хватается за сумочку, роется в ней, прежде чем вытаскивает пятидолларовую купюру и пытается вручить

её мне.

— Вот, позволь мне просто вернуть тебе деньги.

Вау, это последнее, чего я от неё ожидал. Неужели я настолько ужасен для неё?

— Ни за что. Это не было частью сделки.

— Пожалуйста, возьми, — натаивает она. В её глазах запечатлён глубокий груз боли, теперь мне это ясно. На днях я этого не заметил. С ней что-то случилось, и это вызывает у меня приступ вины. Что могло быть такого ужасного, что сделало её такой? Господи, я не должен был так с ней связываться.

— Я не возьму, к тому же твой кофе стоил всего два бакса.

Она всё ещё держит пятёрку, и я возвращаю ей её руку, замечая, что ей трудно смотреть мне в глаза.

С тех пор класс заполнился другими родителями, и Фэй неохотно кладёт свои пять долларов обратно в сумочку.

— Ты уверен? — спрашивает она, её голос такой чертовски сексуальный, когда она практически шепчет.

— Да!

— Спасибо вам всем, что пришли сегодня вечером, — говорит миссис Липер, и всё наше внимание обращается к передней части класса.

Я взглянул на часы, уже десять минут десятого, а Чар всё ещё нет. Конечно, она опаздывает — эта женщина никогда ни на что не успевает вовремя. Она опоздала на нашу собственную свадьбу и опаздывала на все наши встречи по поводу развода. Я бы поставил свой последний доллар на то, что она отправилась за покупками и потеряла счёт времени.

Пока учитель говорит, я наблюдаю за Джеком и его другом, которые дурачатся вместе. Эти двое напоминают мне о том, каким я был в детстве. Я не мог сосредоточиться, чтобы спасти свою жизнь, и это доставило мне кучу неприятностей. Но, в конечном счёте, у меня всё получилось просто отлично.

Затем я смотрю на Фэй, и пока я люблю её красотой, дверь класса открывается, и в комнату входит Чарли. Все взгляды устремлены на неё, когда она прерывает урок, и она не извиняется или что-то в этом роде.

— Мамочка! — восклицает Джек и подбегает к ней.

Фэй смотрит на меня немного смущённо и, вероятно, потому, что думает, что я подхожу к ней как женатый мужчина, но это не так. Мы с Чар расстались уже больше года назад.

Чар смотрит вниз на близкое расстояние между мной и Фэй, которого я, честно говоря, до сих пор не замечал, и она хватается за стул, сердито глядя, как она пыхтит, затем грубо произносит: «Извините меня», обращаясь к Фэй, заставляя её подвинуться, чтобы Чар могла сесть между нами двумя.

— Серьёзно? — Мой голос сердит, как будто у неё есть какое-то грёбаное право. Но Чар сидит там, игнорируя меня, и ведёт себя так, как будто Фэй сделала что-то не так. Пока я взволнованно смотрю на неё, она просматривает бумаги, которые лежат на столе Джека, а затем передаёт их мне. Я просто положил их на пол, совершенно взбешённый тем, что она ведёт себя как грёбаная пизда.

— Почему ты опаздываешь? — шепчу я, взбешённый, не в состоянии контролировать гнев, который она вызывает во мне. Меня бесит, что она, похоже, не может взять себя в руки, даже ради Джека.

Но она не отвечает, и я знаю, что сейчас не время выяснять с ней отношения. Чар может

нажимать на мои кнопки лучше, чем кто-либо другой, и я знаю, что если я не буду держать себя в руках, то в конечном итоге буду выглядеть как мудака. Учительница заканчивает своё выступление, показывая короткое слайд-шоу, давая нам всем представление о том, что нас ждёт в этом году. Что не так уж много — это первый класс.

— На этом моя презентация завершается. Родители, пожалуйста, зайдите на станции вокруг класса, чтобы записаться на волонтерство и посмотреть, как будет проходить день вашего ребёнка. И, пожалуйста, не стесняйтесь задавать мне любые вопросы.

Чар встаёт и подходит к Джеку, разговаривая с ним на уровне глаз. Сзади на куртке Чар торчит бирка, и это объясняет, почему она опоздала. Как я и подозревал, она ходила по магазинам и так спешила надеть свою новую покупку, что даже не смогла снять чёртов ценник.

Фэй и её сын начинают обходить класс. И я не могу не наблюдать за ней, но Чар разрушает и это.

— Не так ли, Тан? — Она прерывает мои фантазии, и я встаю, игнорируя её. Меня действительно бесит, что она просто приходит сюда поздно, ведя себя так, как будто у неё есть какие-то права на меня. Эта чёртова женщина утомляет. Если бы у меня не было с ней общего сына, я бы уехал из этой грёбаной страны, вот как сильно я её ненавижу.

Затем, не сказав больше ни слова, она выходит, и я делаю глубокий выдох, который задерживаю с тех пор, как она ворвалась сюда.

— Давай, папочка, — говорит Джек и тащит меня туда, где находится Фэй. Очевидно, что эти два мальчика — друзья и у них есть связь.

— Я сожалею об этом, — говорю я Фэй.

— Всё в порядке. Я не знала, что ты женат.

— Нет. Совершенно определённо нет. — Я сообщаю об этом очень ясно. — Я имею в виду, так и есть. Но мы расстались уже год назад, и развод почти завершён.

— Всё в порядке, тебе не нужно мне ничего объяснять.

Я провёл рукой по волосам, чувствуя себя грёбанным придурком, и беру лежащий передо мной блокнот, заполняя своё имя для какого-то волонтерства.

— Пожалуйста, может Джек прийти к нам поиграть? — Сын Фэй спрашивает её, и я смотрю на двух мальчишек, глядящих на неё умоляющими глазами.

Она смотрит на меня, ожидая одобрения, и я киваю.

— Конечно, Брэкли, — говорит она ему.

Мальчишки сразу же начинают разговаривать о том, что они хотят сделать на встрече, и я пишу свой номер на листочке с одного из столов.

— Вот, чтобы ты могла позвонить мне, чтобы назначить встречу и, возможно, выпить чашечку кофе, — пытаюсь я снова. Но она закатывает глаза, забирая у меня мой номер. Наши руки соприкасаются, когда листок бумаги проходит между нами. Тепло её кожи заставляет меня немедленно захотеть большего.

— Я не угощаю тебя кофе. Это не было частью сделки, помнишь? — говорит она, возвращая мне мои собственные слова.

— Справедливо, — соглашаюсь я, и для женщины, которую я едва знаю, я не могу дождаться даты детской встречи, может быть, даже больше, чем мальчишки.

Глава 3

Фэй

Ты прекрасно выглядишь, мамочка, — говорит мне Брэксли, и я смотрю на своё отражение в зеркале. Мои губы пухлые, на них нанесён тонкий слой блеска, а мои измученные глаза выглядят обманчиво живыми из-за всего макияжа, который я нанесла.

Затем раздаётся звонок в дверь, и моё сердце колотится так же, как раньше, когда Бен был здесь, и внезапно я всё подвергаю сомнению. О чём я только думаю, наряжаясь для игровой встречи? Я вдова и скорблю. Я не в той форме, чтобы быть...

— Давай же! — Брэксли тащит меня за руку в прихожую, и я чувствую, что вот-вот задохнусь.

Затем он отпускает меня, смотрит в стекло сбоку двери и говорит:

— Это они, открой, мамочка, открой.

Продолжая, ради моего сына, я отпускаю все свои заботы. Я знаю, как много значит для него это встреча. К тому же, я уверена, что Тан просто привезёт своего сына, а потом пойдёт своей дорогой. Но когда я открываю дверь, обе его руки полны пакетов, в одном из которых что-то похожее на еду, а в другом торчат игрушки его сына. И у меня такое чувство, что он собирается остаться.

— Привет, ребята. — Я цепляю фальшивую улыбку и приветствую их внутри.

— Я надеюсь, ты голодна, — говорит Тан. — Мы умирали с голоду, поэтому я принёс обед.

— Да, мы можем поесть, верно, Брэксли? — Но мальчики уже ушли и находятся в его комнате. Я закрываю входную дверь и не забываю отпустить все свои тревоги. Я делаю это ради Брэксли.

— Вот, позволь мне взять еду, — говорю я, и он протягивает мне пакет, который я беру на кухню. Я бросаю взгляд на Тана, который с любопытством осматривает мой дом изнутри.

— Где мальчики? — спрашивает он, всё ещё держа в руках пакет с игрушками.

— О, я отнесу это им.

— Они тяжёлые, я отнесу сам.

Я провожаю его по коридору, где дети играют на полу в комнате Брэксли, и он ставит сумку на пол.

— Вам, ребята, что-нибудь нужно? — спрашиваю я, сохраняя спокойствие, когда Тан стоит так близко ко мне.

— Нет.

Я поворачиваюсь и чуть не сталкиваюсь с Таном, который улыбается, когда мы выходим вместе, оставляя детей одних.

Возвращаюсь на кухню, мои ладони вспотели, и я немного нервничаю. Он начинает доставать еду из пакета, а я автоматически открываю бутылку вина, чтобы успокоить нервы.

— Хочешь бокал? — спрашиваю я.

— Да, конечно. — Он хихикает, и я знаю, что это потому, что сейчас середина дня, и я пью, но мне это нужно. — Я написал тебе об обеде, но так как я не получил ответа, я просто заказал кучу разных блюд. Я надеюсь, что вам понравится.

— Ты написал мне сообщение? — спрашиваю я и тянусь за телефоном в заднем кармане джинсов, но его там нет. — Извини, у меня его с собой нет.

— Ничего.

Я достаю несколько тарелок и выпиваю изрядное количество вина, когда замечаю пакеты с детской едой.

— Это для мальчиков?

— Да.

— Я отнесу.

— Хорошо.

Я прохожу по коридору с двумя пакетами в руках и широкой улыбкой на лице и ставлю их на маленький столик в комнате Брэксли.

— Вот и обед, мальчики.

— Спасибо, мам.

Направляясь обратно на кухню, моё сердце всё ещё колотится, и часть меня хочет запереться в своей спальне. Я могла бы солгать и сказать, что плохо себя чувствую, но у меня такое чувство, что Тан просто зайдёт, поэтому я напоминаю себе, что это всего лишь встреча для игры. Как и любая другая встреча, которая была у Брэксли, где я тусуюсь с мамой, но в этот раз... просто с папой. Великолепный отец, который заставляет меня думать и чувствовать вещи, которые так неправильны.

Тан смотрит на меня из бара и говорит:

— Я ещё раз прошу прощения за мою бывшую прошлым вечером, с ней может быть очень трудно справиться.

— Она выглядела так, как будто собиралась наброситься на меня, — говорю я, вспоминая худую блондинку с огромными сиськами, которая ясно дала понять, что ей не нравится, как близко мы с Таном были друг к другу.

— Чар сейчас совсем другая женщина по сравнению с тем, когда мы впервые встретились. Я действительно не понимаю ни её, ни того, что она делает. Оглядываясь назад, я не понимаю, почему я терпел это так долго.

— Вы долго были вместе? — спрашиваю я, заинтригованная тем, что он сказал это о своей собственной жене или будущей бывшей.

— Нет, незадолго до того, как она забеременела, и это действительно то, что подтолкнуло нас к браку и к тому, чтобы мы оставались вместе так долго, как мы это делали. А как насчёт тебя, почему ты развелась?

— О... я не... — Я не знаю, как это сказать. Он наблюдает за мной, совершенно удивленный, и я не хочу, чтобы у него сложилось неправильное впечатление, поэтому я просто говорю это. — Я вдова. Мой муж Бен скончался чуть больше года назад.

— О, уф, Фэй, мне так жаль это слышать. Я понятия не имел. Я только что заметил, что у тебя нет кольца.

Я вытаскиваю из под футболки длинную цепочку, на которой висят наши с Беном обручальные кольца. Я знаю, что ему плохо, но слово «прости» ничего не значит. По какой-то причине, как люди, мы чувствуем себя обязанными сказать это.

— Вот наши кольца. Бен попросил меня не носить моё кольцо после его ухода. Он не хотел, чтобы я стояла на месте во времени, но даже без этого кольца на моем пальце время всё равно стоит на месте, потому что его здесь нет.

Я несколько раз моргаю, смахивая слезы, и возвращаюсь к ночи, когда я потеряла его, образ так живо стоит в моей голове, но Тан возвращает меня в настоящее, положив свою руку поверх моей на столешницу.

— Похоже, он очень храбрый человек. Я не думаю, что смог бы это сделать.

— Он был, — выдыхаю я и продолжаю: — Прости.

Даже не знаю, почему мне так комфортно делиться с ним таким личным.

— Нет, не извиняйся, это последнее, что тебе следует делать.

— Спасибо.

— Конечно. Так что, может, нам поесть и поговорить о бабочках или о чем-нибудь ещё? — спрашивает он с улыбкой. Я киваю, посмеиваясь, когда представляю, как вокруг порхают бабочки, затем смотрю на огромное количество еды, разложенной перед нами.

— Тебе нравится средиземноморская кухня?

— Да, мне нравится.

Мы набрасываемся, каждый наполняет свои тарелки.

— Так ты работаешь? — спрашивает он.

— Да, я художник. Я взяла небольшой отпуск, но пытаюсь вернуться в ритм жизни.

— Каким видом искусства ты занимаешься? — Он продолжает смотреть на меня, пока говорит, заставляя моё сердце биться ещё сильнее.

Наблюдая за тем, как он облизывает губы, я говорю ему:

— Тяжело дышу. Чёрт, прости, я имела в виду живопись. — Я отвожу взгляд.

Но его, похоже, не смутил мой промах.

— Ты можешь заработать на этом деньги?

— Да, пожалуй. Я занимаюсь этим уже много лет, и есть много галерей, которые продают мои работы.

— У тебя здесь есть что-нибудь?

Допиваю бокал вина, алкоголь, кажется, делает меня более уравновешенным и более спокойной.

— Ммм. Я покажу тебе, когда мы закончим есть. — Я встаю со стула и беру ещё вина, наполняя наши бокалы.

После того, как мы закончили есть, я спрашиваю его:

— Готов? — А затем веду его в свою студию. Повсюду на стенах, от пола до потолка, висят картины. Есть некоторые из моих любимых, с которыми я просто не могу расстаться.

— Ух ты! — восклицает Тан, принимая всё во внимание, а затем останавливается перед одной из картин с изображением спящего Бена.

Он сглатывает и скрещивает руки на груди, рассматриваю сцену.

— Бен никогда не сидел спокойно достаточно долго, чтобы я могла нарисовать его, а потом, когда мы ждали новостей о результатах его тестов, он уже так устал, что мы и не заметили. И я боялась, что результат окажется положительным — я думаю, в глубине души мы оба знали, что он болен. Я молилась, чтобы он был отрицательным, но я не могла спать или делать что-либо, кроме как беспокоиться. Я знала, что если у него рак, наша жизнь никогда не будет прежней, даже если он пройдёт через это, поэтому я нарисовала его спящим, как напоминание о том, каким он был в тот момент. Когда солнце поднялось над утренним небом, я закончила картину, и он проснулся от телефонного звонка, которого мы так боялись.

— Господи, Фэй... я... я даже не знаю, что сказать.

— Тебе не нужно ничего говорить; я даже не знаю, зачем я тебе всё это рассказываю. — Я замолкаю и чувствую себя полной дурой из-за того, что излила ему свои чувства.

— Не прекращай говорить, — подбадривает он, и я, уставившись в пол, говорю:

— Через месяц после того, как я написала эту картину, Бен скончался.

Глава 4

Тан

Фэй, возможно, самая сильная женщина, которую я когда-либо встречал. Если бы я прошёл через четверть того дерьма, через которое она прошла, я был бы в грёбаной психиатрической лечебнице. Но Фэй, она находит позитив в жизни. Самые мрачные вещи, из которых она выкарабкивается, и я восхищаюсь этим. Я действительно так думаю.

— Папа, можно я останусь здесь ночевать? — спрашивает Джек, пробегая по коридору.

— О, приятель, я так не думаю.

— Пожалуйста! — умоляет он.

— У тебя здесь нет ни одежды, ни зубной щётки, может быть, в следующий раз.

Он кивает, слушая меня, как раз в тот момент, когда Брэкли кричит:

— Фильм начинается! — И он убегает по коридору, оставляя меня посмеиваться.

— Иногда мне интересно, что происходит в их маленьких умах, — говорю я Фэй, когда она зеваёт рядом со мной, в то время как мы оба сидим на диване. Я смотрю на часы, уже поздно, мы здесь весь день, и мне нужно идти, но часть меня этого не хочет.

— Мы должны идти.

— Да, — соглашается она, и пока мы стоим, я просто хочу поцеловать её великолепные губы, но знание о её прошлом заставляет меня колебаться. Я не хочу давить на неё.

— Спасибо, что повеселились сегодня и позволила Джеку прийти, — говорю я, и прежде чем она успевает ответить, я крепко обнимаю её, и, к моему удивлению, она прижимается ко мне. Пока я сдерживаю её, я сражаюсь со своим членом, чтобы сдержать его. Он хочет её всеми мыслимыми способами.

— Спасибо за обед и за то, что просто... выслушал. Надеюсь, ты не считаешь меня сумасшедшей.

Я целую её в макушку, вдохнув её сладкий запах, такой свежий, как летний дождь.

— Сумасшедшая — это последнее слово, которое я бы использовал, чтобы описать тебя. Ты сильная, Фэй. — Затем я отпускаю её, и мы вместе направляемся к мальчикам, которые оба лежат на полу в комнате Брэкли и смотрят свой фильм.

— Что вы, ребята, смотрите? — спрашивает их Фэй.

— Новый фильм про Лего.

— Что ж, нам пора, Джек.

— Нет, пожалуйста, дай мне досмотреть. — На что Фэй делает паузу.

— Уже поздно, приятель. Скоро у нас здесь будет ещё одна игровая встреча.

— Пожалуйста, папочка, я никогда раньше не видел этот фильм? — Их маленькие брови сходятся вместе, когда они оба бросают на нас умоляющие взгляды, и я смотрю на Фэй, которая тоже не может им отказать.

— Мальчики, вы проголодались? — спрашивает она.

— Да, — синхронно отвечают они.

— Я могу заказать пиццу, — предлагаю я, чувствуя себя плохо из-за того, что мы пробыли у неё дома весь день.

— Нет, ты не должен этого делать. Ты уже купил обед.

— Пожалуйста, это не имеет большого значения. Брэкс, какую пиццу ты любишь, парень?

— Пепперони.

— Хорошо. Джек, ты всё ещё хочешь двойной сыр?

— Угу.

— Что тебе нравится, Фэй?

— О, мне всё равно. Я уверена, что двух пицц будет достаточно для нас четверых.

— Просто скажи мне, какая тебе нравится! — настаиваю я, и она качает головой, не сдаваясь.

— Эй, Брэкс. — Я опускаюсь на колени. — Какую пиццу любит твоя мама?

Он улыбнулся мне, демонстрируя отсутствующий передний зуб, и отвечает:

— Она любит пиццу с овощами.

— Хорошо, значит овощная пицца.

Она закатывает глаза, а я достаю свой телефон, чтобы сделать заказ. Она делает паузу в их фильме, и я следую за ней обратно на кухню.

— Я могу заплатить, — предлагает она, и я бросаю на неё игривый взгляд с другого конца комнаты, который, как она ясно понимает, означает, что я не принимаю её предложение.

Просматривая свои текстовые сообщения, я набираю её адрес и оформляю заказ онлайн. И когда я закончил, она протягивает мне ещё один бокал вина.

— Мне не надо, — говорю ей, — мне скоро нужно ехать домой.

— Да, ты прав. Мне очень жаль.

— Всё в порядке, не извиняйся... никогда.

Я захожу за ней в гостиную, и она откидывается на спинку дивана. Я сажусь рядом, и мои глаза следуют за её взглядом, когда она смотрит в воду бассейна.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, когда она внезапно замолкает.

— Да. Ты ещё не рассказывал, чем зарабатываешь на жизнь.

— Ах, да? Я пилот.

— Действительно, какого рода?

— Я работаю в коммерческой авиакомпании, но время от времени заключаю контракты и беру частные рейсы за дополнительную плату.

— Вау, так тебе нравится летать на самолёте?

— Да, — хихикаю я над очевидностью её комментария, так сильно желая подразнить её. — Я имею в виду, что с современными технологиями это больше похоже на присмотр за самолётом, но я там главный. Взлёты и посадки — это всё ручной процесс, и безопасное перемещение из одного места в другое — моя работа.

— Тебе нравится? — спрашивает она, заинтригованная, и в кои-то веки приятно встретить кого-то, кто искренне интересуется тем, что я делаю, а не только моей внешностью.

— Да, мне это нравится, ничто не сравнится с ощущением пребывания в открытом небе.

Бокал Фэй почти пуст. Я встаю и беру бутылку вина и доливаю ей. Она улыбается этому жесту:

— Спасибо. Тяжело ли иногда быть пилотом в домашней жизни?

— Долгие дни и путешествия могут негативно сказаться на отношениях. Вот почему я

начал заключать контракты на частные рейсы. Это более короткие и быстрые деньги. Я просто нахожусь в том месте в жизни, где я хочу больше времени проводить с Джеком, и если я встречу кого-то, я буду чаще бывать рядом.

— Мне жаль, что ты проходишь через это, — говорит Фэй.

— Не стоит; я счастливее, чем когда-либо, без этой придурочной.

— Но она мать твоего ребёнка.

— Да, и у неё бывают свои моменты, но даже судья может видеть, что Джеку лучше со мной. Он предоставил мне первичную опеку, за которую она борется и из-за этого откладывает развод.

— Что ты собираешься делать?

— «Молись, чтобы она изменилась, но до тех пор... продолжай бороться с ней». Я должен делать то, что, по моему мнению, лучше для Джека. И правда в том, что я не знаю, что я собираюсь делать. Чар ставит меня в очень плохую ситуацию, требуя первичной опеки, и дело не в том, что я не хочу пойти на компромисс и предоставить ей совместную опеку, но сначала она должна позаботиться о себе и научиться быть финансово ответственной. Я ни за что не потеряю из-за неё Джека, иначе сойду с ума. Он для меня всё.

* * *

— Стюардессы, пожалуйста, приготовьтесь к посадке, — объявляю я по внутренней связи самолёта. Мы совершаем последний заход на посадку в Далласе после целого дня полёта.

— Капитан, мы готовы к посадке, автопилот отключён, — сообщает мне второй пилот Эллиот.

— Десять четыре. Диспетчерская вышка DFW, это американский 1472, мы на высоте шесть тысяч и приближаемся, — передаю по радио разрешение на посадку.

— Американец 1472, вы свободны для взлетно-посадочной полосы 177, альфа-центр.

Медленно спуская самолёт с неба и обнаруживаю, что мои мысли заняты Фэй. Я не могу выбросить её из головы, что бы я ни делал. Особенно теперь, когда мы встречались, я мог думать только о ней.

Самолёт опускается всё ниже и ниже, и я держусь за рычаги управления, пока колеса плавно не касаются земли. Я нажал на тормоза, и мы снижаем скорость с двухсот миль в час до десяти.

— Американец 1472, вы свободны для седьмого выхода, — сообщает диспетчерская вышка. — Десять-четыре, американский 1472 направляется к выходу семь.

— Эхо-вертолет, пересечь 177 направо, — указывают они мне, и я спрашиваю Эллиота:

— Налево, направо, можно пересечь?

— Налево чисто, направо чисто, — подтверждает он, и мы переходим на другую сторону взлетно-посадочной полосы, затем направляемся к выходу номер семь, следуя за человеком, направляющим нас по асфальту. Когда я подвожу самолёт к нашей конечной остановке, Эллиот благодарит пассажиров за полет. Затем я выключаю свой мобильный телефон из режима полёта. Сразу же приходит сообщение от Чар: «У тебя была возможность ознакомиться с новым соглашением об опеке, которое я тебе отправила?»

О, я получил его, и она, блядь, сошла с ума, если думает, что я собираюсь отдать ей первичную опеку, и она знает почему. Я даже не знаю, почему она решила, что это вариант.

«Вы нашли реабилитационный центр, который поможет тебе решить проблему с

магазинами?» — отвечаю ей, и я знаю, что она не ответит, потому что она не думает, что у неё есть проблема, но она есть. Её навязчивые покупки привели к нашему разводу. Лжи и долгов было выше крыши, в одном шаге от того, чтобы довести нас обоих до банкротства, и судья тоже это увидел, когда я передал наши банковские выписки. Я не допущу, чтобы Джек проводил большую часть своего времени, сидя в примерочной, отключившись от какого-то электронного устройства, в то время как она возит его с собой, как игрушку, и загоняет нас в финансовую яму, из которой мы не можем выбраться. Это и его будущее тоже.

Возвращаясь к своим текстовым сообщениям, я вижу то, которое я набрал для Фэй, пока мы летели сегодня. Я сделал снимок заката, который напомнил мне одну из её картин. Нажимая кнопку «Отправить», я подумал про себя, насколько паршиво то, через что она прошла. Такая женщина, как она, заслуживает всего мира, а не дерьмовой карты, которую ей раздали.

Глава 5

Фэй

Я смотрю на сообщение, отправленное Таном ранее, и сравниваю его с картиной в моей студии. Он прав, это действительно выглядит очень похоже, как на картинке. Отправив ему ответное смс, я отвечаю: «У тебя хороший глазомер» — и отправляю ему фотографию картины.

— Брэксли, пора в душ, — кричу я.

— Хорошо, мамочка, — отвечает он, и я включаю воду для него, пока он раздевается, а затем прыгает в воду. — Можешь принести мою пижаму с гоночной машинкой?

— Конечно, я думаю, она в сушилке, я сейчас принесу. Веди себя хорошо, не прыгай вокруг да около. Оставайся на своём резиновом коврикe и хорошенько вымойся, хорошо?

— Мммм, — улыбается он мне в ответ, когда я смотрю на него через занавеску. Его ухмылка, в которой не хватает одного переднего зуба, растопила моё сердце.

Я помчалась вниз по лестнице и в гараж, где стоят мои стиральная машина и сушилка, и заметила, что дверь гаража всё ещё открыта. Я нажимаю кнопку, чтобы закрыть его, но ничего не происходит. Я осмотрела датчики, оба они чисты, и я пробую ещё раз, но по-прежнему ничего. Если взять пульт дистанционного управления из машины, он тоже не будет работать. Расстроенная тем, что ещё одна вещь в этом доме сломана, я схватила пижаму Брэксли и набрала номер своего отца, направляясь обратно в ванную.

— Ты в порядке, приятель? — спрашиваю сына.

— Ага.

Мой отец не отвечает, и когда я собираюсь отправить ему сообщение, его голосовая почта напоминает мне, что он путешествует, о чём я совершенно забыла. Я сбрасываю звонок и спрашиваю Брэксли:

— Ты закрыл гараж, когда мы вернулись домой сегодня вечером?

— Я нажал на кнопку, мамочка, как ты и велела.

Он закончил принимать душ, и я помогаю ему вытереться и одеться.

— Почисти зубы, и я встречу тебя в твоей комнате.

Вернувшись в гараж, чтобы попытаться снова закрыть его, я нажимаю на кнопку, но ничего не происходит. Я начинаю раздражаться и хлопаю рукой по кнопке на стене, но по-прежнему ничего. Смотрю на... как там это называется на потолке; Кажется, Бен однажды

сказал мне, что есть верёвка, за которую я могу потянуть, чтобы закрыть ворота. Но всё, что я вижу, — это двухдюймовый огрызок.

Мой телефон завибрировал, и я вижу сообщение от Тана:

«Могу ли я купить у тебя эту картину?»

«Как насчёт того, чтобы ты починил мою гаражную дверь, и я отдам её тебе в качестве оплаты?»

«Она сломана?»

«Да, она не закрывается, и я не знаю, что делать».

«Ты можешь потянуть за красную верёвку?»

Я сделала снимок оставшейся верёвки и отправила его ему, как раз в тот момент, когда Брэксли высовывает голову из дверного проёма.

— Всё готово, мамочка.

— Хорошо, детка. — Оставив гараж открытым, я направилась внутрь и уложила Брэксли в постель. Он протянул мне историю, которую он выбрал, и я подхожу поближе.

«Я могу приехать прямо сейчас», написал Тан.

«Спасибо, просто заходи, я укладываю Брэксли».

— Хорошо, ты готов?

Он уткнулся в меня носом. Его короткие волосы уже высохли, и я крепко обнимаю его, я так люблю наше время рассказов. Именно здесь мы теряемся в волшебных мирах, и на короткое мгновение боль нашего прошлого исчезает. Я представляю Бена, сидящего на полу и слушающего нас, как раньше, и нахожу успокоение в надежде, что он всё ещё слушает.

— Жил-был свирепый оранжевый дракон, который жил глубоко в лесах Индии. — Я использую свой лучший голос рассказчика, когда читаю ему сказку. Брэксли смотрит на картинку, пока я читаю. — Он не был похож ни на одного другого дракона в мире... он был особенным и обладал магическими способностями. Но его способности заставляли других животных бояться его, поэтому он жил совсем один и выходил только ранним утром, прежде чем другие животные просыпались, а ночные животные уже спали.

— Что значит «ночной»?

— Это тот, кто не спит всю ночь.

— Как и ты, ты ведёшь ночной образ жизни, мамочка?

— Нет, мама не такая. Мне просто трудно заснуть. Ночные животные — это животные, которые спят весь день и бодрствуют всю ночь.

— Как летучие мыши?

— Да, как летучие мыши, — говорю я, и он одаривает меня долгим зевком. Я продолжаю рассказ и успеваю прочесть всего пару страниц, прежде чем он засыпает. Закрывая книгу, я наблюдаю, как он прерывисто дышит, и я целую его в макушку. Я так благодарна, что он у меня есть. Если бы его не было, я не знаю, что бы я с собой делала. Я тихо выскользываю из его комнаты, и когда я вхожу на кухню, на столе для меня стоит бокал вина. Боже, Тан такой хороший человек.

Подхватив его, я направилась в гараж, где нахожу его на стремянке, возящимся с мотором — так это называется — к гаражной двери. Я делаю глоток, любясь им на секунду. Глядя на него там, наверху, я вспоминаю Бена.

— Так ты сможешь это исправить?

— Чёрт возьми, да, я так и сделаю, — уверенно отвечает он. — Я вижу, ты нашла своё вино.

— Да. Спасибо, что налил мне бокал, это было очень любезно с твоей стороны.

— Я стараюсь, — ухмыляется он мне сверху вниз, и пока он возится с проводкой, я обнаруживаю, что мои глаза сканируют его тело — его идеально вылепленный пресс выглядывает из-под рубашки, которая задрана из-за поднятых над головой рук.

— Спасибо, что пришёл.

— Не за что. Ты уложила Брэкса?

— Да. Я даже не успела дочитать историю.

— Что ты ему читала?

— Апельсины — Волшебный Дракон.

— О, Джеку она нравится, особенно в конце, когда Апельсины спасают лес.

— Ну, я не дочитала ещё, спасибо, что испортил впечатление для меня.

— Чёрт, извини.

— Я просто шучу. Ты сегодня работал?

— Да, я был в пяти штатах. То есть на земле.

— Вау, напряжённый день.

— Пожалуй.

— Где Джек?

— С Чар, надеюсь, спит.

— Почему ты так говоришь?

— Они не соблюдают режим, когда он у неё. Она руководит шоу, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Это, должно быть, тяжело.

— Не тяжелее, чем то, через что тебе пришлось пройти. Как ты держишься? — спрашивает он меня. И я не знаю, как ему ответить. У меня бывают свои моменты. Боли приходит и уходит, но я не всегда хочу, чтобы она касалась меня и того, через что я прошла.

— Я в порядке. Сегодня я начала новую картину.

— Да, что рисуешь?

— Я покажу тебе, а ты расскажешь мне, что ты видишь.

— Ты нажмёшь на кнопку? — спрашивает он меня, и я попыталась, но ничего не получается.

— Мне неприятно это говорить, но я думаю, что твой мотор сгорел.

— Ты серьёзно?

— Да, заметила, что свет здесь больше не включается?

— И что, дверь открылась, когда мы вернулись домой, а потом просто умерла?

— Я так думаю. Но новый стоит всего пару сотен долларов, и я могу поставить его завтра.

— Хорошо, — говорю я.

— Поставишь свою машину задним ходом на подъездную дорожку, и я вручную закрою дверь?

— Конечно.

Схватив ключи, я вывожу машину задним ходом, а затем он закрывает дверь, его руки сгибаются, когда он опускает её, а затем он запирает её на задвижку, прежде чем мы направились внутрь.

— Хочешь вина? — предлагаю ему, допивая свой бокал.

— Конечно.

— Спасибо, что попытался починить гаражную дверь.

— Я совсем не против, — он встаёт передо мной, и я сплываю, близость его тела к моему заставляет моё сердце биться быстрее, и я должна остановить это.

— Хочешь посмотреть картину? — спрашиваю я.

— Очень.

Мы направляемся в мою студию, где на мольберте стоит новая картина. Взгляд Тана сразу же притягивается к ней, и он продолжает подходить всё ближе и ближе, пока, наконец, не садится на табурет. На создание картины которого я потратила весь день, выпуская всю свою боль во время рисования. Его бокал с вином висит в руке над деревянным полом, и он потерялся в красках, точно так же, как я чувствовала, рисуя, — такой потерянный.

— Ты сделала всё это сегодня?

— Да, я не могла остановиться, как только начала.

— Боже, это прекрасно, Фэй.

Он прикасается к холсту, чувствуя сухую краску под своими большими пальцами, а я стою позади него, вдыхая его аромат. Закрыв глаза, я позволяю себе насладиться этим моментом. Я не уверена, почему, когда я рядом с Таном, он заставляет меня чувствовать себя такой возбуждённой, но он действительно возбуждает.

— Ты собираешься её продать? — спрашивает он, возвращая меня к реальности.

— Может быть. Что ты видишь, когда смотришь на это?

— Я думаю, что это самая потрясающе болезненная и красивая картина, которую я когда-либо видел.

Изучая смесь красок и то, как они сливаются воедино, рисуя видение того, что кто-то мог бы назвать раем, а кто-то другой мог бы назвать адом, у меня перехватывает дыхание, и внезапно Тан заключает меня в объятия. Я цепляюсь за него, как будто он — ответ на мои проблемы. Склоняясь к его прикосновению, когда он обхватывает моё лицо ладонями, я чувствую, как Бен по какой-то странной причине подталкивает меня, говоря, что всё в порядке. Но я не чувствую, что это нормально, совсем нет.

Тан держит меня, не давая мне ни дюйма пространства для манёвра, и его пьянящее дыхание касается моих губ. Затем он медленно приближает свои губы к моим, и наши рты сливаются воедино. Вспыхивает пылающая связь, такая горячая, что моя душа горит. Он нежно целует меня, нежно, как будто не хочет причинить мне боль, и этот жест напоминает мне о том, через какую боль я прошла. Как мне всё ещё больно. Я отстраняюсь от него и всё переосмысливаю. Эта связь с Беном внезапно пропадает, Бена здесь нет, и Бен был бы не в порядке с этим. Это другой мужчина, и то, что я делаю — это предательство моего мужа.

— Прости, я не могу, я не готова, — произношу я. Выражение на его лице обиженное. Я причинила ему боль, и это последнее, что я хотела бы сделать. Но... Я просто не готова.

— Всё в порядке; я не должен был этого делать, не спросив тебя сначала. Я... я не знаю, почему я это сделал. Я потерял контроль над своими действиями. Мне очень жаль.

— Ты должен уйти, — говорю я, слёзы жгут мне глаза, и он кивает, ставя свой бокал на столик у двери. Прежде чем отойти от меня, он целует меня в макушку, и этот простой жест делает всё намного хуже. Прислонившись спиной к стене, я сползаю на пол, обнимая колени, отвращение бежит по моим венам. Что я наделала? О чём я думаю?

Глядя на свой пустой бокал, я хочу обвинить в этом алкоголь, но я знаю, что два бокала вина — это не то, что заставило меня уступить ему. Я сделала это сама и могу злиться только на себя, а не на Тана. Я попросила его починить мою гаражную дверь, хотя могла бы

позвонить в компанию или попросить соседа взглянуть на неё. Но я этого не сделала. По какой-то причине я позволяю себе потеряться в той связи, которая у нас есть. Это притяжение к Бену заставляло чувствовать, что он даёт мне своё благословение, хотя на самом деле всё это было у меня в голове. Потому что он, блядь, мёртв — ушёл — никогда не вернётся ко мне. Нет ничего или никого, что могло бы вернуть его, несмотря ни на что.

Глава 6

Тан

Я снова звоню Чар, надеясь, что на этот раз она ответит, чтобы я мог пожелать Джеку спокойной ночи, но она этого не делает, и я начинаю злиться. Я не разговаривал с ним уже два дня.

Доставая пиво из холодильника, я напоминаю себе, что, хотя Чар чокнутая и шопоголик, она всегда заботится об интересах Джека.

Сидя на диване, я включаю телевизор, чтобы отвлечься от своих бегающих мыслей, но не могу перестать беспокоиться. Поэтому я пытаюсь думать о чём-нибудь другом, о чём угодно, кроме беспокойства, и я возвращаюсь к тому, как губы Фэй касались моих губ, и как в тот момент, когда я поцеловал её, мой член стал твёрдым, как камень. И дело не только в том, что я хочу её сексуально, но и в том, что она мне безразлична. Я хочу убедиться, что с ней всё в порядке, больше, чем для кого-либо за долгое время. Но... она недоступна.

Наконец мой телефон звонит. Слава Богу! Это номер Чар, но я знаю, что это Джек. Она мне больше не звонит, только пишет смс.

— Привет, приятель, — отвечаю я, радуясь, что наконец-то могу с ним поговорить.

— Тан, — говорит Чар, в её тоне слышится тревога.

— Что, чёрт возьми, произошло? — немедленно спрашиваю я, зная, что если она звонит мне, то что-то не так.

— Это Джек, — говорит она сквозь рыдания, и я вскакиваю с дивана, хватаю ключи от машины и выбегаю из дома.

— Что случилось? — Я снова кричу на неё.

— Я не знаю... Я не знаю, как это произошло.

Гнев и страх поглощают меня. Мои руки трясутся, когда я пытаюсь вставить ключ в замок зажигания.

— Где ты?

— Больница Норт-Пьюджет. — От осознания, что они там, у меня кружится голова, и я выезжаю с подъездной дорожки, мчась через весь город.

— С ним всё в порядке?

— Я не уверена, — всхлипывает она, — он... в... операционной.

— О, чёрт! Чёрт! Чёрт! — Моё зрение затуманивается, когда я вдавливаю педаль газа, мне нужно добраться до моего маленького мальчика.

— Мне жаль, — шепчет она, и ей следовало бы извиниться. Чёрт, она должна быть более чем сожалеющей. Это её вина, это её вина.

— Операция!? — Я спрашиваю её, желая знать, почему и как.

— Угу.

— Как? — Мой голос резкий, злой.

— Он порезал руку, делая бутерброд.

— Господи Иисусе, Чарли. Почему он готовил себе еду? Ему всего шесть грёбаных лет.

— Я знаю, прости, нас не было весь день. Мы только что вернулись домой, и я несла сумки в свою комнату и примеряла вещи, когда это случилось.

— Видишь, именно поэтому он должен быть со мной. Ты снова пошла с ним за покупками, и ты сказала мне, что не будешь этого делать. — Она не отвечает, и я знаю, что именно поэтому, даже если она не признается в этом. — Господи Иисусе, он же маленький мальчик, сколько раз я должен тебе говорить, что он не заслуживает того, чтобы проводить всё своё время со своей мамой в торговом центре.

— Я знаю, это больше не повторится.

— Я чертовски уверен, что этого не произойдёт, потому что я собираюсь подать в суд прошение о полной опеке.

— Нет, — причитает она.

— О, да. Это всё на твоей совести. Я не знаю, что должно произойти, чтобы тебе стало ясно, что ты должна поставить его на первое место и перестать ходить по магазинам. Твой шопоголизм берёт верх, а ты пренебрегаешь им. Если ты сейчас не поймёшь, что у тебя проблема и тебе нужна помощь, я не знаю, что для этого потребуется. Джек должен быть первым в твоих мыслях. — Заезжая на больничную парковку, я сбрасываю вызов. Моя кровь бурлит, когда я хватаюсь за руль и резко останавливаю свой внедорожник. Я врываюсь в отделение неотложной помощи и замечаю Чар, стоящую у одной из стен и грызущую ноготь, и мне требуется вся моя сдержанность, чтобы не наброситься на неё ещё сильнее. Я подхожу к столу, где пожилой джентльмен смотрит на меня сквозь очки в проволочной оправе.

— Чем я могу вам помочь? — спрашивает он меня.

— Моего сына, Джека Стовича, только что привезли сюда.

— У вас есть какие-нибудь документы, сэр?

Достав своё удостоверение личности, я протягиваю его мужчине, когда Чар подходит и встаёт рядом со мной.

— Похоже, он в операционной. Если вы хотите присесть, доктор скоро выйдет, чтобы поговорить с вами.

— С ним всё в порядке? — спрашиваю я, всё ещё даже не зная, что, чёрт возьми, произошло на самом деле.

— Извините, сэр, вам придётся поговорить с доктором.

Я смотрю на Чар сверху вниз, когда сажусь в пустынной комнате ожидания, она садится на стул рядом со мной, слезы текут по её лицу, и я знаю, что ей плохо. Но я не могу утешить её прямо сейчас. Она ответственна за это.

Сидя в тишине, которая кажется вечностью, мы ждём новостей, и, наконец, выходит доктор.

— Стович? — зовёт она, и мы оба вскакиваем на ноги, когда доктор приближается к нам.

— Как он? — спрашиваю я.

— У него всё хорошо. Ему очень, очень повезло. Операция прошла хорошо, и я смогла восстановить перерезанное сухожилие на его правой руке. К счастью, оно была просто порезано, так что у него не должно быть никаких проблем с рукой после того, как она заживёт.

— Всё будет хорошо? — спрашиваю я.

— Да, сэр. Эти виды травм рук при правильном уходе хорошо заживают. Но я не хочу

делать поспешных выводов. Джек — храбрый мальчик, и пока он держится подальше от кухни, с ним всё будет в порядке.

Чар кивает, и доктор говорит:

— Он только что проснулся; вы хотите его увидеть?

— Пожалуйста, — практически умоляю я женщину, когда мы следуем за ней.

Когда я вхожу в палату, моё сердце разрывается. Крошечное тельце Джека кажется таким маленьким, лежащим на большой больничной койке. Его глаза закрыты, и я бросаюсь к нему, осматривая его повреждённую руку, одновременно сжимая другую. Чар встаёт напротив меня и целует его в лоб, пробуждая его. Его затуманенные глаза смотрят на неё, и он улыбается ей.

Видя, как он просыпается и улыбается, я чувствую, что всё будет хорошо.

— Как ты себя чувствуешь, приятель? — спрашиваю я, и он поворачивает голову, сосредотачиваясь на мне.

— Папа. Я устал.

— Я уверен, что это так, но с тобой всё будет в порядке.

— Смогу ли я по-прежнему быть пожарным-истребителем?

— Да, ты всё ещё сможешь быть пожарным-истребителем.

Он тяжело моргает, и я пододвигаю стул, сажусь и смотрю на своего маленького человечка. Моя гордость и радость, моё все. Слава Богу, с ним всё в порядке. Я не знаю, что бы я делал, если бы потерял его... и я молюсь, чтобы никогда этого не узнать.

Глава 7

Фэй

— Надень свой рюкзак, — говорю я Брэкли, когда мы вышли из машины у его школы. Оглядываясь вокруг, я ловлю себя на том, что в последнее время ищу Тана, и последние несколько дней я его не видела. Но я думаю, что это должно принести мне облегчение, а не беспокойство.

— Не забудь спросить миссис Липер, будет ли у тебя тест по правописанию на этой неделе.

— Хорошо, мамочка.

Когда мы подходим к школе, я слышу, как кто-то зовёт Брэкли по имени с другого конца парковки; это Джек и Тан. Мальчики бегут друг к другу, когда мы с Таном медленно идём навстречу друг другу. На его лице появляется лёгкая усмешка, пока я изучаю его, и мои мысли прерываются, когда Брэкли спрашивает Джека:

— Эй, что случилось с твоей рукой?

Я могла бы сказать то же самое, взглянув на него сверху вниз. Его рука забинтована.

— Боже мой, Тан, с ним всё в порядке?

— Да, это действительно выглядит хуже, чем есть на самом деле.

— Что с ним случилось?

— Он был с Чарли и, по-видимому, пытался сделать себе бутерброд на ужин с помощью ножа для чистки овощей и порезал себя прямо до сухожилия.

Моя рука прикрывает рот, представляя, как бедному Джеку причиняют такую боль. Он, должно быть, был так напуган. Я не могу себе представить, через что они прошли или как, должно быть, были напуганы Джек и Тан. Это, должно быть, самое худшее чувство во всем

мире.

Желая сделать что-нибудь, чтобы помочь, я не могу удержаться от того, чтобы притянуть Тана за шею и обнять его.

— Мне так жаль, тебе нужно было позвонить мне.

— Я хотел, но я чувствую себя задницей за тот день, — шепчет он мне на ухо, прижимая к себе.

Звенит звонок, и мальчики оба смотрят на нас в шоке.

— О нет, мы опаздываем.

Они убегают, когда их класс уже вошёл в здание, и мы оба машем, говоря «Пока», синхронно, но они нас не слышат.

— Пожалуйста, не расстраивайся, я не должна была так реагировать.

— Нет, ты должна была. Я переступил черту, и мне очень жаль.

— Помнишь, что ты мне сказал? — Он смотрит на меня немного растерянно. — Ты сказал мне ни о чём не сожалеть. Ты должен сделать то же самое.

— Что ж, спасибо.

— Как насчёт того, чтобы я принесла тебе чашку кофе, которую я тебе должна?

Он соглашается с усмешкой, и мы направляемся к нашим машинам. Мне действительно приятно снова быть рядом с ним.

— Встретимся там, — кричу я, и он подмигивает. Я выезжаю со стоянки первой, но Тан следует за мной по пятам, и то, что в последнее время было огромной битвой в моей голове, размышляя о чувствах, которые я испытываю к нему, по какой-то причине прямо сейчас кажется правильным.

Остановив машину у «Старбакса», я жду, пока Тан припаркуется. Затем он выходит и посмеивается надо мной, когда я пытаюсь открыть дверь в кафе, останавливая меня, так что мне приходится отпустить дверь и войти первой. В очереди никого нет, и мы оба делаем свои обычные заказы. Но когда я подхожу, чтобы расплатиться своей карточкой, он протягивает баристе наличные.

— Ты серьёзно? — ругаю его.

— Что? Ты же не думала, что я действительно позволю тебе заплатить, не так ли?

Он протягивает мне мой кофе, который я беру из его рук.

— Спасибо, — сухо отвечаю, с ухмылкой на лице.

— Тебе следует делать это почаще.

— Что?

— Ухмыляйся вот так.

— Да?

— Да.

— Чайный латте для Тана, — выкрикивает бариста.

Он берет свой напиток, и мы находим столик у камина. Его телефон жужжит, и он достаёт его из кармана, впиваясь взглядом в экран. Он игнорирует звонок, но по его лицу я понимаю, что его беспокоит, кто бы это ни был.

— Всё в порядке? — спрашиваю я.

— Да, это мой адвокат. Я хочу подать прошение в суд о полной опеке, и он сказал мне подумать об этом, прежде чем я зайду так далеко. У меня уже есть первичная опека, и поскольку она позволила Джеку пострадать, судья, скорее всего, вынесет решение в мою пользу. Несмотря ни на что, я не могу доверить ей его, Фэй. Моя интуиция подсказывает мне

сделать это.

— Я не защищаю её, Тан. Но она его мама и единственная мама, которая у него когда-либо будет.

— Я знаю, но она шопоголик, и это управляет её жизнью. Для меня это ничем не отличается от того, если бы она была алкоголичкой. Это доставило нам много проблем и в значительной степени разрушило наш брак. Для этого ей нужна помощь.

— Разве она не хочет помощи?

— Теперь она знает. Но до тех пор, пока он не поранился, она боролась со мной из-за этого, вела себя так, как будто с ней всё в порядке. Но когда она с Джеком, её мысли заняты другим, и она просто возит его из магазина в магазин, она не является хорошей матерью. Они отсутствовали весь день, когда он получил травму. Бедный ребёнок умирал с голоду и пытался сделать себе бутерброд на ужин, когда порезал руку.

— Я думаю, ты должен поставить Джека на первое место, Тан.

— Я знаю... Я всегда так делаю.

— Тогда, если она согласна получить помощь, начните с этого и доведите дело до конца. Но не делай поспешных выводов и не лишай её всех прав. Посмотри на Брэкли, он никогда больше не увидит своего отца, и однажды это действительно повлияет на него, но у меня нет выбора в этом вопросе. Ты... у тебя есть выбор.

Он смотрит на меня и медленно кивает, его глаза ясны, как день. Его пристальный взгляд переворачивает мой желудок, и я обнаруживаю, что мы становимся всё ближе и ближе друг к другу. Затем его телефон снова жужжит, прерывая наш момент, и я отступаю. Расстроенный, он потирает затылок.

— Так ты действительно думаешь, что я должен дать ей шанс, даже после того, как он пострадал?

— Если она получит необходимую ей помощь... тогда я бы сказала «да». Дети всегда являются приоритетом номер один для родителей, но когда у кого-то вроде Чар возникают проблемы, их приоритеты могут затуманиться. Покажите ей это, чтобы она могла получить необходимую помощь, чтобы всё исправить. Я действительно думаю, что ты будешь благодарен себе в будущем.

— Господи, в твоих словах много смысла, Фэй.

— Я через многое прошла в этой жизни.

— К сожалению. Как дела у Брэкли? Я никогда по-настоящему не спрашивал.

— С ним всё в порядке. Я думаю, он в том возрасте, когда на самом деле не понимает, что Бена действительно больше нет. Понимаешь? — Тан кивает и кладёт свою руку поверх моей. Я сглатываю, глядя вниз на этот жест.

— Вы с Джеком не хотите прийти и поужинать сегодня вечером? — спрашиваю я.

— Да. Мне нравится эта идея.

— Отлично.

Он смотрит на меня, его глаза такие всепоглощающие, и глубоко в них скрыто сходство с Беном, сходство, которое, думаю, я до сих пор не замечала. Может быть, именно поэтому меня так тянет к Тану в первую очередь потому, что он так сильно напоминает мне Бена. Глядя на него в ответ, я теряюсь, и когда я закрываю глаза... Я чувствую, что Бен здесь, со мной.

— Надеюсь, ты не отказываешься от ужина, потому что я только что вышла из магазина, — говорю я Тану, отвечая на его входящий телефонный звонок.

— Ни за что. Но мне вроде как нужна услуга.

— Кому «вроде как» нужна услуга? — Я дразню его. — Ты либо знаешь, либо нет.

— Хорошо, я знаю. Это может показаться немного безумным, но мне только что позвонили, и мне нужно отвезти клиента в Лос-Анджелес сегодня, и с учётом того, как обстоят дела у нас с Чар, я не хочу ей звонить. Итак, как ты думаешь, ты могла бы забрать Джека из школы, если я вернусь поздно?

— Конечно, я могу, я совсем не против.

— Спасибо, я, вероятно, вернусь до того, как он выйдет, но на всякий случай.

— Это не имеет большого значения. Мы уже ужинаем вместе, так что мальчикам это понравится.

— Спасибо. Я напишу миссис Липер по электронной почте и дам ей знать. Кроме того, я хотел спросить тебя раньше, ты починила дверь своего гаража?

— Нет, я просто паркуюсь на подъездной дорожке.

— Ладно. Я посмотрю её сегодня. Извини, что забыл.

— Тан, может, ты перестанешь извиняться? Моя гаражная дверь не входит в твои обязанности. Я не должна была просить тебя в первую очередь.

— Я перестану извиняться, но я всё равно посмотрю её сегодня вечером.

— Хорошо.

— Я собираюсь в аэропорт. Я напишу тебе сообщение и сообщу, как идут дела позже.

Мы заканчиваем разговор, и мне нравится, как легко с ним общаться. Мы подшучиваем друг над другом, и всё это очень весело. Он такой хороший парень, и я действительно с нетерпением жду ужина. Потому что, когда я рядом с ним, боль становится меньше, и это огромное облегчение, и хотя прошла всего неделя, я скучала по нему.

Глава 8

Тан

— Папа! — восклицает Джек, когда Фэй приглашает меня к себе домой после того, как я постучал в парадную дверь.

— Привет, приятель, как прошёл твой день? — спрашиваю я его, обнимая.

— Отлично. Миссис Липер позволила мне снова быть первым в очереди, потому что я не могу раздавать бумаги рукой.

— Ах, это здорово, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Кто не спрятался, я не виноват! Я иду искать! — кричит Брэкли из другой комнаты, и Фэй открывает нижний шкафчик на кухне, жестом приглашая Джека залезть. Он бежит и забирается внутрь. Она закрывает дверь как раз в тот момент, когда Брэкли сворачивает за угол.

— Где он? — спрашивает он нас, и мы оба качаем головами, как будто понятия не имеем.

Брэкли уходит, и я слышу, как Джек хихикает из шкафа, так что я знаю, что скоро его найдут.

— Спасибо, что забрала его, — благодарю Фэй.

— Ты издеваешься надо мной? Это было проще, чем пытаться разлучить их. Они практически слепились воедино.

— Да, похоже на то.

— Нашёл тебя, — кричит Брэкли, открывая шкаф, и Фэй отпрыгивает в сторону, затем мальчишки вместе выбегают из кухни.

— Как прошёл твой полет? — спрашивает Фэй.

— Достаточно хорошо, плавно и быстро — так, как я люблю летать.

— Я не знаю, как ты это делаешь, — говорит она.

— Делаю что?

— Зарабатываешь на жизнь полётами.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, в замешательстве.

— Я не знаю, что такого в полётах, но я не фанат, и это не из-за 9/11 или чего-то ещё, этот страх у меня всю жизнь.

— Ну, ты просто никогда не летала с классным капитаном, не так ли? — Я поднимаю брови и наблюдаю, как румянец на её щеках становится ещё ярче.

Она качает головой, затем открывает духовку и говорит:

— Ужин скоро будет готов.

— Ты можешь выйти на минутку? Я купил для тебя кое-что сегодня.

— Тан, что ты мне купил? Тебе не нужно мне ничего покупать.

— Нужно. И я не могу дождаться, чтобы показать тебе; это очень романтично.

— Эй, ребята, мы выйдем на улицу на пару минут.

— Окей, — кричат они вместе.

— Никаких игр с ножами или что-то в этом роде, — предупреждаю я их, всё ещё настороженная тем, что случилось с Джеком.

Когда я выхожу на улицу, становится тепло, и приятно, что мне не нужно пальто. Я отпираю свою машину и открываю заднюю дверь. Когда она заглядывает внутрь, широкая улыбка озаряет её лицо.

— Ты купил это сегодня?

— Да, у меня была пара свободных часов в Кали, и я подумал: «Мне нужно купить этой женщине новый открыватель гаражных ворот».

— Это так мило с твоей стороны, но ты должен перестать покупать мне вещи.

— Ты прекратишь это? Я купил тебе немного еды и кофе. Плюс, это меньшее, что я могу сделать, ты сегодня спасла мою задницу. — Её волосы развеваются на ветру. — Просто прими это, хорошо? — говорю я, доставая открывалку, и мы возвращаемся в дом.

— Хорошо! Спасибо, это очень мило с твоей стороны, Тан.

Я ухмыляюсь ей, когда мы возвращаемся внутрь. Мальчишки всё ещё играют в прятки. Брэкли пролетает перед нами и прячется в том же шкафу, что и Джек ранее.

— Хочешь пива? — спрашивает она меня, и я киваю.

— Чем тебе помочь? — интересуюсь я, открывая своё пиво о край её столешницы. Лёгкий смешок вырывается из её рта, она держит в руке открывалку для бутылок, и я протягиваю ей свою крышку.

— В самом деле? Моя столешница?

— Что? Я не причинил ей вреда.

— Знаешь, раньше я считала тебя джентльменом.

Я потягиваю пиво, откинувшись назад, наблюдаю за ней, думая о том, как бы она

выглядела без одежды. Мой пристальный взгляд заставляет её нервничать, её щеки снова краснеют.

— Почему бы тебе не взять салат из холодильника и не позвать мальчиков? — говорит она.

— Конечно, — достаю огромную миску с салатом, ставлю её на стол и зову мальчиков. Не прошло и минуты, как они влетели в столовую, словно соревнуясь, кто первым доберётся до стола, двигаясь со скоростью миллион миль в минуту и плюхаясь на свои места за столом.

— Откуда у вас, ребята, столько энергии? — спросил я, тоже располагаясь на своём стуле.

Они оба подпрыгивают на своих сидениях, игнорируя меня, смеясь.

— Ты дала им конфету бодрости или что-то в этом роде? — спрашиваю Фэй.

Но она не отвечает, и когда я смотрю на неё, она неподвижна, её плечи опущены вниз, а голова подперта рукой. Что-то не так.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, вставая, и когда она смотрит на меня, в её глазах стоят слезы.

— В чём дело? — спрашиваю я, радуясь, что мальчики не заметили, что она расстроена. Но она не отвечает, она отворачивается от меня, закрывается, и мне это не нравится. На данный момент я хочу, чтобы она знала, что может открыться мне. Я касаюсь её плеча, и она качает головой, отмахиваясь от меня:

— Ничего страшного.

— Фэй, ты можешь поговорить со мной.

Она вытирает слёзы с глаз, но это не помогает, они снова появляются, и мне больно видеть её расстроенной. Минуту назад всё было хорошо, а теперь она так расстроена, и с этим трудно справиться. Я хватаю её за плечи, нежно потирая их.

— Всё в порядке.

— Я знаю, просто... когда я посмотрела на тебя, сидящего там, в кресле Бена, я... я увидела его на мгновение и... я облажалась.

Услышать её признание — это шок, и я не совсем знаю, как ей помочь.

— Может, нам стоит уйти, — предлагаю я. Последнее, что я хочу сделать, это вызвать у неё нежелательный стресс или расстроить её своим присутствием.

Она проглатывает слезы, снова вытирая глаза.

— Нет, пожалуйста, не уходи. Я не хочу быть одна.

— Ты уверена?

Она кивает, но по-прежнему не смотрит мне в глаза. Как будто ей неловко проявлять эмоции передо мной

— Это нормально — плакать, Фэй. Тебе не всегда нужно быть сильной.

Она улыбается, наконец-то поднимая на меня глаза, и я ничего не могу с этим поделать. Обхватив её, я притягиваю её в крепкие объятия, прижимая её к себе всё крепче и крепче, чем когда-либо. Она цепляется за меня, и я позволяю ей просто быть, потому что это то, что я хочу показать ей, что она может быть любой рядом со мной, и, несмотря ни на что, я никуда не уйду.

Фэй

— Они смотрят фильм «Лего», — сообщаю я Тану, выходя в гараж.

— Опять? — спрашивает он, находясь на верхней ступеньке лестницы и устанавливая мой новый открыватель гаражных ворот.

— Да, я не знаю, как они могут это делать.

— Что?

— Смотреть одно и то же снова и снова.

— Разве ты не делала такого, когда была ребёнком? — удивляется он.

— Нет, у нас не было телевизора, а мои родители были очень строги в отношении таких вещей.

— Как же ты проводила своё время?

— Просто играла на улице с другими детьми по соседству.

— Действительно?

— Да. — Он, кажется, удивлён, но когда я росла, мы были на улице с рассвета до заката.

— Мои родители были совершенно другими. Они оба вольные птицы — мы много путешествовали, а когда были дома, делали всё, что хотели, — говорит он.

— Так у тебя есть братья и сестры? — спрашиваю я.

— Один брат, а у тебя?

— Никого. Я единственный ребёнок в семье. Ты хочешь ещё детей? — неожиданно спрашиваю я, и он быстро отвечает:

— Конечно, почему бы и нет. А ты нет?

— О, я так не думаю. Я достаточно травмирована, и просто пытаться держать себя в руках ради Брэкли практически невозможно. Я и представить себе не могла, что у меня будет ребёнок, о котором нужно заботиться.

— Ты не пострадала, Фэй, — говорит он мне, оглядываясь через плечо, когда спускается по лестнице.

— Конечно. — Я закатываю глаза, отгоняя негативные мысли, которые закрадываются мне в голову. Он может говорить всё, что хочет, но я двадцатидевятилетняя вдова.

Он делает глоток пива и говорит мне:

— Фэй, я не думаю, что ты осознаешь, насколько ты сильная женщина. Я думал об этом на днях, если бы я прошёл через четверть того дерьма, что есть у тебя, я бы, честно говоря, был в психиатрической лечебнице.

— Спасибо, что сказал это, но поверь мне, иногда смиренная рубашка звучит лучше, чем просто открыть глаза.

— Эй, по крайней мере, это всего на несколько дней, — дразнит он меня, и я поднимаю свой бокал за него, а затем делаю глоток вина.

— Хочешь оказать честь? — спрашивает он, указывая на стену.

Вытянув руку высоко над головой со ступеньки, на которой я сижу, я нажимаю кнопку на стене. Его глаза на моем теле, электризуют мои внутренности. Мотор работает тихо, и впервые за несколько дней открывается дверь моего гаража.

— Ты всё исправил! — восклицаю я, и Тан удовлетворенно кивает мне.

— Ну, это заняло всего, сколько... неделю? — ворчит он.

— Эй, всё исправлено. Я ни капельки не жалею, — говорю я. — Огромное тебе спасибо.

— Пожалуйста. — Он протягивает мне новый портативный пульт дистанционного

управления из своего кармана и говорит: — Это тоже должно сработать.

Я нажимаю кнопку на пульте, который он дал мне, чтобы закрыть дверь и остановить поток холодного воздуха.

— Так ты отдашь мне ту картину сейчас? — спрашивает он, и я не могу поверить, что он всё ещё хочет её, но сделка есть сделка.

Когда мы возвращаемся в дом, тёплый воздух действует успокаивающе. Я слышу, как мальчики смеются над фильмом из комнаты Брэкли, этот шум так успокаивает меня.

— Ты действительно этого хочешь?

— Ну что ж... Я хочу другую, но, поскольку я не думаю, что ты откажешься от неё, я возьму то, что смогу получить.

— Какую другую? — спрашиваю я, когда мы входим в мою студию.

— Вот эту. — Он указывает на картину, которую я нарисовала на днях и которая всё ещё стоит на моем мольберте. С тех пор я так и не нашла времени вернуться сюда и внести последние штрихи.

— Я бы отдала её тебе, но она даже не закончена.

— Тогда закончи её.

Он абсолютно серьёзен.

— Прямо сейчас?

— Конечно.

Я обдумываю его предложение. Глядя на картину, можно сказать, что для этого много не нужно. Я могла бы сделать это прямо сейчас. Но я не уверена, что хочу оставить всё как есть. Это действительно так мрачно, но прекрасно, смесь боли и удовольствия.

— Ты будешь смотреть, как я это делаю? — спрашиваю я, и он смеётся надо мной, потягивая пиво:

— Чёрт возьми, да. — На его лице ухмылка, и я сажусь, рассматривая картину и представляя, что я собираюсь с ней сделать.

Когда Тан рядом со мной, я немного нервничаю. Я всегда рисовала в одиночестве. Бен поддерживал меня в рисовании, но никогда не наблюдал, как я это делаю. Тан, с другой стороны, стоит прямо за мной. Я оглядываюсь на него, близость поглощает меня.

— Я не могу работать, когда ты нависаешь надо мной.

Он хватает стул с другой стороны комнаты, снимает с него картину и спрашивает:

— Могу я поставить это здесь?

— Конечно. — Затем он садится рядом со мной, точно так же, как в ту ночь, когда мы увидели друг друга в школе для мальчиков, наши бедра почти соприкасаются.

— Есть ли какие-нибудь цвета, которые ты хочешь добавить? — спрашиваю я.

— Всё, что ты выберешь, ведь ты художник.

— О, пожалуйста, такую картину мог бы сделать и Брэкли.

— Нет, не мог. Это настоящий шедевр. Просто уже рисуй.

Властный.

Макая тонкую кисточку в чашку с водой, я чищу её. Затем я наполняю свой лоток несколькими цветами и, держа его в руках, представляю, как должна выглядеть конечная картинка. Закрывая глаза, я вижу это ясно, как день.

Окунув кончик мокрой кисти в воду, я добавляю немного чёрного и осторожно начинаю выводить тонкую жилку через рисунок, придавая ему глубину и жизнь, которых раньше не хватало.

— Вау, это выглядит потрясающе, — говорит Тан.

— Это действительно просто. Хочешь попробовать?

— Ты уверена? — спрашивает он и ставит своё пиво, явно взволнованный. Я готовлю кисть и передаю её ему.

— Где мне начать? — интересуется он.

— Где захочешь. Но не дави слишком сильно. Держи кисть подальше от холста и позволь потоку краски и воды двигать тебя вперёд.

Он смотрит на мои губы, пока я говорю. Напряжение между нами сегодня очень сильное, и я не борюсь с ним. Я позволила этому просто быть. Затем он отводит взгляд; его глаза напряжённо сосредоточены, а язык зажат между зубами. Кисть парит над бумагой, и я ловлю себя на том, что теряюсь в нём. В пути он двигает кистью. Кстати, его аромат витает вокруг меня. В том, как его губы заставляют меня желать их. Это притяжение и связь с ним сегодня так сильны, сильнее, чем когда-либо с тех пор, как мы встретились, и теперь я понимаю, почему он поцеловал меня, когда он это сделал, потому что прямо сейчас я могла бы поцеловать его.

— Как я справился? — спрашивает он, выводя меня из моих мечтаний.

— Хорошо, действительно хорошо. — Смотрю на линию, которую он нарисовал на холсте; она почти идентична моей. Обе они параллельны друг другу. У него твёрдая рука, это ясно.

— Ты самородок, — говорю ему и обнаруживаю, что наклоняюсь ближе. Позволяю своим эмоциям взять верх.

Мои ладони вспотели, и я облизываю губы. Что-то подталкивает меня вперёд, говорит мне, что я должна это сделать, а потом ни с того ни с сего он прикасается кистью к моему носу, останавливая меня как вкопанную.

— Не делай этого.

— Что? — Я в замешательстве, с мокрым от краски носом.

— Не приставай ко мне так. В прошлый раз, когда это случилось, всё закончилось плохо, а потом мы целую неделю не разговаривали.

Он снова смотрит на меня таким взглядом, и я знаю, что он тоже это чувствует, но, возможно, он прав. Может быть, нам не стоит этого делать. Вытирая нос насухо, я смотрю на свою чёрную руку. Он оставил огромный след краски, и я не могу остановиться, прижимаю её к его щеке. Моя маленькая рука размазывает краску по его коже. Щетина на его лице под моими кончиками пальцев, когда он смотрит на меня с открытым ртом.

— За что?

— За то, что остановил меня.

Моё сердце колотится, и он хватается за обе щёки, крепко прижимая к себе, изучая мои глаза. Моё дыхание сбивается, пока я жду, когда он приблизится.

Затем, когда он медленно это делает, дверь в студию открывается, и заглядывает сторбленный Брэксли. Тревога поглощает меня. Тан отпускает меня, и я бросаюсь к Брэксли.

— В чём дело?

— Я плохо себя чувствую.

— Что болит?

Я опускаюсь перед ним на колени, глядя в его остекленевшие красные глаза.

— Мой животик.

— Ты чувствуешь, что тебя сейчас стошнит?

Он кивает, и я поворачиваюсь к Тану, одними губами произнося «Прости», когда вывожу сына из комнаты. Мне так жаль Брэксли, когда я веду его в ванную, он падает на пол, его крошечное тельце прижимается к унитазу, и как мать в этот момент я так беспомощна. Я не хочу, чтобы ему когда-нибудь было больно; я хочу забрать его боль. То, как он воспринимает мою боль.

Глава 10

Тан

— Я не хочу уходить, папа.

— Я знаю, что ты не понимаешь, приятель, — говорю я Джеку, когда мы выходим из дома Фэй, — Но Брэксли плохо себя чувствует. Мы должны дать ему отдохнуть.

Он зеваает и держит меня за руку, пока мы закрываем входную дверь и идём к моей машине. Я пристёгиваю его и вижу, что он устал, что меня не удивляет. Эти парни были в полном изнеможении. Смотрю в зеркало заднего вида, его глаза уже закрыты. Пройдёт совсем немного времени, и он наберётся сил.

По дороге я ловлю себя на том, что думаю о Фэй и о том, как она подошла ко мне сегодня вечером. Это было как гром среди ясного неба. Я понятия не имел, что она была готова на всё, и я не жалею. Я чертовски сильно хочу её, но в то же время сомневаюсь. Я видел, как она пугается, когда попадает в это тёмное место.

Думая о том, когда всё станет более запутанным, потому что так оно и будет, я испытываю стресс от того, что произойдёт. Примет ли она это и будет в порядке со всем, или она замкнётся и оттолкнёт меня?

Въезжая на подъездную дорожку, я ставлю машину на стоянку и оглядываюсь на Джека — он спит. Подойдя к его двери, я открываю её, а затем отстёгиваю его, поднимая его маленькое тело на руки. Он обмяк в моих объятиях.

Неся его через парадную дверь в его комнату, я откидываю одеяло и укладываю его в кровать. Он не двигается, пока я снимаю с него ботинки, подумывая о том, чтобы переодеть его в пижаму, но я этого не делаю. Какое это имеет значение, на самом деле?

Когда я накрываю его, я вздрагиваю от того, что позади меня стоит Чар.

— Могу я пожелать ему спокойной ночи? — спрашивает она.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — шепчу я разозлившись.

— Мне нужно увидеть его, Тан.

— Он устал, дай ему поспать.

— Пожалуйста? — снова просит она, и я жестом прошу её выйти из его комнаты, чтобы мы не разбудили его ссорой. Бедный ребёнок за свою жизнь повидал достаточно драк между нами двумя.

— Пожалуйста, Тан, не скрывай его от меня.

— Я не скрываю его от тебя; ты позволила ему пострадать. Ты не можешь вот так просто ворваться в мой дом.

— Я тоже раньше здесь жила, — возражает она.

— А потом ты покинула нас, так что это больше не твой дом.

— Где вы были весь день?

— Не беспокойся об этом. То, что мы делаем, тебя не касается, Шарлин. А теперь тебе нужно уйти.

— Пожалуйста, Тан. — Она касается моей руки и подходит ближе ко мне. Я отдёргиваю руку и говорю ей:

— Сейчас.

Слезы наворачиваются на её глаза, и она говорит мне:

— Он возненавидит тебя за это.

— За что? Я ни хрена не сделал. Знаешь, с тех пор как он поранился, он ни разу не спросил о тебе. Так что на твоём месте я бы взял себя в руки, пока не стало слишком поздно, и ты не разрушила те немногие отношения, которые у тебя с ним остались.

Она снова пытается прикоснуться ко мне, и я отстраняюсь. Все чувства, которые я испытывал к Чар, давно прошли. Когда она выходит из моего дома, я не удивляюсь, что она сделала что-то подобное. Чар — женщина импульсивного типа. Прямо как на нашей свадьбе в Вегасе — она подхватила идею и воплотила её в жизнь. Запирая дверь, я рад, что она тихо ушла, и Джеку не пришлось видеть, как мы ссоримся.

Когда Чар ушла, я обнаруживаю, что мои мысли сразу же переключились на Фэй. Достав телефон из кармана, я отправляю ей сообщение:

— Как Брэксли?

Затем беру пиво и плюхаюсь на диван, скидываю туфли и ложусь на спину.

«Он просто заснул. Я думаю, бедняга был просто измотан».

«Джек тоже».

«Прости, что я пыталась поцеловать тебя», пишет она, и когда я смотрю на слова, они меня немного бесят. Набираю её номер, проходит несколько гудков, прежде чем она отвечает. Застенчивым тоном она говорит:

— Алло?

— Ты действительно сожалеешь? — спрашиваю я, чувствуя себя немного уязвлённым.

Она выдыхает в трубку, и я жду её ответа.

— Я... Я не знаю, кто я, Тан.

— Я не против, но я не хочу, чтобы ты сожалела.

— Могу я тебе кое-что сказать? — спрашивает она.

— Конечно.

— Иногда... — Она замолкает, и я даю ей минуту, позволяя ей рассказать мне... — Иногда, когда мы вместе, я чувствую, что Бен...

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я в замешательстве.

— Я не знаю; это звучит безумно, даже если сказать это вслух.

— Ничто из того, что ты говоришь, не является безумием.

— Я как будто чувствую, как он подталкивает меня к тебе.

— Ты думаешь?

— Мне так кажется.

— Это хорошо?

— Думаю, да. Временами я чувствую его сильнее, чем другие, сильнее, чем за тот год, что его не было. Но мне всегда кажется, что он даёт мне чувство уверенности, когда ты рядом.

Слышать, как она говорит мне это, трудно понять. Я ещё не терял кого-то настолько близкого. Я не уверен, как реагировать или как это воспринимать. Но что я точно знаю, так это то, что Бен был её жизнью. Я вижу, как загораются её глаза, когда она вспоминает его, так что, если я смогу вернуть ей частичку этого, тогда это действительно не так уж плохо.

— Может быть, Бен свёл нас вместе, — говорю я.

— Ты думаешь?

— Возможно, если ты подумаешь об этом. Мальчики вместе учатся в школе уже два года, и мы никогда не сталкивались друг с другом до этого года.

— Я думаю, ты можешь быть прав.

— Ну, да, я всегда прав, — шепчу я, и она хихикает.

— Значит, то, что я тебе сказала, тебя не пугает?

— Нисколько. Я восхищаюсь твоей силой и тем, как ты говоришь о своих чувствах. Ничто из того, что ты могла бы сделать или сказать, не вывело бы меня из себя. Это не похоже на то, что ты пробралась в мой дом, как это сделала моя бывшая сегодня вечером, чтобы попытаться увидеть Джека.

— Что за чёрт? Она была в вашем доме?

— Да, она сказала, что была здесь весь день.

— О Боже, Тан, что сказал Джек?

— Он спал, поэтому не видел её.

— Вау, это просто безумие.

— Верно? Ей нужна смиренная рубашка.

Я потягиваю пиво и погружаюсь в наш разговор. Разговаривать с Фэй легко. Я надеюсь, что это только начало того, как мы преодолеем барьер, который сдерживал нас. Когда она была готова, я не был готов, а когда я был готов, она не была готова.

Глава 11

Фэй

— Спасибо, Джен, — говорю я своей свекрови, выходя из дома и направляясь на терапию.

— Конечно, дорогая, мы скоро увидимся.

Отправляюсь в путь, солнце сегодня тёплое. Отъезжая от дома, я беру свой кофе и вспоминаю, как впервые встретила Тана. Кто бы мог подумать, что поход в местный «Старбакс» может обернуться тем, что теперь есть?

Поездка короткая, и когда я въезжаю на парковку, я не боюсь своей встречи, как обычно.

— Доброе утро, — приветствую секретаря моего психолога, и она отвечает:

— Доброе утро, можете сразу заходить.

— Спасибо. — Я стучусь, и доктор Бринкман смотрит на меня из-за своего стола из красного дерева.

— Привет, Фэй, пожалуйста, заходи.

Я осторожно закрываю дверь и снимаю пальто, затем сажусь на один из свободных стульев.

— Как у тебя дела сегодня? — спрашивает она.

— Я в порядке.

Она встаёт и садится напротив меня; её карие глаза заинтересованно изучают меня.

— Ты хорошо выглядишь, Фэй.

— Спасибо.

— Есть какая-то причина? — спрашивает она.

— Не совсем, — отвечаю я, не зная, стоит ли мне говорить с ней о Тане.

Она смотрит в свои записи, а затем говорит мне:

— Фэй, я встречаюсь с тобой уже год. Всё это время я наблюдала, как ты изо всех сил пытаешься принять реальность того, что Бена действительно больше нет, скорбишь и винишь себя, приспособливаешься к жизни так, как могла бы без него, но сегодня, когда я сижу напротив тебя, что-то изменилось. Что это?

Услышав, как она говорит всё это, я вспоминаю все сеансы, через которые мы прошли. Я боролась, горевала, винила себя и подвергала сомнению всё это. Прошедший год был ужасным. Затем вся боль, казалось, уменьшилась в тот момент, когда я встретила Тана. Он действительно был глотком свежего воздуха.

— Я кое-кого встретила, — призналась я. — Своего рода друга.

— У этого друга есть имя? — спрашивает она.

— Тан.

— Как вы познакомились?

— Он купил мне чашку кофе, когда я однажды забыла свой бумажник.

— И он был совершенно незнакомым человеком?

— Да, и с тех пор, он стал моим другом, — говорю я.

— Что ты чувствуешь, когда находишься рядом с ним? — Её вопрос заставляет меня чувствовать себя обязанной рассказать ей о том толчке, который я чувствую от Бена. Может быть, она поможет мне разобраться в этом.

— Я чувствую, что Бен больше находится рядом со мной, когда рядом Тан. Кроме того, я не так часто думаю о боли. С ним легко быть рядом, он заставляет меня смеяться, и наша беседа проходит легко.

— Тан знает обо всём этом? — спрашивает она меня.

— Большую часть, да.

— И какова была его реакция?

— Что, возможно, Бен свёл нас вместе.

— Ты в это веришь? — интересуется она, записывая что-то в свой блокнот.

Я смотрю в окно на горизонт Сиэтла.

— Я больше не знаю, чему верить, доктор Бринкман. Но что я точно знаю, так это то, что последний год без Бена был самым тяжёлым временем в моей жизни, а потом вдруг я встречаю этого парня, и теперь всё кажется другим.

— Как ты думаешь, почему это так?

— Тан не похож на других мужчин. Он заботливый и очень уважительный. У него тоже есть сын, того же возраста, что и Брэксли. На самом деле они учатся в одном классе. И Тан тоже прошёл через изрядную долю дерьма. Сейчас он переживает развод, но, несмотря ни на что, он по-прежнему ставит своего сына на первое место.

— Вы были близки?

— Нет, Боже, нет. Мы даже не можем поцеловаться.

— А что, если бы ты это сделала? Как бы ты себя при этом почувствовала?

— Мы пытались, но ничего хорошего из этого не вышло. Это то, что очень тяжело для меня.

— Вау, Фэй, я... я действительно горжусь тобой.

— Да?

— Да, ты пережила ужасное время, и у меня такое чувство, что ты преодолела боль и

вот-вот откроешься для чего-то действительно хорошего. Я хочу, чтобы ты запомнила, что сказал тебе Бен. Он хочет, чтобы ты двигалась дальше и была счастлива. Возможно, именно поэтому ты чувствуешь его, когда Тан рядом — он одобряет.

Её слова возвращают меня в тот день, когда Бен был на смертном одре, и он заставил меня пообещать не носить моё кольцо после его смерти и не страдать от боли его смерти. Он хотел, чтобы я двигалась дальше, радовалась тому, что каждый день просыпаюсь здоровой, и нашла кого-то другого для себя и для Брэкли.

Представив себе его силу, когда он сказал мне эти слова, я задаюсь вопросом, послал ли он Тана...?

Глава 12

Тан

— Твоё здоровье, — Эллиот поднимает свой бокал за меня, и я прикасаюсь к его бокалу, не совсем уверенный, что мы празднуем, но кого это, чёрт возьми, волнует — мы в Мексике на ночь. — Ты когда-нибудь думал о том, чтобы надеть свою форму, чувак?

— На публике?

— Да. Ты же знаешь, как девушкам нравятся парни в форме, мы бы получили столько кисок, что было бы тошно.

— Ни за что, это было бы чертовски банально.

— Заткнись. Знаешь, каждый раз, когда ты говоришь женщине, что ты пилот, она как будто автоматически раздвигает перед тобой ноги.

Мимо проходит бармен, и Эллиот заказывает нам ещё по порции.

— Не все мы просто трахаем каждую пару раздвинутых ног, Эллиот.

— Почему бы и нет, капитан? Тебе нужно с кем-то переспать, чтобы забыть всё то дерьмо, что было между тобой и Чар.

— Нет, чувак. Я не могу.

— Почему нет?

Мой телефон вибрирует, и я игнорирую Эллиота, ожидая увидеть сообщение от Фэй. Пока я читаю её слова, он выхватывает телефон у меня из рук.

— Только что уложила Брэкли, теперь я расслабляюсь. Надеюсь, в Мексике всё хорошо, — читает он вслух, а затем спрашивает меня: — Это кто? — показывая мне мой телефон.

Я не видел эту фотографию раньше; должно быть, она только что появилась. Я тянусь к своему телефону, но он убирает его прежде, чем я успеваю его взять, и что-то печатает. Затем он бросает его на стойку, и я поднимаю его, глядя на розовые пальчики ног Фэй под струёй воды из её ванны. Потом я прочитал слова Эллиота, и мне захотелось врезать ему по зубам.

«Дай мне увидеть больше!» вот что он ей написал. Чёрт! Он понятия не имеет, как обстоят дела между нами. Или кто она такая, или через что ей пришлось пройти.

— Ты разозлился?

Я более чем зол. Я даже не знаю, как с ним сейчас обращаться. Он пьян, и я тоже, но я всё ещё достаточно связно мыслю, чтобы понимать, что это сообщение только ещё больше оттолкнёт Фэй.

— Я мог бы, блядь, убить тебя, чувак.

— Отвали. Я оказал тебе услугу. Так кто же эта цыпочка? Ты уже трахнул её?

— Нет, чувак, я этого не делал. Она просто друг.

Затем в центре бара вибрирует мой телефон, и мы оба тянемся к нему. К счастью, я добираюсь до него первым, и когда я открываю сообщение, я так удивлён, увидев больше её ног. Эта фотография сделана от бёдер вниз, и мой член дёргается.

— Дай мне посмотреть? — требует Эллиот, протягивая руку к моему телефону. Но я положил его в карман, бросив сотню на стойку. — Увидимся в пять, — говорю я.

— О, да ладно, — кричит он мне вслед, но я игнорирую его и продолжаю идти, направляясь обратно в свою комнату. Всё это время мой взгляд прикован к ногам Фэй в прозрачной воде.

Войдя в свою комнату, я выхожу на балкон и фотографирую океан, размышляя, что ей сказать. Должен ли я сказать ей, что я не отправлял сообщение с просьбой о большем? Потому что, чёрт возьми, я хочу большего.

Стирая картинку, я просто печатаю то, что чувствую, точно так же, как это делала она.

«Ты такая чертовски великолепная».

«Спасибо, могу я тебя увидеть?»

Я фотографируюсь, чувствуя себя немного странно, делая это, но она попросила, и прямо сейчас я так возбуждён. Она ответила на моё сообщение:

«Где ты?»

Я посылаю ей фотографию океана со своего балкона и пишу:

«Моя комната».

Возвращаясь к её сексуальной фотографии, я хочу большего. Чёрт возьми, мне нужно больше.

«Могу я увидеть тебя целиком?» — пишу я, а потом жду.

Мой член так напряжён в ожидании, и я волнуюсь, что зашёл слишком далеко. Направляясь внутрь, я беру пиво из мини-холодильника и плюхаюсь животом на кровать, глядя на фотографию её ног, пока я лежу здесь.

Я не знаю, что такого есть в Фэй, что заставляет меня так сильно хотеть её, но я ничего не могу с этим поделать. Я не хотел, чтобы наш первый раз был таким, но, может быть, так и должно быть. Потом я получаю от неё сообщение, в котором говорится:

«Ты так разочарован?»

«Что ты имеешь в виду?» — ответил я.

«В моём теле».

Зайдя в свой журнал вызовов, я набираю её номер телефона и, как только она отвечает, включаю громкую связь.

— О чём ты говоришь? Почему ты так думаешь?

— Разве ты не получил мою фотографию?

— Только две твои ноги. Ты прислала ещё?

— Угу, — она тихая.

— Я думал, что зашёл с тобой слишком далеко.

— Нет, ты этого не сделал. Я отправила тебе.

— Отправь снова, — приказываю я ей, и она спросила меня:

— Ты уверен?

— Чёрт возьми, да! Не заставляй меня лететь туда прямо сейчас и потерять работу, чтобы я мог доказать это...

Но мои слова обрываются, когда её прекрасное тело смотрит на меня в ответ. Её сиськи огромные, пухлые и круглые, с самыми мягкими розовыми сосками, которые я когда-либо видел. Её живот плоский, а киска...

— Трахни меня, — ворчу я вслух, и она говорит:

— Так тебе это нравится?

— Фэй, твоё тело так чертовски идеально. Ты потрясающая.

— Я бы хотела, чтобы ты был здесь, — сказала она, и я прошептал:

— Я тоже. — Представляя себя там с ней, я спросил:

— Ты все ещё в ванне?

— Угу.

— Ты будешь трогать себя?

— Если ты это сделаешь.

Переворачиваюсь, мой член становится тверже от её слов. Расстёгивая молнию на штанах, я вытаскиваю свой член наружу. Потребность кончить настолько сильна, что, когда я сжимаю основание своего члена, мои яйца напрягаются, а член пульсирует в моей руке.

Возвращаясь к фотографиям, я смотрю на её тело, когда глажу себя, и она говорит мне:

— Мне нужна твоя фотография.

Держа свой член в руке, я посылаю его фото ей, и она ахает.

— Тебе это нравится? — спросил я.

— Угу.

Из неё вырываются тихие стоны, и я хотел бы быть там и видеть, как она их издаёт.

— Скажи мне, что ты делаешь.

— Я... Мне жаль, что я никогда этого не делала.

— Я тоже. Просто закрой глаза и представь, что я там, с тобой.

— Хорошо.

— Чёрт, у меня стояк.

— Ммммм, — стонет она, и я двигаюсь быстрее, дёргаясь с такой скоростью, что могу представить, как я трахаю её.

— Чёрт, я хочу тебя, — говорю я ей.

— Я тоже хочу тебя.

И я никогда не думал, что услышу от неё эти слова в ответ. Я никогда не думал, что мы дойдём до этого момента, но это так, и, чёрт возьми, это хорошо.

Она стонет долго и тихо, её звуки подобны музыке для моих ушей, и моё тело реагирует на это.

— Поговори со мной, — просит она.

— Господи, ты великолепна. — Я снова смотрю на фотографию, поглаживая свой член до самого кончика.

— О Боже, я собираюсь кончить.

— Чёрт, Фэй, — ворчу я, тоже отдаваясь удовольствию.

— О, Тан, — громко стонет она, и сперма выстреливает из головки моего члена. Мой оргазм чертовски интенсивен. Я не могу поверить, что мы только что это сделали. После того, как мы не смогли поцеловаться, значит, вот как мы начинаем всё сначала? Насколько это, блядь, отстало?

Фэй

Просыпаюсь, мои глаза тяжелеют, и когда я захожу в комнату, что-то кажется другим. Потом я вспоминаю, что мы с Таном делали прошлой ночью, и я не могу поверить, что это произошло на самом деле.

Прижимая руку ко лбу, я перекатываюсь на бок и обнаруживаю, что того, что, как я думала, будет тяжёлым грузом сожаления, давящего на меня, там нет.

Вместо этого я нахожу, что внутри меня разливается удовлетворение. Облегчение, которого я так долго искала, настолько сильное и обнадеживающее, что это почти пугает. Потянувшись к тумбочке за фотографией Бена, на которую я иногда вешаю ожерелье с нашими кольцами, я поднимаю её и смотрю на него. Боже, такое чувство, что я так давно его не видела.

Закрыв глаза, я сжимаю кольца, прижимаю их к груди и изучаю его лицо. Я почти слышу его смех. Господи, всё, что мы делали, это смеялись; он был таким забавным и непосредственным. Поднимая фотографию, я целую его в лицо, а затем ставлю её обратно.

Мой телефон звонит, и я хватаю его, чтобы увидеть сообщение от Тана.

«Не могу дождаться встречи с тобой», — пишет он и присылает фотографию восхода солнца.

«Я тоже. Спасибо тебе за прошлую ночь», — отвечаю ему, думая о том, что мы сделали.

Он сразу же отвечает:

«Ты что, издеваешься надо мной? Спасибо! Всё было в порядке?»

«Да. Мне понравилось».

«Хорошо, мне тоже».

«Где ты?» — спрашиваю я с любопытством, желая знать, где он, поскольку я думала, что он летал весь день.

«Только что приземлился в Лос-Анджелесе, а потом буду дома. Могу я тебя увидеть?»

«Да!» — отвечаю я, возможно, немного слишком быстро. Но я не делала этого с тех пор, как училась в средней школе, так что я не знаю, как быть. Что я точно знаю, так это то, что Тан любит меня такой, какая я есть, поэтому я не собираюсь что-то менять или подвергать сомнению. Как и прошлой ночью, я была напугана и нервничала, но я справилась и последовала своей интуиции, и из-за этого я действительно счастлива.

«Я не могу дождаться, Фэй».

Смотрю на свой телефон, и в животе у меня порхают бабочки.

«Я тоже не могу дождаться».

Вскочив с кровати, я иду будить Брэкли, но он уже встал, сидит на полу в своей комнате, ест хлопья из коробки и смотрит мультики.

— Доброе утро, детка.

— Привет, мамочка.

— Как тебе спалось? — спрашиваю его, целую в макушку, пока он смотрит телевизор, а затем сажусь рядом с ним.

— Хорошо. — Он кажется немного более тихим, чем обычно, замкнутым, как будто его что-то беспокоит, поэтому я спрашиваю:

— Ты хорошо себя чувствуешь сегодня?

— Да. Я скучаю по папе.

— О, малыш. — Я крепко обнимаю его, прижимая его крошечное тельце к своей

груди. — Я тоже, я тоже.

— Когда я смогу увидеть его снова?

Слезы наполняют мои глаза, когда я слушаю его слова, и я ищу правильный ответ, но не могу его найти.

— Я... я...

Пожалуйста, Господи, дай мне сил.

— Дорогой, однажды ты увидишь своего папочку на небесах, но это будет не очень скоро.

— Но что, если я захочу поговорить с ним сейчас?

— Ты всегда можешь поговорить с ним, он слушает.

— Но я не могу его видеть.

— Нет, ты не можешь.

Я моргаю несколько раз, желая дать ему что-то большее, другой способ установить связь с Беном. Потом меня осеняет, и я представляю, как беру его с собой на могилу Бена. Но я не знаю, смогу ли я это сделать. Когда его хоронили, Брэксли был так мал. Я не думаю, что он помнит, или, по крайней мере, мы не говорили об этом. Но он просит сейчас, и я, как его мать, несу ответственность за то, чтобы помочь ему пройти через всё это.

Отпуская своего сына, я спрашиваю его:

— Что ты скажешь, если я отвезу тебя туда, где, как мы знаем, находится твой отец?

— Могу я его увидеть?

— Нет. Но помни, твой папа всегда рядом, так что ты можешь поговорить с ним, когда захочешь. — Я касаюсь места на левой стороне его груди, где находится его сердце. Он смотрит вниз на мой палец и кладёт свою маленькую ладонь поверх моей, закрывая глаза.

Слезы, которые я так стараюсь сдержать, вырываются наружу, когда я смотрю, как мой сын пытается наладить контакт со своим отцом.

Пожалуйста, Бен, подай ему знак.

Но Брэксли открывает глаза и качает головой.

— Он не отвечает.

— Всё в порядке; это не значит, что он не слушает.

— Ты можешь отвезти меня туда?

— Конечно, милый...

* * *

— Мы можем есть блинчики каждый день? — спрашивает меня Брэксли с заднего сиденья моей машины, когда я еду с ним на кладбище.

— Конечно, можем. Но я думала, ты любишь лазанью на завтрак?

— Я люблю, но бабушка Джен говорит, что это не еда для завтрака.

— Конечно. Ты можешь есть на завтрак всё, что захочешь.

Он улыбается мне в зеркало заднего вида, затем смотрит в окно, когда мы въезжаем в ворота кладбища. Забавно, что место, где всё выглядит одинаково и, как вам кажется, будет сложно ориентироваться, на самом деле таковым не является. Я точно знаю, куда еду. Моё сердце колотится, а руки становятся липкими, когда я вижу ряд, где находится Бен.

Ставя машину на стоянку, я делаю глубокий вдох:

— Мы на месте.

Когда я выхожу, запах в воздухе тот же, что и в тот день, когда Бена похоронили. Сосны

и мёртвые цветы, это почти тошнотворно.

— Готов? — спрашиваю я Брэксли, делая всё возможное, чтобы оставаться сильной ради него, когда он берёт букет цветов с заднего сиденья, который он выбрал.

Поставив обе его ноги на землю, я беру его за свободную руку и иду вдоль задней части надгробий, пока мы не доходим до простого белого мраморного надгробия Бена.

— Вот он, — говорю я Брэксли сквозь рыдания, представляя моего Бена, погребённого под землёй. Это так несправедливо, что жизнь раздала ему такие карты.

— Так папа здесь?

— Да, детка, папа здесь.

Мы оба опускаемся на колени, и я, как всегда, очищаю мрамор от мусора. Брэксли берет цветы и кладёт их, как и все остальные. Он такой наблюдательный для своего возраста.

— Могу я поговорить с ним?

Я киваю и вытираю глаза насухо.

— Привет, папочка, это я, Брэксли. Я скучаю по тебе, и мама тоже скучает по тебе. Я не могу дождаться, когда увижу тебя на небесах; надеюсь, ты в порядке и больше не болеешь.

Слушая его слова, моё сердце разрывается. Он так молод и не заслуживает того, чтобы так познать смерть. Если бы только я могла защитить его от боли скорби, я бы это сделала. Я бы рискнула своей жизнью, чтобы вернуть ему отца в мгновение ока.

Глава 14

Тан

Забрав Джека из дома Чар, я не знаю, кто из нас больше рад пойти к Фэй. Конечно, мне не хотелось оставлять его с бывшей, пока меня не было в городе, но Фэй убедила меня сделать это, и всё получилось хорошо.

— Тебе с мамой было весело, приятель?

— Да, мы не ходили по магазинам, пап. Мы собирали Лего и смотрели фильмы. Это было весело.

— Что ж, приятно это слышать.

— Я не могу дождаться, чтобы пообщаться с Брэксли.

— Да? Ты скучаешь по нему?

Он кивает головой, и я рад, что мальчики есть друг у друга. Они стали лучшими друзьями. Проверив свой телефон на светофоре, я до сих пор не получил ответа от Фэй. Я написал ей несколько часов назад, спрашивая, не нужно ли ей чего-нибудь по дороге, и её молчание начинает меня нервировать.

Когда мы подъезжаем к её дому, я ставлю машину на стоянку и говорю Джеку:

— Прежде чем мы войдём, я должен тебе кое-что показать.

Он отстёгивает ремень безопасности и идёт со мной к задней части моего внедорожника. Я открываю багажник, и когда он видит огромное кресло-мешок, он подпрыгивает.

— Это для меня, папа?

— Твой — дома, этот для Брэксли. Думаешь, ему понравится?

— Да! У меня такой же цвет?

— Да, оба серые, приятель.

Я хватаю чудовищную подушку с заднего сиденья своей машины, и Джек вбегает в дом.

Ему здесь так уютно, что он даже больше не утруждает себя стуком.

— Тук-тук, — говорю я, следуя за ним внутрь. Но я не вижу и не слышу Фэй.

— Разве это не круто? — говорит Джек, рядом с ним Брэкли, и я ставлю подушку.

Мальчики вместе запрыгивают на кресло и сидят там примерно полсекунды, прежде чем убежать.

— Где твоя мама? — кричу им вслед, и Брэкли отвечает:

— Рисует.

Я поднимаюсь по лестнице в студию и вижу Фэй перед холстом, как только добираюсь до верха. Я тихо стою в дверях и просто наблюдаю за ней. Она рисует что-то новое, и я сразу понимаю, почему она не ответила мне. Она в своём потоке; её рука непрерывно движется, когда она воплощает в жизнь ещё одну удивительную картину.

— Это из-за пляжа? — спрашиваю её, и она подпрыгивает, её кисть взлетает в воздух.

— Чёрт, Тан, ты меня напугал.

— Прости, — говорю я с улыбкой на лице, придвигая свой обычный стул рядом с ней и протягивая ей кисть. Она застенчиво улыбается мне, и я задаюсь вопросом, это не из-за того ли, что мы делали по телефону прошлой ночью.

Я не хочу, чтобы она стеснялась рядом со мной, поэтому я стараюсь поднять её настроение.

— Эй, кто-нибудь когда-нибудь просил тебя прислать им обнажённую натуру? — Мой тон саркастичен, и она ухмыляется, хлопая меня по плечу.

— Что? Это законно, это то, что делают все крутые ребята в наши дни.

— Я даже не хочу знать, откуда ты это знаешь.

— Ну так что? — спрашиваю её снова.

— Только один парень.

— Ты это сделала?

Она кивает и кладёт голову мне на плечо, больше не стесняясь, и я провожу руками по её волосам, прежде чем обхватить ладонями её лицо, радуясь тому, что мы преодолели барьер, который так долго сдерживал нас.

— Ты рисовала весь день?

Она опускает кисть в чашку с водой и глубоко вздыхает.

— Угу.

Что-то её беспокоит. Я хочу повернуть её к себе и заставить впустить меня, сказать, в чём дело, но я также боюсь. Я уважаю её и не хочу давить слишком сильно, слишком настойчиво... Я жду.

— Сегодня я отвезла Брэкли на кладбище, — наконец говорит она, и у меня сводит живот. Я и представить себе не мог, что такотреагирую. Я не могу себе представить, через что ей пришлось пройти, или каково это было для Брэкли. Он так мал, и ему приходится много переживать.

— О, Боже, Фэй, мне так жаль.

— Всё в порядке. Мне нужно было это сделать, и удивительно... он сильнее, чем я думала. Черт возьми, он сильнее меня. Но... это всё ещё было так трудно сделать. Когда мы вернулись домой, я знала, что должна быть чем-то занята, иначе мои мысли пойдут по спирали, так что я сижу здесь.

— Могу я спросить, почему вы решили навестить его сейчас?

Из наших прошлых разговоров я знаю, что он не был там с похорон, и она была не

против не брать его, пока он не подрастёт.

— Он проснулся, скучая по Бену и задавая вопросы. В глубине души я чувствовала, что это было правильно.

— Чёрт возьми, Фэй, ты такая потрясающая, ты же знаешь это, верно?

Она качает головой, и я крепко прижимаю её к своей груди. Она прижимается ко мне, и я не отталкиваю её. Вместо этого я просто оставляю всё как есть. Наслаждаюсь ею в своих объятиях.

Из коридора мы оба слышим какой-то шум. Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, и я смотрю на неё в ответ, гадая, что, чёрт возьми, делают мальчишки. Затем наши родительские инстинкты срабатывают, когда мы слышим глухой стук, и она выбегает в коридор. Если посмотреть вниз по лестнице, то кресло-мешок лежит на Брэкли. Он смеётся, лежа на спине, а Джек едва держится на вершине.

— О Боже мой! Что случилось и где вы взяли эту штуку? — спрашивает Фэй, и я проскальзываю мимо неё, забирая подушку из рук Джека.

— Тан принёс это для меня. Разве это не круто? — спрашивает он её, поднимаясь на ноги. Она смотрит на меня неодобрительным взглядом, и я ухожу, унося подушку в его комнату.

— Это потрясающе! — восклицает она, когда все они следуют за мной, и я одариваю её кривоватой улыбкой. Мешок как бы поглощает его комнату целиком, но ладно.

— Я знаю, что это важно, поверь мне, я знаю, — говорю я, и она сразу же улавливает мой намёк, качая головой, её лицо покраснело. Мальчишки оба сидят в нём, снова начиная играть в свою видеоигру, не обращая на меня внимания, и я наклоняю голову, указывая ей на выход. Очевидно, Брэкли не пострадал от падения; в конце концов, он смеялся.

— Где ты взял эту штуку? — спрашивает она меня, когда мы спускаемся вниз.

— У меня есть клиент, для которого я летаю частным образом, и он только что купил компанию «Бинбэг».

— Ты серьёзно?

— Да, и он спросил, не хочу ли я себе такие мешки. Так что у меня есть два, один для Брэкли и один для Джека.

— Это так мило с твоей стороны, Тан.

— Даже несмотря на то, что он такой огромный? — спрашиваю я, когда она откидывается на кухонную стойку и кивает головой. Я не могу не позволить своим мыслям блуждать, наблюдая, как её грудь вздымается и опускается. Её губы пухлые, и мой член пульсирует, пока я наблюдаю за ней.

Господи, я хочу её.

Подхожу к ней, она так доверчиво смотрит мне в глаза, и я держусь за столешницу рядом с её руками. Она дышит своим сладким дыханием на меня, и я хватаю её за затылок, делая всё так медленно, мучительно медленно, но я хочу дать ей время сказать мне остановиться, если я слишком тороплюсь.

Моё сердце бьётся внутри меня — с того момента, как я встретил её, я хотел её. Затем как можно нежнее я целую её. В этот момент я боюсь отказа, но она не останавливает меня. Она запускает пальцы в мои волосы на затылке. Я стону и полностью прижимаюсь к ней всем телом, позволяя ей почувствовать меня, давая ей понять, какой контроль она имеет надо мной.

Пока её язык дразнит мой, наши руки исследуют друг друга, а затем внезапно она

отстраняется, затаив дыхание, но я не могу остановиться и двигаюсь к её шее. Она хнычет, пока я целую и покусываю её горячую кожу.

— Остановись, — говорит она мне, и я замираю, зная, что в глубине души это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Не то чтобы я ожидал трахнуть её прямо здесь, прямо сейчас, но я надеялся, что она вдруг не попросит меня остановиться.

— Что я сделал не так?

— Ничего! Пожалуйста, не думай так. Я просто не хотела, чтобы мы заходили слишком далеко с мальчиками прямо наверху.

— Ты уверена? — спрашиваю её.

— Да.

Я смотрю глубоко в её глаза, читая её, желая убедиться, что она честна.

— Я обещаю, — наконец говорит она, явно чувствуя моё беспокойство.

Наклоняясь к ней, я целую её в губы, снова и снова, нуждаясь в утешении, и она целует меня в ответ. Как только я останавливаюсь, прижимаясь лбом к её лбу, я говорю ей:

— Я мог бы целовать тебя всю ночь напролёт, Фэй.

И я мог бы, но я надеюсь, что она даст мне больше, потому что, если она даст, я буду дорожить каждой секундой, проведённой с этой удивительной женщиной.

Глава 15

Фэй

Успокойся!

Повторяю я про себя, наблюдая, как Тан катается по полу в моей гостиной, играя с мальчиками. Смех Брэкли наполняет комнату, и это, должно быть, лучший звук во всем мире. Всё, чего я хочу, это чтобы он был счастлив и не страдал так, как он страдал на кладбище или когда мы потеряли Бена. Я обещаю себе, что миссия моей жизни сделать его счастливым. И он, и Джек продолжают взбираться на Тана, а я наблюдаю, пока мою посуду с улыбкой от уха до уха.

— Помоги мне, Фэй! — зовёт Тан, распластавшись на полу, пока Джек считает:

— Раз, два, три!

Затем парни улюлюкают и вопят, празднуя свою победу, а Тан, ну... он выглядит довольно измученным.

— Ты там в порядке? — спрашиваю я его и вытираю руки, прежде чем налить нам два бокала вина.

— Ага, лучше не бывает, — рычит он и вскакивает, прогоняя мальчиков прочь. Они кричат так громко, как маленькие девочки, и я сажусь на диван, наблюдая, как они втроём исчезают наверху. Потягивая своё искрящее белое вино, я ловлю себя на том, что думаю о Тане, а не о боли прошлого. Это то, что он делает для меня, как тогда, когда мы целовались на кухне ранее.

Я не уверена, что это такое, но по какой-то причине с тех пор, как мы встретились, он занимает все мои мысли. Он уносит боль — он заставляет меня чувствовать себя лучше — он заставляет меня чувствовать, что в конце тёмного туннеля, в котором я так долго жила, есть свет.

— Хей, они крутые, — говорит Тан, вытаскивая меня из моих грёз наяву, и я улыбаюсь, когда он садится рядом со мной, его сильная рука проводит по растрёпанным волосам.

— Ты так хорошо ладишь с ними, — говорю я ему, и он берет своё вино, чокаясь нашими бокалами, прежде чем сделать глоток.

— Ах, это пустяки, любой мог бы это сделать.

— Нет, они не могли, не так, как ты с ними, такой весёлый и терпеливый. Ты действительно хороший отец.

— А ты действительно хорошая мама, — говорит он мне, и я улыбаюсь, делая ещё один глоток вина, наслаждаясь его вкусом и тем, насколько открытой Тан заставляет меня чувствовать себя.

Его телефон звонит, и он достаёт его из кармана, но игнорирует. На экране я вижу, что это Чар.

— Почему она мне звонит? — ворчит он.

— Может быть, хочет поговорить с Джеком?

— Нет, она никогда не звонит. Время от времени она пишет мне смс и просит, чтобы он позвонил ей или передал привет или пожелал спокойной ночи, но она не звонит, если ей что-то не нужно или что-то не так.

— Разве тебе не следует тогда перезвонить ей?

— Нет, пошла она.

Я понимаю, что он замкнут, когда дело касается её, она приняла несколько плохих решений и недавно поставила Джека в плохую ситуацию. Но все мы так или иначе облажались, и я считаю, что каждый заслуживает второго шанса.

— Как всё было, когда он находился у неё?

— Хорошо, по крайней мере, из того, что он говорит. Но я знаю Шарлин, и я знаю, что это ненадолго. Мы много раз проходили по этому пути, и пока она не сможет признать, что у неё есть проблема, лучше не будет.

— Ты всё ещё собираешься просить о полной опеке?

— Я не думаю, что у меня есть другой выбор, Фэй.

Я полностью понимаю, к чему он клонит, желая обезопасить Джека, но я также знаю, что это сделает с Джеком.

— Ей уже оказали какую-нибудь помощь?

— Вероятно, нет.

— Ты спрашивал её, глупышка? — спрашиваю его, и он качает головой. — Тогда тебе нужно...

— Хорошо, я так и сделаю. Но можем мы, пожалуйста, перестать говорить о моей бывшей?

— Конечно. — И в ту секунду, когда я произношу это слово, он забирает у меня почти пустой бокал и ставит его на стол вместе со своим. Его глаза пожирают меня, и я знаю, чего он хочет — я тоже этого хочу, — но мальчики прямо наверху.

— Я хочу тебя, Фэй.

Я сглатываю, переваривая его слова, и мой разум затуманивается видением Бена, умирающего в нашей постели. Напоминая мне, что я никогда, никогда ничего не смогу сделать с этим.

— Мы можем пойти к тебе домой? — спрашиваю я.

Он кивает, зная почему, затем спрашивает меня:

— Сейчас?

— Если ты хочешь, но что мы скажем мальчикам?

— У меня есть идея. — Он встаёт с дивана и направляется навёрх; я допиваю своё вино как раз в тот момент, когда он зовёт меня. Добравшись до конца лестницы, он стоит в дверях комнаты Брэкли с ухмылкой на лице.

— Что? — спрашиваю я и заглядываю внутрь, чтобы посмотреть, чему он ухмыляется. Посреди комнаты стоит кресло-мешок, а в центре неё оба мальчика. Свернувшись калачиком, их пульта от PlayStation всё ещё лежат у них на коленях, и они уже спят.

Что, им потребовалось две минуты, чтобы заснуть?

— Похоже, твой план не работает, — говорю я Тану.

— Чёрт возьми, — бормочет он.

Мы выходим из комнаты и начинаем спускаться обратно вниз. Я знаю, он разочарован, и я тоже, но это нечестно — ставить наши желания выше детей, несмотря ни на что.

По пути вниз он останавливается, стоя в дверях моей студии. Прикусив нижнюю губу, моё сердце бешено колотится, пульсируя внутри меня. Глаза Тана расширены от желания, когда он заводит меня в комнату. Закрывая и запирая дверь, я слежу за его взглядом, когда он оглядывается по сторонам. Здесь нет настоящей мебели, но у меня такое чувство, что это не будет иметь значения.

Он притягивает меня в свои объятия и обхватывает моё лицо ладонями, держась другой рукой за поясницу, и спрашивает меня:

— Ты уверена?

Я киваю, не в силах произнести эти слова вслух, но зная, что не могу отрицать то, что чувствую. Его губы приоткрыты, его свежее дыхание кружится вокруг меня, как торнадо, а затем его губы на моих. Я таю в его объятиях, отдаваясь ему, вкладывая все свои стрессы и тревоги в этот поцелуй.

Всё, на чем я могу сосредоточиться, это его губы и руки, блуждающие по моему телу. Он расстёгивает мои брюки, пока мы стоим и целуем друг друга в безумии похоти.

Убирая свои пальцы, я хватаю его за волосы, позволяя ему делать то, что он хочет. Затем он отстраняется и говорит мне:

— Если тебе нужно остановиться, просто попроси, хорошо?

— Не останавливайся, — шепчу я, и тогда он падает на колени. Схватившись пальцами за края моих штанов, он скользит ими вниз по моим ногам, я держу глаза закрытыми, чтобы оставаться в настоящем моменте. Я чувствую каждый дюйм, когда он двигается, чтобы медленно раздеть меня. Он осторожно поднимает каждую ногу, и как только я понимаю, что он закончил, он говорит мне:

— Иди сюда. — И стоит на коленях на полу, ожидая меня.

Я смотрю вниз в его глаза, они прикованы к моим чёрным трусикам, и только его вид удерживает меня в этот момент. Когда я опускаюсь перед ним на колени, он сглатывает:

— Ты самое прекрасное, что я когда-либо видел.

Я улыбаюсь, теряясь в тумане от его слов, позволяя адреналину толкать меня вперёд, и когда мы стоим на коленях лицом к лицу, я могла бы сказать то же самое о нём.

Он прижимает меня к себе, его губы целуют каждую частичку моего тела, какую только могут, а затем он останавливается, и я смотрю вниз, когда он замечает цепочку у меня на шее. Его глаза читают мои, такие же обеспокоенные, и я... я начинаю чувствовать, что закручиваюсь по спирали — паникую.

— Всё в порядке, — успокаивает он, и это не в порядке. Я знаю, что я должна сделать. Снимая цепь через голову, я кладу её на пол, и, не говоря больше ни слова, он укладывает

меня плашмя на спину. Его лицо — это всё, что я вижу.

— Сосредоточься на мне, Фэй, сосредоточься на моих губах. — Он нежно целует меня, и я закрываю глаза, слушая его, не желая разрушать это, не тогда, когда мы так близки.

Его тело нависает над моим. Он твёрдый, прижимается ко мне. Трение ощущается невероятно приятно. Моё тело жаждет большего, желает и жаждет всего, что Тан даст мне.

Его губы продолжают двигаться всё ниже и ниже, пока он, наконец, не оказывается у меня между ног. Затем его пальцы скользят под мои трусики, и я приподнимаюсь, позволяя ему раздеть меня ещё больше. Он стонет, обнажая моё лоно, и когда я смотрю на него снизу вверх, он срывает рубашку через голову.

Затем он обхватывает мои колени своими большими руками и широко раздвигает мои ноги. Я никогда не была так незащищена, как сейчас. Своим большим пальцем он скользит по моей киске, ощущение почти заставляет меня кончить, и я хватаюсь за свои волосы, дико дыша, и это приближает разрядку только быстрее, когда его умелый рот обхватывает мой клитор.

Потерявшись в удовольствии, когда он кружит языком круг за кругом, я стону, а затем он притягивает меня за бедра ещё ближе к себе.

О, чёрт.

Я дрожу изнутри, и как только он лижет вверх и вниз, я теряю самообладание жёстко кончая. Моё тело выгибается в его объятиях, и он притягивает меня ближе к своему лицу, наслаждаясь каждой частичкой моего оргазма, на которую способен.

В тот момент, когда моё тело успокаивается, мне нужно больше. Мне нужно, чтобы он был внутри меня. Мне нужно, чтобы он любил моё тело своим, как он только что делал это своим ртом. Притягивая его к себе, я борюсь с его штанами, пока его руки задирают мою рубашку и лифчик до упора, обнажая мою грудь.

Наконец, оказавшись у него в штанах, я сжимаю его ствол. Он стонет и отстраняется, затем толкается вперёд в моей руке. Отпуская его, мы оба снимаем с него штаны, наши руки в беспорядке, пока я не чувствую его рядом с собой. Кожа к коже, его член влажный у моей вагины, и я обхватываю его ногами. Но он не входит. Он стоит на своём, изучая мои глаза, убеждаясь, что со мной всё в порядке.

Затем, без всяких слов, он скользит внутри меня. Наполненность заставляет меня скулить, и он хрюкает, не двигаясь ни на сантиметр, просто удовлетворённый тем, что наполняет меня, удерживая себя внутри меня. Наши тела, наконец, сливаются воедино.

— Ты чувствуешь просто потрясающе, — говорит он, и прежде чем я успеваю ответить ему, он начинает двигаться поступательными движениями. Его ствол больше, чем я предполагала, когда он почти полностью выходит и скользит обратно. Мои ногти впиваются в его спину в поисках любого трения, мне нравится всё в этом моменте. Потом он замирает, и я беспокоюсь, что что-то не так.

— Не останавливайся, — говорю я ему, почти снова кончая, и он начинает двигаться. Я сжимаю свою киску вокруг него; моё тело расслабляется в очередном оргазме, когда его толстый член накачивает меня. Я чувствую каждый дюйм его тела; затем он начинает толкаться сильнее, и я знаю, что он вот-вот кончит. Я крепко прижимаю его тело к своему.

В ту секунду, когда он отпускает меня, он стонет, каждый мускул в его теле напрягается, а затем он говорит:

— Чёрт, прости, — и я понятия не имею, почему он это сказал.

— Почему? — спрашиваю я, адреналин всё ещё бежит по моим венам.

— Я не хотел кончать в тебя.

— Всё в порядке, я принимаю противозачаточные.

— Ты? — Он, кажется, удивлён.

— Да, я должна их пить, иначе у меня начнутся ужасные головные боли.

Он снова начинает раскачиваться, как будто не выпустил всю свою сперму, и я теряюсь, позволяя ему контролировать ситуацию. Потому что, когда дело доходит до Тана, моё тело тоскует по нему. Я пластилин в его руках, с которым он может делать всё, что ему заблагорассудится, точно так же, как тогда, когда он заставил меня захотеть потрогать себя по телефону.

Глава 16

Тан

— Чар, сегодня ничего не получится. У нас есть планы.

— Я хочу с вами, — говорит она мне, пытаюсь навязаться, и это последнее, чего бы я хотел.

— Нет!

— Почему нет?

— Потому что к Джеку приезжает друг, и я не позволю тебе портить ему встречу.

— Что мне нужно сделать, чтобы ты простил меня, Тан?

— Тебе нужна помощь; я говорил тебе много раз.

— Я получаю помощь. Разве ты не слушал меня на днях, когда я говорила тебе, что начала ходить на консультации?

— Я слушал тебя, Чар, но я также слышал, как ты говорила это раньше. Это ненадолго, и мы с тобой оба это знаем. Консультирования недостаточно. Мне нужно увидеть доказательства того, что ты изменилась, мне нужно увидеть, как ты перестанешь выбрасывать деньги, как будто они растут на деревьях. Джек должен быть на первом месте, а не шопинг.

— Хорошо, тогда я тебе это докажу. Он — моя жизнь, Тан.

— Хорошо, потому что так и должно быть.

— Поскольку я не могу увидеть его сегодня, можешь привезти мне его завтра? Я обещаю, что мы не будем ходить по магазинам; я просто хочу поболтать с ним.

Я даже не знаю, что ей сказать. Часть меня хочет доверять ей, но другая часть, та часть, которой она столько раз лгала и сжигала, та часть, которой чуть не пришлось объявить о банкротстве из-за безумного долга, который она накопила, эта часть знает, что она может кормить меня всем дерьмом, которым захочет. Но я знаю правду и то, что эта потребность живёт глубоко внутри неё. Ей понадобится всего одна мелочь, чтобы оступиться.

— Ты даже можешь взять ключи от моей машины, если мне не веришь.

— Мне не нужно этого делать. Я приведу его днём, около часа.

— Спасибо, — говорит она, и мы оба отключаем телефоны.

— Папа? Вы слышите? — Джек спрашивает меня через новые рации, которые он нашёл для него и Брэксли.

— Десять четыре, малыш, громко и ясно.

— Это так круто — Брэксли они понравятся. — Он заходит на кухню, всё ещё разговаривая со мной по рации. Я совсем забыл, что мне их подарил клиент, и Джек нашёл

их сегодня в моем шкафу. — Как ты думаешь, Брэкли может забрать свою с собой?

— Конечно, я не понимаю, почему бы и нет. Они должны работать не менее чем на двадцать миль.

— Класс! — восклицает он и идёт к окну, чтобы посмотреть, здесь ли ещё Фэй и Брэкли.

— Как тебе идея остаться у своей мамы завтра на ночь?

— Ладно. Тебе обязательно нужно работать?

— Нет, она просто хочет тебя увидеть.

— Ты не собираешься встречаться с Брэкли без меня?

— Ни за что. — Я усмехаюсь, так удивлённый тем, насколько они двое сблизились так быстро. Они больше, чем друзья — они как братья.

— Ура! Он здесь! — кричит он, хватая вторую рацию и выбегая с ней на улицу, чтобы поприветствовать их. Я иду следом, не сводя глаз с Фэй, пока она выгружает всё из своего багажника.

— Позволь мне помочь тебе, — говорю я ей, направляясь к ней по подъездной дорожке, и у меня перехватывает дыхание, когда она смотрит на меня.

Она при полном макияже, а волосы завиты так, как я никогда раньше не видел.

— Что случилось? — спрашивает она меня. — Ты застыл, как статуя.

— Нет... ничего. Вы... ты выглядишь потрясающе.

Она одаривает меня застенчивой улыбкой, затем протягивает мне сумку, и я, наконец, отрываю язык от земли и беру у неё вещи.

— Спасибо, — говорит она мне и закрывает свой багажник.

— Не за что. Было трудно найти?

— Нет, вовсе нет.

— Хорошо, — целую её в лоб, а затем провожаю внутрь. — После тебя. — Как только мы входим в мой дом, я слышу, как мальчики разговаривают друг с другом по рациям, как будто они находятся на задании с разных концов дома.

— Это твои, или ты купил их для мальчиков? — спрашивает она меня.

— Клиентка подарила их мне некоторое время назад, — отвечаю я ей, ставя все пакеты на пол. — Но Джек нашёл их сегодня. Я думаю, что одна из них поедет с тобой домой с Брэкли.

Она кивает и с любопытством оглядывает мой дом. Я наблюдаю за ней, вспоминая, что мы делали прошлой ночью. То, как она пробовала на вкус мой язык и позволила мне кончить в неё.

Черт, одна только мысль об этом возбуждает меня.

— У вас очень милый дом.

— Что, ты думала, я живу в трейлере? — дразню её, и она закатывает глаза. — Ты хочешь экскурсию?

— Конечно.

Подойдя к ней, я сначала хватаю её за лицо, не в силах ничего с собой поделаться, и нежно трусь своим носом о её, прежде чем нежно поцеловать. Затем мы слышим, как мальчики подходят ближе и отстраняемся друг от друга.

Брэкли пробегает мимо, и я спрашиваю её:

— Что ты ему сказала?

— Ничего, он не спрашивал.

Я уверен, что она права, но я всё ещё волнуясь.

— Я не хочу сбивать его с толку.

— Тан, он счастливее всего, когда он рядом с Джеком. Давай не будем усложнять ситуацию в их шестилетних головах.

— Хорошо, тогда я сделаю всё, что в моих силах, чтобы держать свои руки подальше от тебя, по крайней мере, пока они не уснут.

Она запускает пальцы в свои длинные волосы, заставляя мой член пульсировать, а затем я веду её по своему дому, хотя это труднее, чем я думал, не запирает её в комнате при каждом удобном случае. Когда мы заканчиваем нашу экскурсию, она замечает картину, которую она нарисовала, на стене моей спальни.

— Ты повесил её?

— Конечно. Это последнее, на что я смотрю перед сном, и первое, что я вижу, когда просыпаюсь.

Она садится на мою кровать, и я не могу удержаться от того, чтобы закрыть и запереть свою дверь.

Что? Я пытался.

— Всего две минуты — это всё, что мне нужно, — говорю я ей, сильно прижимая её к своему матрасу, прежде чем она успевает ответить. Она лежит подо мной, так же, как и прошлой ночью, такая сексуальная и желающая. Теперь, когда мой член полностью затвердел, я трусь им об неё, вспоминая, какая тугая у неё киска. Она страстно целует меня, и когда я целую её в ответ, прижимаясь к ней снова и снова, держа обе её руки высоко над головой, я бы с удовольствием трахнул её вот так. Но я не могу прямо сейчас — мы должны остановиться.

— Останешься со мной на ночь? — спрашиваю её, и она несколько раз моргает. Я целую её шею, двигаясь вниз между грудей, замечая, что сегодня на ней нет цепочки, и это заставляет меня хотеть её ещё больше. — Пожалуйста? — спрашиваю снова, практически умоляя её, и она говорит мне:

— А как насчёт мальчиков?

— Им не нужно знать, что ты здесь.

Боже, я надеюсь, что она останется, но прежде чем она успевает ответить, Джек стучит в мою дверь.

— Папа? — зовёт он, и я целую её в последний раз. Затем настраиваюсь, когда открываю дверь.

— Как дела, приятель?

— Почему дверь заперта?

— О, я не знаю, она была заперта?

— Да.

— Прости, что случилось?

— Брэкли здесь? Я нигде не могу его найти.

Я бросаю взгляд на Фэй, которая теперь стоит рядом со мной, и мы оба начинаем паниковать.

Не позволяй ему быть здесь.

— Я так не думаю. Ты нажимал кнопку вызова на рации, чтобы посмотреть, есть ли связь?

Он качает своей маленькой головкой, его голубые глаза смотрят на меня с

любопытством, и когда я нажимаю кнопку вызова, я задерживаю дыхание. Но никто из нас ничего не слышит.

— Его здесь нет. Где ты его искал?

— Везде.

— Продолжай нажимать на это и обойди весь дом. Ты найдёшь его.

Он уходит, чтобы найти своего друга, а я выдыхаю воздух, который, как мне кажется, задерживал с тех пор, как он постучал.

— Это было так близко, — говорю я ей.

— Ты уверен, что его здесь нет?

— Я так не думаю. — Я присаживаюсь на корточки и заглядываю под кровать, пока Фэй заглядывает в ванную. Я тоже проверяю свой шкаф, и она пожимает плечами. Потом оба парня пробегают мимо моей комнаты, и мне чертовски нужно выпить.

Глава 17

Тан

Пока на экране телевизора идут титры, мальчики валяются в полузабытье между нами на диване.

— Они только что заснули, — говорю я Фэй.

— Я знаю, и я думала, что это я засну, а не они.

Она хихикает, и мы встаём с дивана.

— Может, нам оставить их здесь? — спрашивает она меня.

— Да, почему бы и нет. — Сиденья откинута, и они оба выглядят такими довольными.

Взяв её бокал вина и своё пиво, я направляюсь вверх, но оглядываюсь и вижу, что Фэй полностью накрывает их одеялами.

Как только я вхожу на кухню, она не отстаёт, и я надеюсь, что она останется со мной на ночь. Она никогда не отвечала мне раньше, но, судя по всему, она могла остаться на всю ночь, когда хотела.

— Мне нужно идти.

— Да? — спрашиваю я, её слова задевают моё эго.

— Да.

— Что мне нужно сделать, чтобы купить ещё один час вашего времени? — Я подхожу к ней.

— Я не проститутка, — упрекает она.

— Я знаю, — говорю я ей и целую её в щеку, затем в уголок рта, затем в губы, в то время как мои руки сжимают её бедра, удерживая её на месте. Она не уходит; мне всё равно, что она говорит, мне нужно, чтобы она была в моей постели сегодня вечером — всю ночь напролёт.

— Из-за тебя мне очень трудно уйти.

— Тогда не уходи, — настаиваю я и делаю смелый шаг, просовывая руку ей в брюки и прикасаясь к ней так, как её тело умоляет меня об этом. Она откидывает голову назад, не останавливая меня, и вместо этого отталкивается от моей руки, позволяя мне тереть её клитор, сильно и быстро, пока она не начинает хныкать. Затем я замедляюсь и снова спрашиваю её:

— Пожалуйста, останься?

Её тело говорит мне одно, когда я чувствую, как её киска изнывает под моими пальцами, но её глаза сообщают мне другое.

— Я не против попрошайничества, Фэй. Я встану на колени, если ты этого хочешь. Я абсолютно серьёзен, я так и сделаю.

Но прежде чем я опускаюсь до этого уровня, она говорит:

— Я останусь так долго, как смогу. Но я не знаю, продлится ли это всю ночь.

— Договорились! — восклицаю я и подхватываю её и несу в свою спальню.

— Запри на замок, — указываю ей, закрывая дверь ногой, потому что пока не хочу её отпускать. Она наклоняется и поворачивает замок. Этот простой звук моё открытое приглашение делать с ней все, что я захочу.

После того, как мы пережили то, что мы делали прошлой ночью в её доме, я знаю, что это будет по-другому. Я не собираюсь волноваться, как прошлой ночью.

Я не планирую спать, на самом деле, всё, что я хочу сделать, это доставить ей удовольствие, пока не взойдёт солнце. Я бросаю её на свою кровать, не ходя вокруг да около, чётко выражая свои желания, когда полностью раздеваюсь догола при слабом освещении.

Она следит за каждым моим движением, её глаза пожирают меня. И как бы я ни был взволнован, я напоминаю себе оставаться в настоящем моменте, потому что, как только я начну, я не смогу замедлиться или остановиться.

Опускаясь на колени рядом с ней, я хватаю подол её рубашки. Она садится для меня, позволяя мне снять её, и когда я расстёгиваю её лифчик, она хватается мой член. Я хмыкаю, ощущение её руки на мне такое невероятное. Мои яйца набухают, когда она дронит меня, и я останавливаюсь, позволяя ей делать то, что ей заблагорассудится.

— Ложись, — приказывает она мне, и я колеблюсь, потому что хочу быть уверенным, что она останется довольна.

Но... она не даёт мне выбора и толкает меня назад.

— Сними штаны, — говорю я ей, и она сразу же слушается. Мой взгляд останавливается на её киске, и так трудно не прижать её к себе и не скользнуть внутрь неё.

Мы оба голые, в моей постели и... потом это происходит. Она обводит языком головку моего члена и очень медленно опускается вниз.

Блядь!

Её губы плотно прижаты ко мне. Я убираю её волосы с лица, чтобы видеть, что она делает, и, если честно, всё это похоже на сон, ставший явью.

Она стоит на коленях рядом со мной; её тело такое открытое и уязвимое. Чёрт, я хочу прикоснуться к ней, я хочу снова оказаться внутри неё. Отпуская её волосы, когда она сосёт меня быстрее, я протягиваю руку и щиплю её за сосок. Она упирается грудью в мою ладонь, и я... я начинаю двигать бёдрами, трахая её рот.

Мои яйца напрягаются, и я борюсь со своим оргазмом, настолько застигнутый врасплох его внезапностью. Балансируя на краю, я наконец говорю ей:

— Остановись!

Но она не слушает. Вижу как на её лице появляется дьявольская ухмылка, она всё ещё сосёт меня. Она точно знает, что делает со мной, и не оставляет мне другого выбора. Садясь, я тяну её назад, и она тяжело дышит, её рот распахнут.

Чёрт, она великолепна.

— Почему ты остановил меня?

— Я пока не хочу кончать, — говорю я ей.

— Я хотела этого.

— Я уверен, что так и было бы. — Я переворачиваю её, укладываю плашмя на спину и покрываю поцелуями её тело, давая себе минуту остыть. Её кожа такая мягкая, и когда я целую её, она лежит неподвижно, заставляя меня беспокоиться, что что-то не так, что-то беспокоит её.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Да, всё идеально.

— Ты уверена?

— Да! — заверяет она меня, и я возвращаюсь к поцелуям, прокладывая свой путь по всему её телу. Как только я заканчиваю спереди, я переворачиваю её на живот и начинаю заново с её спины. Её кожа покрывается мурашками, и как только я добираюсь до её задницы, я знаю, чего хочу. Я осторожно поднимаю её на колени. Её спина выгнута так сексуально.

И с моего члена капает немного предэякулята, требуя быть внутри неё. Раздвигая её половые губки одной рукой, я сжимаю свой член в другой. Наша влажность сливается воедино, когда я скольжу внутрь рая, которым является её влагалище.

Её киска обхватывает меня, крепко сжимая мой член, и я начинаю двигаться, наслаждаясь каждой секундой, что нахожусь внутри неё.

Посмотрев вниз, я наблюдаю, как я двигаюсь туда-сюда. Каждый раз, когда я вытаскиваю, пока не увижу головку своего ствола. Затем я скольжу обратно, и она стонет, сжимая мой член, втягивая меня обратно в себя.

— Чёрт, Фэй, — стону я, когда она выгибает спину, и я понимаю, что мои пальцы впиваются в её ягодицы.

— Да, вот так, — шепчет она, её слова еле слышны, но я так настроен на всё, что связано с ней, что слышу их все. Затем она говорит что-то, что я не уверен, что правильно расслышал, поэтому мне приходится повторить это, чтобы быть уверенным.

— Сильнее? — спрашиваю её, и она кивает, прижимаясь ко мне задницей.

Я набираю скорость, хватая её теперь за бедра, и притягиваю обратно к себе каждый раз, когда врезаюсь в неё.

— Вот так? — спрашиваю я, быстро входя и выходя.

— Угу, — отвечает она, и интенсивность разжигает мой оргазм.

Чёрт!

Я смотрю в потолок, пытаюсь не отпускать его. Ещё нет, это слишком хорошо; я не хочу, чтобы это заканчивалось.

— Сильнее! — требует она, и я толкаю её плашмя на кровать, приподнимаясь одной рукой, а другой упираясь ей в спину.

Удовольствие излучается от неё в меня. Я чувствую, как оно входит через кончики моих пальцев, и я выпускаю его, сильно кончая в неё.

Моя сперма выстреливает как ракета, заставляя меня сильно двигаться и наслаждаться своим освобождением. Она дрожит подо мной, затем бьётся, крича в одеяло, когда я хорошенько трахаю её, испытывая наши оргазмы вместе. Мой настолько интенсивен, что я мог бы кончить во второй раз и даже не осознавать этого.

Её оргазмические стоны подобны музыке для моих ушей, и когда мы оба успокаиваемся, я целую её в ответ, её солёная и мокрая от пота спина заставляет меня снова хотеть её. Но моё сердце колотится так сильно, что мне просто нужно мгновение, всего секунда, чтобы

прийти в себя. Ложась на неё, я перекатываю нас обоих на правый бок и крепко прижимаю её тело к своему. Мой твёрдый член всё ещё заполняет её кистку, и я знаю, что с ней в моей постели у меня нет ни единого шанса на то, что я размякну.

Мои губы находят её шею, и когда она тянется назад, держась за меня, она слегка всхлипывает. Беспокойство поглощает меня, и я выхожу из неё, глядя ей в глаза. Я сразу понимаю, что что-то ужасно не так.

Глава 18

Фэй

— Что я сделал? — спрашивает меня Тан. Но боль так сильна и так внезапна, что я не знаю, как на него реагировать. К тому же, правда в том, что он не сделал ничего плохого. Это я; я сделала что-то не так, я облажалась.

— Пожалуйста, поговори со мной, Фэй, — умоляет он, в его глазах страх, он просит довериться ему. Но что мне делать, когда я чувствую себя так?

— Я переборщил?

— Нет. — Я качаю головой, и его лицо меняется, он волнуется ещё больше. — Это не ты, это я.

— О Боже мой, ты была потрясающей. Ты невероятная.

Я делаю всё возможное, чтобы оставаться сильной, не позволять ему видеть меня расстроенной или слабой, но слёзы брызгают из моих глаз. Я встаю, обыскивая комнату в поисках своей одежды. Я не знаю, о чём я думала, но я не могу этого сделать.

— Что ты делаешь? — требует он ответа, стоя передо мной совершенно голый.

— Мы не должны были этого делать.

— Почему, чёрт возьми, нет? Мы идеальны вместе.

Держа футболку в руке, я крепко сжимаю её, так напуганная тем, что будущее сулит мне такие чувства, и я говорю ему:

— Потому что, когда я с тобой, особенно вот так, я забываю о Бене. — Слезы капаят, я проиграла битву и натягиваю футболку через голову в поисках штанов, игнорируя его, когда он пристально следит за мной.

— Пожалуйста, остановись. — Но я не могу слушать. Мне нужно побыть одной. Он хватает меня за руки, притягивая обратно к себе, и я борюсь, чтобы освободиться.

— Фэй, пожалуйста, давай поговорим об этом.

Поворачиваю голову к нему, и меня захлестывает мощная волна раскаяния.

Я не могу! Я не могу!

— О чём тут говорить? Я не готова отпустить Бена! — кричу я.

— Ты не обязана отпускать его, Фэй. Он всегда будет в твоём сердце.

Натягивая штаны, я чувствую, что кружусь и выхожу из-под контроля. И когда я смотрю на Тана, страх очевиден на его лице.

— Нет, когда я с тобой, он не со мной.

И я пытаюсь выйти из комнаты, но он останавливает меня, блокируя дверь.

— Это значит, что ты исцеляешься, Фэй.

— Это ни хрена не значит, кроме того, что я предаю его, разве ты этого не видишь? Я не могу спать с тобой и отдаваться удовольствию, которого хочет моё тело, с моим сыном и сыном Бена прямо внизу. Он мог прятаться здесь, Тан, и видеть, как мы целуемся. Ты когда-

нибудь задумывался, что бы это с ним сделало? Ему всего шесть; он не знает, что между нами что-то происходит. Но если бы он был достаточно взрослым, чтобы знать, он бы возненавидел меня. Точно так же, как это сделал бы Бен.

— Это неправда, и ты это знаешь, Фэй.

— Нет, правда. А теперь, пожалуйста, отпусти меня, мне нужно пространство.

Он падает на колени, голый, сломленный и обиженный, и говорит мне:

— Фэй, я умоляю тебя остаться. Пожалуйста!

Я тянусь к дверной ручке, и он хватается за руку, притягивая к себе на колени. Я грациозно падаю, моё сердце разбивается всё больше и больше с каждым дюймом, когда я приближаюсь к Тану. Обхватив себя его руками, я рыдаю, утопая в собственной агонии и отчаянии.

Тан крепко обнимает меня, его случайная слеза падает на мои джинсы. Я не хочу, чтобы ему было больно. Но мне нужно пространство. Мне нужно время.

— Прости, — говорю я ему, слезая с его колен, оставляя его в его комнате. Каждый шаг, который я делаю всё дальше от него, разбивает моё сердце, но эта боль ничто по сравнению с тем предательством, которое я чувствую.

* * *

— Когда я с Таном так, как мы были прошлой ночью, кажется, что ничто другое не имеет значения, кроме меня и его. Вся моя боль уменьшается, и мои тревоги исчезают. За что, как я думала, я была бы благодарна. Но, чёрт возьми, Бен, я не хочу, чтобы боль уходила, она напоминает мне о тебе, и я чертовски скучаю по тебе! — Я воплю в пустоту, падая вперёд, рыдая на могиле моего мужа.

Единственное, что нас связывает — это травинки. Я хватаю их, отрывая от земли, и это только заставляет меня плакать сильнее.

Хождение взад-вперед в моей голове утомительно. Пока я сижу здесь в поисках ответов, я просто хочу знать, что всё будет хорошо, как было раньше. Но это больше не моя жизнь. Ничто никогда не будет прежним, по крайней мере, без Бена.

Я надеялась, что после более чем года скорби я научилась жить дальше... особенно когда встретила Тана. Но я не готова... и я не знаю, как быть.

Глава 19

Тан

— Давай, приятель, нам пора в школу, — говорю я Джеку, изо всех сил притворяясь, что меня ничего не беспокоит. Что я в порядке со всем, даже несмотря на то, что в моей груди огромная зияющая дыра, поскольку я пытаюсь научиться жить без Фэй. Несмотря на то, что то, что у нас было, длилось недолго, это всё равно было самое лучшее.

— Могу я взять рацию Брэкли сегодня в школу и отдать ему?

— Я не думаю, что миссис Липер это понравится.

— Ну папочка, я скучаю по нему.

— Я знаю, что ты хочешь, приятель, но сегодня ты сможешь видеть его весь день.

— Это не одно и то же, — ворчит он и спрыгивает со стула у барной стойки, расстроенный направляясь в гараж. Я ненавижу, что то, через что проходим мы с Фэй, влияет на него. Схватив его рюкзак, я беру рацию с собой, я должен что-то сделать. Я не

могу допустить, чтобы он вот так расстраивался.

Когда я иду за Джеком, он уже пристегнут в машине, и я могу сказать, что даже в свои шесть лет он зол на меня.

Я показываю ему рацию, и он улыбается от уха до уха.

— Спасибо тебе, папочка.

— Не за что. Но я не позволю тебе взять это в школу, — говорю я ему, выезжая задним ходом с подъездной дорожки. — Я отнесу это Фэй, и если она не против, чтобы это было у него, тогда вы, ребята, сможете поговорить.

— А почему она должна быть против?

— О, я не знаю. Я просто хочу убедиться. Она его мама.

Он смотрит в окно на дорогу, а я продолжаю поглядывать на него в зеркало заднего вида. Если бы только мне снова могло быть шесть.

После того, как мы совершаем короткую поездку в его школу, я заезжаю на стоянку, и даже спустя неделю я всё ещё ловлю себя на том, что ищу Фэй. Должно быть, она высаживает Брэкли очень рано, потому что я её не видел.

— Ладно, приятель, мы на месте, — сообщаю я Джеку, и он отстёгивает ремни, затем выходит, и я помогаю ему с рюкзаком.

Когда мы идём через стоянку, он спрашивает меня:

— Ты собираешься отнести рацию к Брэкли сейчас?

— Конечно. Хорошего дня, ладно? — Я обнимаю его и целую. Затем его маленькие ножки ведут его вперёд, и я смотрю, как он бежит в школу всю дорогу, пока не уходит.

Доставая телефон по дороге обратно к машине, я испытываю искушение позвонить или написать Фэй, но я знаю, что она просто проигнорирует меня.

Поэтому я сажусь в свою машину и просто еду к её дому. Меня бесит, что она не отвечает на мои звонки. Она совершенно замолчала, и это сводит меня с ума.

Из всех людей в мире, я бы подумал, что Фэй обратилась бы ко мне. Я понимаю её и *хочу* ей помочь. Но она просто отталкивает меня и убегает от чего-то такого хорошего.

Я знаю, что прошёл не совсем через то, через что прошла она, но я так сильно забочусь о ней, что сделаю всё, чтобы помочь ей и сделать её счастливой.

Подъезжаю к её дому, всё тихо. Возможно, её здесь даже нет, но я всё равно должен попытаться. С рацией в руке я подхожу к входной двери и делаю глубокий вдох, прежде чем постучать. Каждый удар костяшками пальцев по дереву вызывает укол беспокойства, пробегающий по мне.

Нервно оглядываюсь по сторонам, прислушиваясь к любым звукам внутри. Но я ничего не слышу. Её, должно быть, нет дома. Выдыхая, я поворачиваюсь спиной и иду к своей машине.

Мне не следовало приходить сюда.

Отбрасываю рацию в сторону, она как будто осуждающе смотрит на меня, и я ненавижу подводить Джека. Обыскивая свою машину в поисках ручки и бумаги, я наконец нахожу их, чтобы написать ей записку. Когда я постукиваю ручкой по бумаге, я не уверен, что ещё написать, хотя мне так много нужно сказать, и вдруг это выплёскивается наружу.

Я не сдерживаюсь, пишу всё, что, по моему мнению, мне нужно. В конце концов, мне больше нечего терять.

Сложив лист бумаги пополам, я засовываю ручку под клип на радио и направляюсь к входной двери Фэй, затем бросил письмо в её почтовый ящик. Я надеюсь, что это поможет,

но боюсь, что этого не произойдёт, и от этого у меня тяжело на сердце.

Заводя двигатель своей машины, я уезжаю, желая, чтобы она была дома. Я действительно верю, что если бы она просто выслушала меня, то поняла бы, откуда я иду, и выпустила бы меня обратно.

Мой телефон звонит по дороге, и я смотрю на него, чтобы увидеть, что это мой адвокат. Я неохотно отвечаю на звонок.

— Если ты собираешься начать откладывать судебные заседания, то судья ни за что не предоставит тебе полную опеку или позволит сохранить основную, — сообщает мне он.

Сукин сын! Это уже восьмой?

— Я... Я плохо себя чувствую.

— Не пытайся разыгрывать меня, Тан. Здесь я на твоей стороне. Я просто прикрыл твою задницу. Если кто-нибудь спросит, то тебе пришлось срочно вылететь в Нью-Йорк, хорошо?

— Спасибо. Мне так жаль. Я не знаю, как я это выдержал.

— Я тоже, и я действительно хотел бы, чтобы ты больше не откладывал заседания.

— Почему? — спрашиваю я его, обеспокоенный тем, что он это скажет.

— Потому что Шарлин была более чем подготовлена и вышла с оружием наперевес. Ты знаешь, что она наняла финансового консультанта?

— Как она может это оплачивать с моих денег? — восклицаю я.

— Это в пределах её месячного бюджета. Очевидно, она действительно не ходит по магазинам.

— Чёрт возьми.

— Да, у неё даже есть спонсор от её пристрастия к шоппингу, которого она сегодня привела в суд, чтобы он поручился за неё.

Из всех дней, по которым я могу скучать, почему именно сегодня? Почему, когда Чар полностью застаёт меня врасплох быстрым ударом прямо посередине? Я должен был предвидеть, что это произойдёт. Я должен был быть там, чтобы что-то сделать.

— Что это значит для меня? — спрашиваю его.

— Я думаю, у неё есть хороший шанс получить совместную опеку.

— Ты серьёзно? После нескольких недель её шарады?!

— Мне жаль, Тан, мне действительно жаль. Я попрошу своего помощника позвонить тебе, когда у нас будет назначена следующая дата суда.

Я заканчиваю разговор, крайне разозлённый. Я вижу чушь Шарлин насквозь. Она не собирается продолжать в том же духе, я знаю, она сломается, она всегда так делает. И суды это увидят, я позабочусь об этом, прежде чем они подвергнут моего сына риску, разрешив ей совместную опеку. Мне и так тяжело время от времени позволять ему оставаться с ней на ночь, разделение поровну может действительно подтолкнуть меня к краю.

Глава 20

Фэй

Подъезжая к своему дому после очередного утра на кладбище, я вымотана — не только из-за недосыпа, но и из-за поиска правильного решения. Я просто хочу, чтобы боль ушла. Вот и всё.

Но я не знаю, как это остановить, и боюсь, что никогда не смогу. Я нажимаю кнопку на двери своего гаража и вспоминаю о Тане.

Даже при том, что у меня с ним нет той истории, которую я разделила с Беном, потерять его всё ещё больно. Но я держусь за свой выбор; я должна. Мы вместе не из-за меня. Я забираю почту перед тем, как войти, и когда я вижу рацию в своём почтовом ящике, моё сердце замирает.

Нерешительно я вытаскиваю её, держа на ладони, как будто это бомба, которая может взорваться. Любое неверное движение может отправить меня в штопор смятения.

На обратной стороне прикреплён листок бумаги, и я возвращаюсь в гараж. Оглядываюсь, чтобы посмотреть, наблюдает ли он за мной. Но на моей улице тихо, всё по-прежнему.

Оказавшись внутри, я не могу удержаться от того, чтобы не открыть записку, его почерк размазывается по белой бумаге, и я не знаю, смогу ли прочесть его слова. Я действительно не знаю, смогу ли я, но я также знаю, что не могу проигнорировать письмо. Как бы тяжело это ни было слышать от него, мне нужно знать, что он хочет сказать.

Фэй,

Пожалуйста, передай это Брэкли. Это много значило бы для нас с Джеком.

Я сожалею о том, через что тебе приходится проходить; ты не заслуживаешь такой боли. Ты не заслуживаешь ничего, кроме счастья, и это то, что я всегда пытался тебе дать. Я хочу, чтобы ты увидела это и поняла, что это нормально — быть счастливой, отпустить боль. В этом нет никакого вреда; это означает, что ты исцеляешься. Я всегда здесь для тебя, и я никогда не хочу, чтобы ты забывала о том, что у вас с Беном было. Ты сама сказала, что Бен хотел бы, чтобы ты двигалась дальше. Он был удивительным, храбрым человеком, который всегда будет жить в твоём сердце. Как ты всегда будешь жить в моём.

Твой, Тан.

Откладываю записку, его слова тяжёлый удар глубоко в мою душу. Я... я чувствую себя потерянной, внезапно такой неуверенной во всём, и я не знаю, что делать.

Затем рация передо мной тренькает, и я чуть не выпрыгиваю из своей кожи, настолько это застало меня врасплох. Нерешительно я прикасаюсь к ней, а затем, не задумываясь, отвечаю ему.

— Тан? — спрашиваю я, чтобы быть уверенной, что это он.

— Привет, Фэй. — Его голос глубокий, грубый, и он потрескивает с каждым словом. — Как у тебя дела?

Я оглядываю свой грязный дом, на который в последнее время мне было наплевать, и ищу ответ.

— Бывало и лучше, — отвечаю ему, сопровождая слова долгим вздохом.

— Могу я с тобой увидеться? — спрашивает он, и я не уверена, что готова к этому или что моё сердце выдержит его.

— Мы можем просто поговорить? — спрашиваю я.

— Конечно. Ты прочитала мою записку?

— Да. Я... я ценю твою открытость и честность.

— Я имел в виду каждое сказанное мной слово, Фэй. Несмотря ни на что, я никогда не хочу, чтобы ты забывала Бена... никогда.

— Я ценю это, Тан, но прямо сейчас... Мне всё ещё нужно пространство.

— Хорошо, — соглашается он со мной, и, наверное, я этого от него не ожидала.

Линия молчит, и я смотрю на рацию, всё ещё желая поговорить с ним, но не могу

заставить себя произнести ни слова.

Я пыталась напомнить себе о том, что сказал Бен, не стоять на месте во времени, но я ничего не могу с этим поделать. Некоторые дни проходят лучше, чем другие, и я действительно думала, что у меня всё получается лучше, пока не случилась эта неудача.

* * *

— Спасибо, что приняли меня, доктор Бринкман, — говорю я своему терапевту, садясь напротив неё. Мои ладони влажные, мои нервы сегодня на взводе, особенно после того, как мы с Таном поговорили.

— Конечно, Фэй. Чем я могу вам помочь?

— Я даже не знаю, с чего начать, — говорю я ей и почти смеюсь.

— Хорошо, давайте начнём с того, на чем мы остановились на нашем последнем сеансе. Ты сказала мне, что встретила кое-кого. — Она просматривает свои записи и спрашивает: — Тан?

— Да, это он.

— Как идут дела у вас двоих?

Я лезу в сумочку и достаю записку, которую оставил мне Тан. Вытаскивая её, я протягиваю ей. Прочитав это, она спрашивает меня:

— Как ты чувствуешь себя от этой записки?

— Потерянной и сбитой с толку... — Я замолкаю.

— Почему? — спрашивает она.

— Я не знаю. Наверное, потому, что я слышу его слова, и логическая часть моего мозга подсказывает мне слушать его и доверять ему. Но потом на меня наваливается этот груз сожаления, и это говорит мне, что я не могу быть с ним. Что это неправильно, хотя я знаю, что то, что он говорит, правда. И я несчастна без него.

Слезы наполняют мои глаза, и я... я закрываю лицо ладонями.

— Фэй, я хочу, чтобы ты сделала шаг назад на мгновение. Ты можешь это сделать? — Её голос вытаскивает меня из глубин теней, которые окружают меня, и я сосредотачиваюсь на своём дыхании. Так же, как я поступила, когда мы впервые начали встречаться после смерти Бена. Нам потребовалось довольно много сеансов, чтобы я вообще смогла говорить о разных вещах.

— Помнишь, что реально? Помни, что тебе сказал Бен.

Я сглатываю, ища внутри себя его слова, но не могу их найти. Я думаю, что до сих пор всё подавляла. Затем она читает их вслух, и каждое из них становится напоминанием о том, что я ему обещала.

— Фэй, пообещай мне одну вещь...

Я смотрю на неё снизу вверх, точно зная, что я ему обещала. Она терпеливо ждёт, когда я отвечу, и когда я это делаю, я чувствую Бена рядом со мной. Его рука на моем бедре, его уверенность подталкивает меня вперед.

— Я обещаю, что буду двигаться дальше и буду счастлива.

Глава 21

Тан

— Мистер Стович, не могли бы вы отнести ланчи в автобус? — спрашивает меня учительница Джека, миссис Липер, когда мы готовимся отправиться на экскурсию для класса.

— Конечно, — отвечаю ей и поднимаю огромную круглую коробку, наполненную разнообразной едой. — Отнести сейчас?

— Да, автобус стоит у входа. Мы встретимся с вами там.

— Хорошо.

Выходя из школы, я не могу не чувствовать разочарования из-за того, что Фэй сегодня здесь нет. Она тоже должна была присутствовать на этой экскурсии. Мы говорили об этом несколько недель назад, но после всего, я думаю, она передумала.

Когда я выхожу из школы, я стучу в дверь автобуса, и когда водитель открывает её, я говорю ему:

— У меня ланчи для класса миссис Липер.

— Просто поставьте их на любой из первых рядов сидений.

— Спасибо, — благодарю я, затем направляюсь обратно в школу.

Я слышу, как кто-то идёт позади меня, и когда я смотрю и вижу Фэй, такую же великолепную, как всегда, идущую ко мне, я не могу быть счастливее.

— Ты сделала это, — говорю ей.

— Да, я пришла. Мне нужно было пойти повидаться с Беном этим утром. Вот почему я опаздываю.

— О, хорошо, — отвечаю я, не уверенный, что мне следует сказать дальше. Я не могу спросить, как у него дела или что-то в этом роде. Поэтому я продолжаю:

— Ты хорошо выглядишь. Действительно хорошо.

— Ты тоже, — говорит она, и я хочу прикоснуться к её губам, к её мягким пухлым губам, но тут дверь в школу открывается, и из класса выходит он.

— Мамочка, — кричит Брэксли и подбегает к ней, обнимая. — Я думал, у тебя не получится.

— Ты издеваешься надо мной? Я бы ни за что на свете не пропустила это.

Он снова обнимает её и бежит обратно к Джеку, становясь в очередь, когда они садятся в автобус.

— Спасибо, что помогли с обедами, — говорит учительница, и я машу ей рукой. — Нет проблем, увидимся позже.

Доставая из кармана ключи от машины, я смотрю на Фэй и дружески обнимаю её, затем говорю:

— Мне, наверное, пора идти.

— Да, я мне тоже.

Мы вместе пересекаем стоянку, наши руки соприкасаются. Когда мы оба подходим к нашим машинам, я спрашиваю её:

— Ты хочешь прокатиться со мной?

— Да, пожалуй, — соглашается она, и я открываю двери, так удивленный тем, что она действительно идёт со мной. Когда мы садимся в мою машину, автобус отъезжает, и другие родители гуськом покидают стоянку, тоже следуя за нами. Я завожу двигатель и сдаю назад, когда Фэй говорит мне:

— Я должна перед тобой извиниться.

Я бросаю на неё взгляд, задаваясь вопросом, откуда всё это берётся.

— Ты действительно не знаешь. Ты не сделала ничего плохого.

— Я сделала, Тан, я оттолкнула тебя, когда всё, что ты делал, это помогал мне, и я всегда буду сожалеть об этом.

— Я понимаю, к чему ты клонишь; я бы, наверное, сделал то же самое. Но всё хорошо.

— Нет, это не так, — говорит она, и часть меня чувствует, что она хочет поспорить со мной или что-то в этом роде.

— Я не понимаю, чего ты хочешь от меня, Фэй.

— Я хочу, чтобы мы начали всё сначала, с чистого листа.

— Почему? Что изменилось?

Она поворачивается в мою сторону всем телом на своём сиденье. Отвлекая моё внимание от дороги, она искушает и провоцирует меня. Отводя взгляд, я сжимаю руль так сильно, что костяшки моих пальцев белеют.

— Я много анализировала, размышляла и искала внутри себя то, чего я хочу. — Её слова громко и ясно звучат внутри меня, и я надеюсь, что то, что она говорит, действительно правда, но часть меня в это не верит.

Она оттолкнула меня так далеко и была так холодна, что я не решаюсь снова открыться ей. Но она гладит меня по руке, и одно только её простое прикосновение приводит мой член в состояние «двенадцать часов».

— О чём ты думаешь? — спрашивает она меня.

Я доверяюсь своему чутью. Даже если всё закончится так, как в прошлый раз, это будет стоить боли, чтобы снова быть с ней.

— Можем мы поужинать сегодня вечером наедине?

— Мне нужно будет узнать, сможет ли моя свекровь присматривать за Брэкли, но я надеюсь, что смогу.

Я больше ничего ей не говорю. Я оставляю всё как есть, надеюсь, что это действительно новое начало для нас, но также зная, что отказ очень возможен.

Глава 22

Фэй

Какова вероятность того, что мы с Таном были бы в паре на этой экскурсии вместе? Я предполагаю, это потому, что миссис Липер видит, насколько близки мальчики, и она хочет, чтобы родителям было легко управлять группами. С нами также две девочки, они тоже друзья, и с четырьмя детьми весело и легко общаться.

— Время обеда, ребята, вы закончили со своими контрольными списками? — спрашиваю детей, и они все кивают. Даже мы с Таном не можем удержаться от смеха, когда пересекаем поле, чтобы встретиться с классом в павильоне.

— Когда Джек снял повязку?

— Пару дней назад. К счастью, всё зажило хорошо.

— Я заметила, что, когда он держал свой планшет, это выглядело действительно хорошо.

— Да, слава Богу. — Дети гоняются друг за другом, и Тан спрашивает меня: — Что ты принесла на обед?

— Чёрт, я совершенно забыла это в своей машине.

— Чёрт, это отстой.

— Я знаю, ну что ж.

— Я поделюсь с тобой своим, — говорит он мне и обхватывает мои пальцы своими, крепко сжимая мою руку. Я смотрю вниз на наши руки, наслаждаясь ощущением его руки на моей. Это так приятно. И учитывая, что я не уверена, где мы находимся, мне это нужно.

— Куда мы идём ужинать? — спрашиваю я его, и он прикусывает нижнюю губу, обдумывая мой вопрос.

— Я думал, тебе нужно было узнать, может ли твоя свекровь присмотреть за Брэксли?

— Она присмотрит, — отвечаю ему.

— Хорошо, тогда куда ты хочешь пойти?

— Мне всё равно.

— Какая твоя любимая еда? — спрашивает он.

— Я люблю фо.

— Что это, чёрт возьми, такое? — Он бросает на меня непристойный взгляд, и он даже не знает, что это такое. Я так сильно смеюсь над выражением его лица, что мне приходится остановиться.

— Это вьетнамский суп с лапшой.

— Ни за что, я не поведу тебя на суп.

— Хорошо, но я говорю тебе, не отказывайся от этого, пока не попробуешь.

Когда мы добираемся до павильона, весь класс рассредоточен, повсюду едят ланч, и мы садимся рядом с мальчиками. Тёплое солнце на моей коже — это так приятно. Погода становится всё лучше и лучше.

— Где твой обед, мамочка? — спрашивает Брэксли.

— Я забыла его в своей машине, так что Тан поделится со мной.

— Это мило, ты тоже можешь взять моё яблоко. — Он протягивает мне фрукт, и я вежливо отказываюсь, желая, чтобы он наелся.

— Съешь сам.

Он пожимает плечами, и Тан протягивает мне половину своего сэндвича.

— Спасибо, — благодарю я.

Краем глаза я замечаю, как Тан крадёт один из «Читос» Джека. Он подмигивает мне, и я ухмыляюсь ему. Дети всё болтают, и Тан пользуется возможностью, чтобы продолжить воровать чипсы, но Джек ловит его и возмущается:

— Папа, это моё.

— Извини, я больше не буду. — Джек не сводит с него глаз, и очевидно, что Тан думает, что это забавно, когда он берет ещё одну чипсинку, а Джек прыгает на него.

— Я сказал, перестань, — кричит он, и Тан сгибается, когда его сын нападает на него. Брэксли тоже присоединяется к веселью, и Тан встаёт, Джек обвиняет его шею, а Брэксли обнимает его за талию.

Мальчишки дико орут, и я не могу удержаться от смеха, откидываясь на спинку стула и наблюдая, как он бежит по полю, прижимая к себе мальчишек, как ненормальный. Наблюдая за тем, как Тан ведёт себя не только со своим сыном, но и с Брэксли, я понимаю, какой он на самом деле удивительный мужчина и отец.

* * *

— Ещё раз спасибо тебе, Джен, — говорю я своей свекрови, когда она отъезжает от моего дома с Брэксли в своей машине.

— Пока, мамочка, — кричит он с заднего сиденья.

— Пока, детка. — Я машу им, когда они отъезжают, и я очень благодарна, что она помогает мне сегодня вечером. Возвращаясь внутрь, я проверяю свою причёску и макияж в зеркале в прихожей, зная, что скоро Тан будет здесь.

Затем раздаётся звонок в дверь, и я напоминаю себе об обещании, которое дала Бену. Это то, что подталкивало меня вперёд в последнее время, и я позабочусь о том, чтобы так продолжалось и впредь. Я поворачиваюсь, чтобы увидеть Тана, мои глаза сразу же встречаются с его, когда он стоит, держа букет жёлтых лилий.

— Заходи, — приглашаю его через сетчатую дверь, и он входит, выглядя до слез сексуально.

— Это тебе. — Он передаёт мне цветы и целует в щеку. Моё сердце бешено колотится, когда я благодарю его, доставая вазу для цветов.

— В холодильнике есть пиво, — говорю я ему, и он достаёт одну банку, открывая её. Он протягивает напиток мне, и я с удовольствием делаю огромный глоток.

— Спасибо, — говорю я, возвращая ему пиво.

— Всегда пожалуйста. Значит, твоя свекровь была не против посидеть Брэксли?

— Да, ей нравится проводить с ним время.

— Что ты сказала ей, что делаешь сегодня вечером?

— Я просто сказала, что мне нужна ночь наедине с собой. — Он понимающе кивает. Тан потягивает пиво; его глаза такие же всепоглощающие, как всегда, пожирают меня заживо, когда я делаю глубокий вдох, напоминая себе о том, что реально, и это мы с Таном начинаем всё сначала.

— Ты готова к ужину?

— Да, — соглашаюсь я, и глаза Тана загораются от моего ответа, когда он ставит своё недопитое пиво на стол. Я захопываю холодильник, получая от него довольную ухмылку, когда я это делаю.

— Ты хочешь что-нибудь в дорогу? — спрашивает он.

— Неа. — Я хватаю своё пальто и сумочку, когда мы вместе выходим. По дороге я спрашиваю его:

— Куда мы едем?

— Я думаю, туда где можно съесть тот дерьмовый суп, который ты любишь.

— Как бы то ни было, это не дерьмо. Тебе это понравится.

— Ну, я просто предупреждаю тебя, что если я этого не сделаю, то потом зайду в «Чилпотле».

— О, да ладно, как будто отвратительное большое буррито лучше.

— О, это так. Я был бы счастлив, если бы мы просто поехали туда. Я мог бы съесть два.

— Нет! У нас будет фо, конец истории! И я обещаю, что к концу вечера ты будешь на крючке.

Он смотрит на меня, крепко сжимая руль. Солнце садится, пока мы едем, и я смотрю в окно, на облака, чувствуя, что Бен со мной, подталкивает меня вперёд.

Глава 23

Тан

— Так что ты заказываешь? — спрашиваю Фэй, глядя на чересчур сложное меню.

— Я возьму фрикадельки.

— Ладно, теперь это становится просто странным.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает она меня, откладывая своё меню.

— Ты сказала, что это вьетнамский суп, какое место в нём занимают фрикадельки?

— Может, ты перестанешь ныть? — Она зовёт меня на свидание, и, честно говоря, это меня заводит. Раскладывая своё меню, я говорю ей: — Ты можешь сделать заказ за меня, потому что, очевидно, тебе виднее.

Как раз в этот момент подходит официантка и ставит наши напитки и что-то похожее на поднос с травой. Моё пиво выглядит настолько аппетитно, что я делаю глоток, мне нужно напиться, чтобы пережить эту трапезу.

— Что вам принести поесть? — спрашивает нас официантка.

— Я буду фрикадельки фо, а он будет номер пятьдесят семь.

Что это, чёрт возьми, такое?

Но я не могу понять этого, когда она берет наши меню и уходит, чтобы сделать наш заказ.

— Так что, это что-то вроде кода для чего-то? — спрашиваю её.

— Нет, это было в меню. Разве ты не видел, что большинство позиций были пронумерованы?

— Нет, я не заметил, я был немного поглощён разговорами о фрикадельках.

— Хочешь выпить? — спрашивает она меня, отправляя в рот через соломинку огромный голубой шарик.

— Нет, спасибо. Я бы предпочёл держать синие шары как можно дальше от себя.

Она отхлёбывает ещё один через свою массивную прозрачную соломинку, и я не могу не съёжиться, наблюдая, как она его проглатывает.

— Так что будь честна, тебе действительно нравится это место только из-за всех этих яиц, да?

Она закатывает глаза, когда официантка ставит перед нами дымящиеся горячие супы. Глядя на сырое мясо, я понимаю, что меня надули.

— Могу я предложить вам что-нибудь ещё?

— Нет, спасибо.

— Надеюсь, я не отравлюсь, — бормочу я себе под нос, и Фэй хихикает.

— Ты знаешь, как пользоваться палочками для еды, здоровяк?

— Да, я знаю.

— Что ж, достань их и положи своё мясо в бульон.

— Моё мясо и близко не подойдёт к этому бульону.

Она смеётся и стучит кулаком по столу.

— Не *твоё* мясо, *это* мясо, глупышка.

Взяв палочки для еды, я проталкиваю мясо вниз и наблюдаю, как исчезает розовизна; бульон такой горячий, что его можно сварить. Наблюдая, как Фэй насыпает в свой суп всякую дрянь и срывает травинки со стола, я просто слежу за тем, что она делает.

— О, так теперь ты знаешь, что делать?

Я закатываю глаза, а затем мы оба вместе подносим кусочки еды к губам.

И ничего не происходит.

Когда я открываю рот и первое, что касается моего языка, пробуждается моё небо. Вкус невероятный. Пережёвывая кусочек, я не думаю, что когда-либо пробовал что-то настолько

вкусное.

— Тебе нравится? — спрашивает она.

— Я... мне это нравится, — говорю я ей, отправляя в рот очередную порцию еды палочками.

Она ест медленно, наблюдая за мной, и пока я поглощаю свой суп, уверен, с рекордной скоростью, теперь я могу сказать, почему это её любимое блюдо.

* * *

— Это было потрясающе! — говорю я Фэй, когда мы выходим из ресторана.

— Видишь? Я же говорила, что тебе понравится!

— Почему я не пробовал этого раньше? — спрашиваю я, хватая её за руку, наши пальцы так крепко переплетаются.

— Я не знаю почему, но поверь мне, это всё, чего ты сейчас захочешь.

— Я мог бы съесть ещё одну тарелку.

— О, я не смогу, — говорит она, потирая свой плоский живот. — Я наелась до отвала.

— Да, ты действительно так выглядишь.

Она соприкасается со мной плечом, и я смеюсь, отпуская её руку и перекидывая свою через её плечо. Она так хорошо пахнет, невероятно хорошо, и быть с ней вот так снова потрясающе.

Когда мы пересекаем мост к тому месту, где припарковались, огни центра Сиэтла мерцают, освещая залив Пьюджет-Саунд. Она останавливается, и мы оба смотрим на зеркальную воду.

Стоя в тишине, я задаюсь вопросом, что происходит у неё в голове. Что касается меня, то всё, о чём я могу думать, — это она; она занимает все мои мысли. Но за неё я беспокоюсь, не начинает ли она снова сомневаться во всём, поэтому я спрашиваю её:

— О чём ты думаешь?

— О, ни о чём.

— Скажи мне? — умоляю я, желая проникнуть в её голову.

— Это насчёт Бена.

— Ладно, я всё ещё хочу знать.

Она вздыхает, что-то вспоминая, а затем говорит:

— Раньше он постоянно приходил сюда порыбачить. Я подумала, может быть, однажды я смогла бы показать Брэкли, как это делается.

— Я думаю, это было бы неплохо. Джек и я тоже можем пойти.

— Я бы хотела этого, — говорит она, её глаза всё ещё сосредоточены на воде.

— Я бы тоже. — Я поворачиваю её к себе и теперь вижу слезы, застилавшие её глаза.

— Не плачь, Фэй. — Она моргает, и тушь стекает по её щекам.

— Прости, я не хотела расстраиваться сегодня вечером.

— Не извиняйся. Пожалуйста, просто будь такой, как ты чувствуешь, ипусти меня сюда, — говорю я ей и прикасаюсь к месту над её сердцем. — И здесь, — я оставляю мягкий, нежный поцелуй на её виске.

Её руки складываются у меня за спиной, и мы стоим вместе, молча наслаждаясь друг другом.

* * *

— Спасибо тебе за сегодняшний вечер, — говорит мне Фэй, когда я въезжаю на её подъездную дорожку.

— Не за что. — Я ставлю свою машину на стоянку и ненавижу, что ночь должна подходить к концу. Но она сказала, что хочет, чтобы между нами всё началось сначала, так что я не хочу давить на неё.

— Разве ты не зайдёшь?

— Нет, мне пора домой.

— О... хорошо, — в её голосе звучит удивление, и она немного нерешительно тянется к дверной ручке. — Ты хотя бы проводишь меня до моей двери?

— Конечно. — Я заглушаю двигатель и провожаю её до двери. Моё сердце бьётся ровно, но когда она останавливается и смотрит мне в глаза, всё внутри меня пробуждается, и я знаю, что должен был уйти, когда у меня был шанс.

Её губы слегка приоткрыты, тёплое дыхание касается меня, и я понимаю, что выходить из машины было плохой идеей. Она тоже это чувствует. От близости с ней у меня кровь бурлит в жилах, а потом она обвивает руками мою шею.

— Спасибо тебе за ужин, — говорит она.

Мой член наливается от близости, я киваю, теряя голос, когда она наклоняется, прижимаясь своим телом к моему. Очевидно, чувствуя, что она делает со мной, мы начинаем целоваться, и я вырываю ключи у неё из рук, открываю дверь и заталкиваю её внутрь. Прижав её спиной к двери, я втираюсь в неё. Так сильно желая быть внутри неё.

Мы оба теряемся в этом страстном моменте. Она обхватывает меня руками и ногами, прижимаясь ко мне. Наши губы превратились в неразбериху, мы оба хотим одного и того же. Я целую её в шею, и она стонет. Мои руки обвиваются вокруг её бёдер, удерживая её, и трение моего члена внутри штанов заставляет мои яйца гореть. Я опускаю её на пол, и мы оба начинаем раздевать друг друга в перерывах между поцелуями.

Я сбрасываю её пальто на пол, мой язык ласкает её. Её стоны сводят меня с ума. Мы ненадолго отстраняемся и снимаем рубашки, оставаясь только в штанах, и когда она начинает расстёгивать свои, я стягиваю свои на колени. Ощущение освобождения моего члена возбуждает. Она снимает штаны, теперь совершенно голая, и я просовываю два пальца в её щель. Смотрю ей в глаза для успокоения, чтобы убедиться, что она в порядке, и прежде чем я продолжу, она притягивает меня к себе за мой член.

Я отпускаю её лоно, глядя вниз, как она скользит мной внутрь себя. Мой член, кажется, вот-вот взорвётся, и я готовлюсь трахнуть её. Придерживаю её за зад, её спина прижата к двери, и мы вместе двигаемся синхронно.

Одной рукой она сжимает дверную ручку, а другой держится за мою шею, опустив голову, наблюдая, как я вхожу в неё и выхожу из неё. Мои движения стремительны; в них нет ничего нежного, когда я даю нам то, чего мы оба хотим. Я знаю, что ей нравится жёстко, она мне говорила. Каждый шлепок моих яиц по её заднице эхом разносится по фойе дома, сопровождаемый её сладкими криками.

— Да, Тан, — повторяет она несколько раз, и я не думаю, что мне когда-либо так нравилось слышать своё имя, как когда его произносит Фэй.

Кряхтя от каждого толчка, наши тела потные, и в этот момент, когда наши глаза прикованы друг к другу, я молюсь, чтобы это стало началом нашего будущего, потому что я не хочу, чтобы было по-другому, и я не хочу никого другого.

Глава 24

Фэй

— Доброе утро, — говорит мне Тан, лежа рядом со мной на тесном диване.

— Доброе утро, — отвечаю я, мой голос хриплый, а глаза усталые, так как мы мало спали. Мои мысли возвращаются к прошлой ночи, ко всему, что мы с ним делали, и я обнаруживаю, что от этих мыслей у меня становится влажно между ног.

— Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, — говорит он, и моё сердце трепещет от этих слов. Ни один мужчина никогда не говорил со мной так свободно, даже Бен. Тан крепко обнимает меня, и я вдыхаю сладкий аромат его груди, его запах так успокаивает меня.

— Спасибо, — наконец, произношу я.

— Это правда. Ты совершенна.

— Как и ты, Тан.

— Я имел в виду то, что сказал тебе в письме, Фэй. Я хочу, чтобы ты чувствовала себя комфортно, говоря о Бене. Тебе нужно всегда помнить все те замечательные времена, которые вы разделили.

Его слова... Вау... его слова — это что-то другое. Буря эмоций захлёстывает меня, и я ищу внутри себя правильный способ отреагировать. Я беспокоюсь, что он просто говорит это и на самом деле не чувствует этого глубоко внутри, поэтому я спрашиваю:

— Ты уверен, что это то, что ты действительно чувствуешь?

— Я когда-нибудь лгал тебе? — Я смотрю ему в глаза, зная, что он этого не делал. Затем я закрываю глаза, чувствуя, как присутствие Бена окружает меня. Его уверенность, которую я чувствовала, когда впервые встретила Тана, поражает меня, и у меня перехватывает дыхание. Находить утешение в знании того, что он одобряет.

— Нет, ты этого не делал.

— И я никогда этого не сделаю. У тебя есть моё сердце, если ты примешь это. — Он наклоняется и целует меня, его сильные руки прижимают меня к себе, и в этот момент — впервые более чем за год — я чувствую, что со мной всё будет хорошо. Когда Тан рядом со мной, как как может быть по другому?

* * *

— Я могу уйти, — говорит мне Тан, пока я смотрю на улицу, ожидая, когда моя свекровь подвезёт Брэкли. Моё сердце колотится, и как бы сильно я не хотела, чтобы он уходил, и я не хочу разлучаться с ним, я чувствую, что это может сделать всё намного хуже, чем должно быть.

— Извини, я думаю, было бы лучше дать нам немного времени.

— Конечно. Я собираюсь захватить Джека; тогда мы все сможем чем-нибудь заняться сегодня днём?

Я киваю в ответ, когда его руки сжимаются по бокам моего лица. Он нежно целует меня, несколько мягких поцелуев, от которых у меня слабеют колени. Потом он ушёл.

Опираясь всем весом на край столешницы, мои мысли возвращаются к прошлой ночи, и я ловлю себя на том, что прикусываю нижнюю губу, вспоминая всё, что мы делали. Затем я слышу, как подъезжает машина, и вижу машину Джен, припаркованную на улице.

Слава Богу, Тан ушёл раньше.

— Эй, привет, — окликаю я их от входной двери.

— Мамочка! — кричит Брэксли и подбегает ко мне, обнимая.

— Привет, мой маленький человечек, как дела? — Я крепко обнимаю его.

— Я в порядке. Посмотри, что бабушка купила для меня. — Он показывает мне новую фигурку, и я целую его в макушку, прежде чем он убегает внутрь. — Давай понесу вещи, Джен, — говорю я ей, пока она пытается донести все его сумки.

— Спасибо.

Она идёт за мной, и я благодарю её:

— Ещё раз спасибо, что присмотрела за ним.

— Без проблем. Ты хорошо провела вечер?

— Да, пожалуй.

— Что ты делала?

— Просто расслабилась.

— О, хорошо. Я рада, что у тебя есть немного времени для себя.

— Да, спасибо.

И как бы сильно я ни ненавидела лгать Джен, в глубине души я чувствую, что так будет лучше. Я не буду прятать Тана. Но пока не пришло время, ей пока не нужно знать, и я бы никогда не хотела причинять ей боль, ведь она мама Бена и всё такое. Брэксли даже не знает, что мы ещё встречаемся. Это должно быть на первом месте, и когда придёт время, я тоже дам знать Джен.

Глава 25

Тан

— Ты вообще планировал сказать мне, что встречаешься с кем-то? — спрашивает меня Чар с раздражением в голосе.

Джек в комнате, и я не хочу, чтобы он слышал наш разговор или видел, как я расстроен, поэтому я обращаюсь к нему:

— Ты убедился, что всё взял из своей комнаты, приятель? — Он бежит по коридору, а я поворачиваюсь к Чар, зная, что у меня не так много времени. — Какое это имеет отношение к тебе?

— Ну, учитывая, что мой сын проводит большую часть своего времени в доме какой-то женщины, я думаю, что заслуживаю знать, кто она такая.

— Это говоришь ты, та, которая часами ходила по магазинам, пока наш сын занимался чем? — Я жду, что она ответит, и она закатывает глаза.

— Это другое, Тан!

— Чёрт возьми, так оно и есть. Ты же знаешь, Джек — мой приоритет номер один, поэтому я бы никогда не поставил его в плохую ситуацию.

— Но, может быть, она бы так сделала. Кто она такая? — спрашивает Чар, раздражая меня ещё больше.

Подойдя к ней совсем близко, я смотрю ей в глаза. Все чувства, которые я когда-либо испытывал к ней, давно исчезли.

— Она — всё, чем ты не являешься, и именно то, что я искал всю свою жизнь.

— Пошёл ты! — рычит она и ударяет кулаками мне в грудь. Я поворачиваюсь к ней

спиной и иду по коридору, одной рукой поднимая Джека, другой — его сумку, и мы выходим.

Она не имеет права задавать мне вопросы или вести себя так, будто я должен ей объяснения. Ей повезло, что я вообще разрешаю ей видеться с Джеком прямо сейчас, учитывая, какой безответственной она была. Она тратит свои деньги, ну, а мои деньги я отдаю ей, и до недавнего времени эта женщина только и делала, что ходила по магазинам.

— Почему вы с мамой ссоритесь? — спрашивает он меня.

— Мы не ссорились, приятель, просто разговаривали о взрослых вещах. Тебе было весело? — Он кивает головой, но, похоже, уже не с таким энтузиазмом, как в прошлый раз. — Ну, и чем же вы занимались?

— Да ничем особенным, я много разговаривал с Брэксли по рации, пока мама не забрала её.

— Почему она это сделала?

— Я не знаю.

— Мне жаль, малыш. Что ты скажешь, если мы отправимся туда, и вы, ребята, сможете играть весь день?

— Мы можем поплавать в их бассейне?

— Э-э, конечно, — отвечаю я ему, гадая, что натолкнуло его на эту идею.

— Ура! — восклицает он. — Бабушка Брэксли купила ему нового Аквамена, и он плавает.

— Ну... тогда купаемся, — говорю я ему, и мы делаем быструю остановку у нашего дома, чтобы переодеться в плавки.

Подъезжая к Фэй, вижу как они с Брэксли как раз разгружают продукты.

— Позволь мне помочь тебе с этим, — говорю я ей, вылезая из машины и подходя к ней. Я хочу крепко поцеловать её в прекрасную попку, но не делаю этого, только не в присутствии парней.

Она позволяет мне взять сумки у неё из рук, и мы следуем за мальчиками внутрь. Они стоят к нам спиной, я наклоняюсь и целую её в щеку. Её глаза загораются, и я спрашиваю её:

— Где ты хочешь это взять?

— На острове, пожалуйста.

— Мы можем поплавать, мамочка?

— Конечно. Джек, у тебя есть плавки, чтобы надеть?

Он кивает головой и задирает рубашку, показывая ей свои плавки, которые на нем надеты. Она усмехается и велит Брэксли пойти переодеться.

— Очевидно, они говорили об этом по рации. Так было до тех пор, пока Чар не забрала «Джека».

— Она это сделала? Зачем ей это делать?

— Ты поймала меня. Он, похоже, тоже не знал. Кстати, о Чар, она спрашивала о тебе.

— Правда? Откуда она знает обо мне?

— Я не знаю.

— Что ты ей сказал? — спрашивает она меня.

— Что ты её противоположность, и именно та, что я искал всю свою жизнь.

Фэй замирает, её лицо краснеет, и я заключаю её в крепкие объятия.

— Это то, что ты на самом деле чувствуешь? — спрашивает она меня.

— Так и есть.

Большим пальцем я провожу по её губам, представляя их вокруг моего члена. Потом парни врываются в комнату, и мы расходимся в стороны. Оглядываясь назад, Джек, должно быть, что-то сказал Чар. Это единственный способ, которым она могла узнать о нас с Фэй. Должно быть, именно поэтому она забрала у него рацию.

Волнуюсь теперь, когда Джек знает, он заслуживает того, чтобы все понять. То же самое и с Брэкли. Я не хочу, чтобы кто-то из мальчиков волновался или был сбит с толку. Они слишком малы, и оба уже через многое прошли в своей юной жизни.

— Я не знаю, что сказать, — говорит она мне.

— Тебе не нужно ничего говорить. Но я действительно думаю, что нам нужно поговорить с мальчиками о нас.

— Мы можем плавать? — кричат они нам одновременно, и мы вместе отвечаем: — Да!

Я стягиваю рубашку через голову, зная, что должен последовать за мальчиками на улицу. Она пялится на мой пресс, и чего я действительно не могу дождаться, так это увидеть её в купальнике.

— Раз, два, три, — скандируют мальчики и одновременно прыгают в бассейн, производя огромный всплеск. Я ныряю за ними, тёплая вода такая приятная, и в ту секунду, когда они видят меня, они кричат и пытаются уплыть от меня, но я поднимаю Джека и бросаю его, когда Брэкли забирается мне на спину, и я притворяюсь, что тону.

— Ты что, только что нарочно утопил меня? — спрашиваю я Брэкли, когда выныриваю подышать свежим воздухом. Он кивает головой, одаривая меня злобной ухмылкой.

— О, я доберусь до тебя, — кричит он, и я переплываю бассейн, позволяя парням убраться подальше, когда они изо всех сил проплывают мимо меня. Они продолжают оглядываться, смеясь, а затем всё моё внимание переключается на заднюю дверь, из которой выходит Фэй, одетая в простое белое платье.

Оно идеально облегает её тело, приподнимая её сиськи и... *не смотри на её киску, не смотри на её киску, не смотри на её киску*. Но, чёрт возьми, я ничего не могу с этим поделать.

Господи, помоги мне, эта женщина наверняка приведёт меня к смерти. Она бросает мальчикам несколько палочек для ныряния, а затем садится на край. Я подплываю к ней, останавливаясь прямо между её ног.

— Ты пытаешься убить меня? — шепчу я.

— Может быть.

— Ну... это работает, — говорю я ей и притворяюсь, что у меня сердечный приступ, падаю навзничь и погружаюсь на дно.

Когда я выныриваю, чтобы глотнуть воздуха, парни обстреливают меня, они нападают на меня, и я зову на помощь Фэй, когда они заталкивают меня под воду.

— Пожалуйста! — кричу я снова, выплёвывая воду изо рта, но она не двигается с места. Брэкли и Джек лезут на меня, я останавливаюсь и говорю им тихим тоном: — Что вы, ребята, скажете, если мы попробуем затащить Фэй в бассейн?

Они кивают, и Фэй спрашивает нас, мягко покачивая ногами взад-вперед в воде:

— Эй, что вы там замышляете?

— Держись подальше от нас, женщина! — поддразниваю её я, а затем придумываю план, как затащить её в бассейн.

— Готовы? — спрашиваю их, и Брэкли переходит в актёрский режим. Поднимаясь по ступенькам бассейна, он говорит:

— Мамочка, я поцарапал колени, и это так больно.

Она начинает беспокоиться, сосредотачиваясь на нём, и он улыбается мне. Мы с Джеком медленно подплываем к ней. Затем, как пара подлых акул, мы хватаем её за ноги, в то время как Брэсли толкает её сзади, и она кричит, падая.

Как только она выныривает, она злится, и я говорю Брэсли:

— Прыгай ко мне. Я спасу тебя.

Он перепрыгивает через голову своей мамы, и оба мальчика цепляются за меня, мы готовимся к схватке.

Глава 26

Фэй

— Ты знаешь, я не плавала в этом бассейне больше года, — говорю я Тану, когда мы делим баночку мороженого на моем диване.

— Нет? Почему?

— Я не могла заставить себя жить без Бена.

— О боже, мне жаль. Я не подумал.

— Всё в порядке. Я рада, что сделала это.

— Значит, ты не против?

— Да, это оказалось проще, чем я думала. Вы, ребята, сделали это забавным. Честно говоря, я ни разу не подумала о Бене.

— Я горжусь тобой, Фэй.

— Спасибо, — говорю я ему и прижимаюсь носом к его груди. Он крепко обнимает меня, так, как я привыкла любить и зависеть от него.

— Как, по-твоему, мальчики восприняли это? — спрашивает он меня, и его вопрос возвращает меня к нашему сегодняшнему разговору в бассейне.

— Я думаю, они не против этого. Что ты об этом думаешь?

— Они казались счастливыми.

— Да, это так, но я всё ещё не могу поверить, что Джек спросил, можем ли мы все жить вместе.

— Я знаю, детка, их маленькие мозги иногда забегают далеко вперёд, — говорит он мне.

Моё сердце согревается, когда я слышу, как «детка» слетает с его губ, и я вынуждена согласиться. Они хорошо восприняли эту новость. Мы сказали им, что нравимся друг другу, и Тан объяснил всё очень просто, прямо заявив, что я его девушка. И Джек, и Брэсли чертовски умны, так что они знают, что это значит.

— Эй, я тут подумал, что ты скажешь на то, если мы все вместе отправимся в путешествие или что-то в этом роде? — спрашивает меня Тан.

— Это было бы забавно.

— Как ты думаешь, куда нам следует поехать?

— Куда вы водите шестилетних маленьких мальчиков?

— Диснейленд, вот куда ты их, блядь, отвезёшь! — взволнованно восклицает Тан, почти пугая меня, и я знаю, что Брэсли был бы рад. Особенно потому, что это было в списке желаний Бена. Мы говорили с ним об этом. Но, видя, как он так быстро угасал...мы так и не отправились в это путешествие. Однако сейчас я не могу позволить этому сдерживать меня.

Бен бы разозлился, если бы я это сделала. Поэтому я говорю Тану:

— В Диснейленд было бы круто.

— Да? — спрашивает он, и я взволнованно киваю. — Когда поедем? — его глаза блестят в тусклом свете.

— Когда угодно.

— Может полетим? — спрашивает он, и от мысли о том, что мне придётся лететь, у меня сводит живот. Я всегда привыкла ездить в отпуск за рулём, но, зная, чем Тан зарабатывает на жизнь, он ни за что бы этого не сделал. — Вероятно, я смогу воспользоваться самолётом одного из моих клиентов. Ты могла бы даже сесть впереди со мной, детка.

— Ух ты! А теперь давайте притормозим. Обычно я не летаю.

— Я знаю, ты мне уже говорила. Но я хочу помочь тебе преодолеть этот страх.

— Я думаю, мне нужно повременить с этим, — говорю я ему, поскольку мой страх перед полётом поглощает меня. Это приводит меня в ужас.

— Держу пари, что так оно и есть, — говорит он и встаёт, запирая дверь в подвал. Затем он медленно отталкивает меня назад, его тело накрывает моё, заставляя меня забыть обо всем, кроме него в этот момент. Он берет мороженое и ставит его на стол. Мои руки прижимают его к себе, и, как он обычно делает, он покрывает моё тело поцелуями. От каждого из них по моим венам пробегает волна возбуждения.

Мальчики давно спят, уже за полночь, а Тан просто продолжает двигаться всё дальше и дальше вниз по моему телу, его губы теперь находятся прямо над моим лоном, и когда он стягивает с меня штаны, я хватаю его за волосы, останавливая его, зная, что его рот заставит меня кончить, и я хочу растянуть удовольствие. Он смотрит на меня своими огромными глазами и берет обе мои руки, удерживая их вместе одной из своих больших ладоней.

— Не останавливай меня, — рычит он и трёт мою киску двумя пальцами.

Он продолжает тереться взад и вперёд о мой клитор, заставляя меня забыть обо всем.

— Да, вот так, — говорит он мне, и я закрываю глаза, тихонько постанывая.

Как раз в тот момент, когда я начинаю чувствовать, что моё тело достигает кульминации, он спускает с меня штаны и смотрит на моё лоно. Он ворчит что-то невнятное, а затем раздвигает мою киску, погружая в меня два пальца.

Я откидываю голову назад и позволяю ему делать со мной всё, что он хочет. С каждым толчком моё тело парит в облаке блаженства. Моя киска такая влажная, и тогда он останавливается.

— Что не так? — спрашиваю я, когда он спускает штаны.

— Ничего, мне просто нужно быть внутри тебя.

Поставив одну ногу на пол, а другую положив на спинку дивана, я широко раздвигаю бёдра, наблюдая за его твёрдым членом, таким большим, когда он нежно трётся им о мою киску. Затем он опускает его вниз и погружается в меня.

— Господи, — выдыхаю я, наблюдая, как наши тела двигаются вместе.

Он трёт мой клитор большим пальцем и трахает меня. Огонь горит внутри меня, распространяясь от моей киски по всему телу. Я больше не могу смотреть, как он двигается. Откинувшись на подлокотник дивана, я погружаюсь в экстаз.

Он трахает меня так идеально, и когда моё тело изгибается по спирали, его глаза подбадривают меня. Я извиваюсь, выгибаясь под ним, но его движения не прерываются. Он вытягивает из меня мой оргазм, и я стону, наслаждаясь экстазом — своим освобождением —

Глава 27

Тан

— Большое вам спасибо, мистер Деверо, — говорю я своему клиенту, а затем вешаю трубку. Мистер Деверо владеет компанией по производству сумок и в настоящее время находится в Китае в поисках новой фабрики для работы. Он вернётся только через неделю, поэтому согласился одолжить мне свой самолёт, чтобы отвезти Фэй и мальчиков в Диснейленд на этих выходных.

Набираю номер Фэй, она отвечает после пары гудков. Её голос подобен музыке для моих ушей.

— Что ты задумал? — спрашивает она меня, когда я сижу в Денвере в ожидании нашего следующего рейса.

— Не так уж много, только в Майл-Хай-Сити. Угадай, с кем я только что разговаривал по телефону?

— Э-э-э, я понятия не имею, — говорит она, и я понимаю, что с моей стороны было довольно глупо спрашивать её об этом в первую очередь.

— Парень, которому принадлежит самолёт, который я хотел одолжить, чтобы полететь в Диснейленд.

— О, правда? Что он сказал?

— Что мы можем использовать его в эти выходные.

— Эти выходные уже завтра?

— Да, разве это не здорово?

— Э-э, разве Чар не забирает Джека на эти выходные?

— В чём дело? У Масы's, вероятно, распродажа, так что ей будет всё равно.

— В самом деле? Ты бы так с ней поступил?

— Детка, она бы сделала то же самое со мной. Чёрт возьми, она это сделала. За весь наш брак она только и делала, что лгала обо всем. Она никогда не хотела, чтобы я был дома с ней, это было для того, чтобы я мог присмотреть за Джеком, а она отправиться на шоппинг.

— Так что же ты тогда собираешься ей сказать?

— Ничего, у меня основная опека.

— Тан! — ругает она меня, и Эллиот бросает на меня косой взгляд.

— Хорошо, я поговорю с ней об этом.

— Хорошо. В любом случае, я не уверен, какое это имеет значение для Фэй. Но я всегда хочу быть уверен, что она счастлива.

— У нас всё ещё есть время на ужин? — спрашивает она.

— Конечно. Я не могу дождаться. Мы должны вылететь отсюда примерно через тридцать минут.

— Ладно, что ж, лети спокойно. Я собираюсь сходить за мальчиками.

— Скажи Джеку, что я скучаю по нему.

— Я так и сделаю. Пока, Тан.

— Прощай, красавица.

— Срань господня! — восклицает Эллиот. — Ты взбитая киска.

— Отвали, чувак.

Он откидывается на спинку стула и просто смотрит на меня.

— Я бы никогда не подумал, что это случится с тобой, из всех людей.

— Знаешь, в чём твоя проблема, чувак? — Он наклоняет ко мне голову, ожидая моего ответа. — Ты слишком много внимания уделяешь другим людям.

— Что ещё я должен сделать?

— Постарайся найти кого-нибудь, кто сделает тебя таким же счастливым, как Фэй делает меня.

— Нет, только не с работой.

— Капитан? — говорит Саша, одна из стюардесс, заглядывая в салон самолёта. — Мы можем подняться на борт?

— Да, мэм. — Она улыбается Эллиоту, слишком долго не сводя с него глаз. Затем уходит от нас.

— Как Саша, — говорю я Эллиоту. — Ты ей нравишься. Почему бы тебе хоть раз не попробовать по-настоящему с кем-нибудь встретиться?

— Потому что я уже трахнул её в поездке в прошлом месяце, и у меня нет времени на свидания, дурак?

— Но у тебя есть время, чтобы найти кого-то другого, с кем можно встречаться каждый вечер?

— Как, чёрт возьми, это обернулось против меня? Это тебе объездили член!

Ну и что с того, что это так. Разве это так уж плохо? Разве не это в конце концов случается со всеми парнями?

* * *

Покидая аэропорт после чертовски напряжённого перелёта из Денвера в Сиэтл, я не могу дождаться, когда увижу Фэй, прикоснусь к её сексуальной попке. От одной этой мысли мой член набухает, а затем всё это прекращается, когда я получаю сообщение от Чар. *«Как ты думаешь, Джек мог бы остаться с пятницы по воскресенье?»*

Её слова напоминают мне о том, что я должен сделать. Поэтому я беру свой телефон и звоню ей.

— Алло? — отвечает она.

— Привет, я только что получил твоё сообщение. Зачем он тебе нужен на все выходные?

— Я собиралась сводить его в тот новый аквапарк, который открылся, и погода, похоже, действительно хорошая, так что мы могли бы сходить туда несколько раз.

— Ты можешь сделать это в следующие выходные?

— Нет, я не могу.

— Почему нет? — спрашиваю я её, раздраженный тем, что она не может изменить свои планы, когда я всегда позволяю ей взять его, когда бы она ни попросила. Возможно, даже больше, чем следовало бы.

— Потому что я с нетерпением жду этого, и пребывание с ним очень помогает мне справиться с моей зависимостью и воздержаться от покупок.

— Так ты на самом деле имеешь в виду, что ты вот-вот сломаешься, и ты хочешь, чтобы он занимал тебя все выходные?

— Нет, Тан, дело совсем не в этом. Я просто подумала, что он хотел бы пойти, и будет дешевле, если я куплю абонемент на выходные.

— Ну, ты тратишь мои деньги, так что не веди себя так, будто ты ворует пени или

оказываешь мне какие-то услуги. — Чертовы алименты всё ещё выводят меня из себя, и кредитные карточки, по которым я плачу, которые она потратила на покупки, когда мы были женаты. Для меня непонятно, почему всё это ложится на мои плечи.

— Ты такой засранец, ты знаешь это?

— Я знаю, ты говорила мне это много раз, и, чтобы поддержать свою репутацию, мне придётся отменить все ваши выходные с Джеком.

— Почему?! — кричит она, и как бы сильно мне ни хотелось сказать ей в лицо, что у меня всё хорошо, я этого не сделаю.

— Его только что пригласили на вечеринку по случаю дня рождения с ночёвкой, и он действительно с нетерпением этого ждёт.

— Я могу отвезти его.

— Нет, ты не можешь.

— О... теперь я понимаю, это для того маленького мальчика, с которым он разговаривал по рации. Сын бродяги, с которой ты трахаешься.

— Да пошла ты, Шарлин!

— Пошёл ты, Тан!

Я сбрасываю вызов, злясь на неё. Она точно знает, как нажимать на мои кнопки, лучше, чем кто-либо другой. Но, учитывая, что впереди у нас выходные, я не собираюсь позволять ничему и никому меня расстраивать.

Глава 28

Фэй

— Вперёд, ребята! — кричит Тан Джеку и Брэкли, которые едят, как две улитки, за барной стойкой. Мой желудок сжимается, в нём порхают бабочки от осознания того, что сегодня мы не только летим в Калифорнию, но и вычеркнем кое-что из списка желаний Бена.

— Почему ты торопишь нас, ещё даже не рассвело? — говорит Брэкли, и я слегка посмеиваюсь, наслаждаясь тем, в какого сильного маленького человечка он превращается.

— Потому что сегодня будет потрясающе! — Тан смотрит на свой айпад, потягивая кофе, и я бросаю взгляд на экран.

— Что это? — спросила я.

— Наш план полёта, — шепчет он, поскольку мальчики ещё не знают, что мы летим.

Я проглатываю тревогу, жалея, что вообще спросила, и он спрашивает меня:

— Ты действительно так нервничаешь?

Я киваю головой, и он заключает меня в крепкие объятия.

— О, мерзость, — жалуются мальчики. Это их новая фишка в последнее время. Девочки отвратительны — у них вши.

— Идите чистите зубы, маленькие засранцы, — говорит им Тан в поддразнивающей манере.

Они смеются над ним, но оба идут по коридору. Тан обхватывает моё лицо ладонями, заглядывая в глаза. Близость и его прикосновения так приятны.

— Ты же знаешь, что я не позволю, чтобы с нами что-нибудь случилось, верно? Я киваю, мои руки покоятся на его груди, а сердце сильно колотится. — Тогда тебя беспокоит что-то ещё?

— Нет, я не знаю. Я имею в виду, трудно представить поездку без Бена... но я знаю, что мальчикам понравятся каникулы, и я рада, что мы все будем вместе вдали от здешней жизни.

— Им это понравится, детка. И Бен тоже будет там, с нами.

Он целует меня в макушку, и я кладу голову ему на грудь. Чувство удовлетворения, которое я испытываю, когда нахожусь в его объятиях, нереально. Я никогда не думала, что после того, как потеряла Бена, у меня появится второй шанс на счастье, но с Таном это именно то, что он дарит мне каждый день.

— Ты действительно собираешься отвезти нас в школу так рано? — спрашивает нас Джек из ванной.

— Ага! — кричит Тан.

И я ненавижу лгать им, но я также знаю, что сюрприз того стоит. Тан спрашивает меня:

— Ты всё упаковала?

— Я думаю, что да.

— Хорошо, теперь, начиная с этого момента, ты избавишься от всех своих забот и стрессов.

— Обязательно ли это должно быть и то, и другое? — Я дразню его, и он сжимает обе мои ягодицы. Этот отпуск — как раз то, что мне нужно. То, что нам всем нужно. — Я собираюсь сделать всё возможное, чтобы оставаться в настоящем моменте и не позволять ничему напрягать меня.

— Хорошо, — говорит он и целует меня.

После того, как мальчики оделись, загрузили машину и, наконец, вышли из дома, мы отправляемся в путь. Солнце только начинает всходить, и я знаю, что Тан хотел улететь на рассвете, но... с двумя детьми успеть почти всегда маловероятно.

— Почему ты так долго едешь до школы? — спрашивает Джек.

— Почему ты задаёшь так много вопросов? — отвечает ему Тан, и я слышу, как они с Брэкли хихикают. Тан кладёт руку мне на бедро, и я держусь за неё.

— Ты в порядке? — спрашивает он меня, заезжая на стоянку перед нашим местным почтовым отделением.

— Да.

— Хорошо. Мне нужно забежать сюда и проверить свою почту, но я сейчас выйду.

Он заходит внутрь, а я поворачиваюсь к мальчикам, оба играют на своих айпадах, не обращая на меня внимания.

Проходит всего минута, и Тан выходит, неся в руках единственную коробку. Он кладёт её на заднее сиденье своего внедорожника, и когда он садится внутрь, я спрашиваю его:

— Что это?

— Это сюрприз.

При слове «сюрприз» уши мальчиков наостряются.

— О, это конфеты?

— Нет!

— Ты можешь дать нам подсказку?

— Я мог бы, но... Я бы предпочёл этого не делать.

Мы с ребятами продолжаем пытаться угадать, что находится в коробке, всю оставшуюся дорогу. Затем, когда мы подъезжаем к аэропорту, мои мысли переключаются с посылки на полет.

— Почему мы здесь? — спрашивает Джек.

Тан ставит машину на парковку, и мы все выгружаемся из неё. Стоя на стоянке, он указывает на гладкий белый реактивный самолёт и говорит им:

— Видите этот самолёт?

Они взволнованно кивают.

— Что скажете если я предложу слетать нам всем в Диснейленд на выходные?

Их глаза расширяются, и оба восторженно подпрыгивают вверх-вниз, визжа, как маньяки.

— Ты серьёзно? — спросила я.

— Клянусь сердцем! — Тан рассказывает им, и я не думаю, что когда-либо видела Брэксли более счастливым, чем в этот момент.

Мы с Таном разгружаем машину, и мальчики бегут через стоянку к самолёту.

— Мы можем зайти внутрь? — кричит нам Джек.

— Конечно, можете. — Они исчезают, и Тан спрашивает меня: — Ты готова?

— Готова настолько, насколько я когда-либо буду.

Мы поднимаемся на борт, и мальчики в восторге бегают вокруг, исследуя самолёт. Тан следует за мной и запирает дверь, отчего мой адреналин подсакивает ещё сильнее, потому что теперь я заперта здесь. Затем он загружает наши сумки в багажные отсеки над головой, и я сосредотачиваюсь на том, чтобы сохранять спокойствие.

— Вы готовы посмотреть, что здесь находится? — спрашивает он нас всех, держа в руках таинственный свёрток.

Но прежде чем он успевает сказать что-либо ещё, мальчики вырывают у него упаковку и, открывая, разрывают в клочья. Они вытаскивают что-то похожее на футболки. Каждому достаётся своя, с именем в уникальном шрифте Диснея, оба снимают свои рубашки и надевают новые. Тан протягивает мне мою, которую я поднимаю, слезы застилают глаза, когда я читаю написанное поперек «Мама».

— А что на твоей? — спрашиваю я его, и когда он показывает мне «папа», я улыбаюсь. Меня всё устраивает; на самом деле, я бы не хотела, чтобы было по-другому.

— Спасибо тебе, Тан, — говорит ему Брэксли и крепко обнимает его.

— Где моя благодарность? — спрашивает он Джека, который врзается в него, когда он опускается на колени, всё ещё держась за Брэксли. Обнимая мальчишек, он говорит им:

— Теперь управлять этим самолётом — большая задача. Как вы думаете, ребята, вы сможете вести себя прилично и оставаться на своих местах?

— Ты будешь управлять самолётом? — спрашивает его Брэксли.

— Да, и твоя мама сядет впереди и поможет мне.

— Вау, это так круто.

— Я хочу это место, — кричит Джек и бежит, требуя то, что ему нужно. Брэксли ещё раз обнимает Тана и что-то шепчет ему на ухо, прежде чем плюхнуться рядом с Джеком.

— Ты готова, красавица? — спрашивает меня Тан.

Я киваю, сглатывая, не уверенная, готова ли я, но зная, что на самом деле у меня нет выбора.

Он ведёт меня вперёд, в кабину пилотов, и сама мысль об этом разжигает во мне тревогу.

— Займи свое место.

Я слушаю, и он помогает мне пристегнуться, затем садится рядом со мной.

— Надень наушники.

Я смотрю на это, не в силах пошевелиться, мой адреналин достигает пика, и я качаю головой, говоря ему:

— Я не думаю, что смогу это сделать.

— Конечно, ты можешь.

— Нет! — Мои ладони вспотели, и я тянусь к пряжкам ремня безопасности. — Я не могу.

Однако, когда я пытаюсь отстегнуться, Тан говорит мне:

— Спасибо, что взял меня в мой первый полет — вот что прошептал мне Брэсли.

Мои глаза расширяются, и я смотрю на него, поскольку он так уверенно сидит на сиденье рядом со мной.

— Всё будет хорошо, Фэй. Погода ясная, этот самолёт практически новенький, и ты мне доверяешь, верно?

— Да, — говорю я ему, потому что это правда.

— Тогда сделай глубокий вдох и отпусти свои страхи.

Мои руки сжимаются в кулаки, и я ищу в себе силы послушаться его, ради моего сына.

Мои глаза крепко зажмурены, когда он начинает процесс. Всё, что я слышу, — это переключатели и оживающие моторы, когда он заводит мотор. Затем он кричит по внутренней связи:

— Ребята, вы готовы к взлёту?

Я слышу, как они отвечают, и, оглядываясь назад, вижу, что им не о чём беспокоиться в этом мире. Так почему же мне так страшно? Они болтают об этом, надёжно пристёгнутые ремнями к своим сиденьям.

Когда Тан связывается по радиации с диспетчерской вышкой, я хочу услышать, что они говорят, поэтому тянусь за наушниками и надеваю их на уши как раз в тот момент, когда они дают ему разрешение на взлёт.

— Готова? — спрашивает он меня, выводя самолёт на взлетно-посадочную полосу.

Я киваю и снова закрываю глаза, ощущая присутствие Бена рядом с нами. Он с нами сегодня — каждый день — и проведёт нас туда в целостности и сохранности.

Тан снова обращается к диспетчерской вышке, затем ко мне и говорит:

— Открой глаза, детка, наслаждайся этим.

Я смотрю на него, и он подмигивает, затем самолёт мчится по взлетно-посадочной полосе, разгоняясь с нуля до максимальной скорости за считанные секунды. Когда мы взлетаем, моё кровяное давление зашкаливает. Мои руки вцепляются в сиденье, и я закрываю глаза, напуганная до смерти.

У меня закладывает уши, но взлёт очень плавный. Глядя на Тана, я вижу, что он держит управление в своих талантливых руках, и знание того, насколько он опытен, успокаивает меня.

Я смотрю на достопримечательности вокруг нас, моя мёртвая хватка на сиденье наконец ослабевает, и, к моему удивлению, мой желудок успокаивается, наблюдая, как земля становится всё меньше и меньше, чем выше мы поднимаемся. Шум мальчиков на заднем плане звучит для моих ушей как музыка, и я сосредотачиваюсь на нём. Протянув руку, Тан проводит по моей щеке тыльной стороной ладони, я поддаюсь его прикосновению и благодарю не только Бога, но и Бена за то, что он дал мне этого удивительного мужчину и второй шанс на любовь.

Глава 29

Тан

— У нас есть своя комната?! — кричит Брэсли, когда мальчики подпрыгивают на своих кроватях.

— Ага, — говорю я им.

— Как ты всё это спланировал? — спрашивает меня Фэй, когда я закидываю руку ей на плечо, и мы вместе любуемся достопримечательностями Диснейленда.

— Это было легко. Занимаясь своей работой, я попросил о нескольких одолжениях.

— Спасибо тебе за это, — говорит она мне, и я наклоняюсь, чтобы поцеловать её, но мальчики врываются в нашу комнату, разрушая момент.

— Там фейерверк! — кричат они, и мы все замечаем удивительное зрелище, освещающее ночное небо. Мы провели день в главном тематическом парке Диснейленда, делая всё, что могли, за исключением того, что не остались на вечернее шоу фейерверков.

— Ух ты! — восхищается Джек и наклоняется ко мне. Я крепко прижимаюсь к нему, благодарный за то, что мы все здесь вместе.

Затем раздаётся стук в нашу дверь, и я иду открывать. Доставка еды и напитков в номер, которую мы заказали на ужин, уже здесь. Служащий вкатывает две тележки с едой, которые мы заказали, и я благодарю его, вручая чаевые из своего кошелька. Дети срывают крышки с блюд и начинают есть картошку фри.

— Мальчики, вы уже выбрали фильм? — спрашивает их Фэй.

— Ага!

Они убегают в свою комнату, и я везу тележку за ними. Как только они устраиваются поудобнее в своих постелях и начинают есть, я возвращаюсь в нашу комнату и нахожу Фэй, ожидающую меня с бокалом вина.

— Держи, — она протягивает мне стакан, и я беру её за подбородок большим и указательным пальцами. Прижимаясь губами к её губам, она растворяется во мне, нежно целуя меня, держа свой бокал с вином так осторожно, что в любой момент он может упасть на пол.

— Я хочу тебя, — говорю я ей.

— Я тебя тоже.

Но у неё урчит в животе, и я знаю, что нам нужно поесть. К тому же, мальчики скоро выйдут, и тогда мы проведём время вместе.

— Давай поедим. — Я отодвигаю для неё стул, и она садится за стол перед окном нашей комнаты.

Когда я начинаю есть свой стейк, она наблюдает за мной, ещё не притрагиваясь к еде, и я спрашиваю её:

— Что?

— Ничего, я просто восхищаюсь тобой. Вот и всё.

— А сейчас ты? — спрашиваю я её и одариваю сексуальной улыбкой. Она ухмыляется мне в ответ и подносит ко рту вилку с макаронами. Я никогда не видел, чтобы кто-то так сексуально ел еду.

— Так и есть. Я не знаю, как мне так повезло.

— О, я мог бы сказать то же самое. — И я мог бы. Фэй, безусловно, самая удивительная женщина, которую я когда-либо встречал. Её сила и жизнестойкость — это нечто совсем

другое. Что-то, чего я хотел бы иметь. Я уже говорил это раньше и скажу ещё раз: если бы мне когда-нибудь пришлось пережить хотя бы половину того, через что прошла она, я бы не смог продолжать. По крайней мере, не так, как это делает Фэй. Она потрясающая мать, всегда ставящая Брэкли на первое место.

— О чём ты думаешь? — спрашивает она, и я ловлю себя на том, что теперь не ем, сосредоточившись только на ней.

— Ничего. Тебе было весело сегодня?

— Я здорово повеселилась, но не думаю, что мне было так же весело, как мальчикам.

— О, да, им это понравилось

— Ты это слышишь? — спрашивает она, и я прислушиваюсь к шуму. Всё, что я слышу, — это телевизор из соседней комнаты, затем мои уши напрягаются, и мне кажется, я слышу храп.

— Они уже заснули?

Мы оба встаём из-за стола и заглядываем в их комнату. Конечно же, маленькие ребята выбились из сил. Брэкли храпит, сидя, а на тарелке всё ещё лежит половина куриных стрипсов. Фэй берет его тарелку, ставит её на тележку, прежде чем накрыть его одеялом, и я делаю то же самое для Джека. Она целует каждого из них на ночь, а я стою ошеломлённый, моё сердце согревается её любовью к моему сыну.

Пока я выключаю телевизор, она вкатывает тележку с недоеденной едой обратно в нашу комнату. Обхватив её руками, я держусь за её бедра и прижимаюсь к её попке.

Она бросает на меня взгляд через плечо, и я удивлённо поднимаю брови. Она прикусывает нижнюю губу, и я перекидываю её через плечо, неся в нашу спальню. Она тихо хихикает у меня за спиной, и я запираю дверь на задвижку. Оглядев комнату, я вижу, что кровать такая манящая; я уже могу представить себе обнажённую Фэй на ней.

Опустив ноги на пол, она хватается подол своей рубашки и стягивает её через голову. Мои руки обхватывают её сиськи, вытаскивая их из-под лифчика, и она вздрагивает, когда я щиплю её за соски. Ощущение того, что я вот так прижимаюсь к ней, заставляет меня хотеть её ещё больше.

Она заводит руку себе за спину и расстёгивает бюстгальтер. Я отпускаю её, и она медленно опускает его вниз по рукам.

Затем, внезапно, она падает на колени. Вид того, как она вот так стоит передо мной на коленях, так возбуждает меня.

— Можно я тебе отсосу? — спрашивает она, расстёгивая мои джинсы.

— Да, черт возьми! — в нетерпении я подталкиваю её.

Затем она позволяет моим штанам упасть на пол и вынимает мой член, поглаживая меня от основания до кончика. Тепло разливается по моим яйцам с каждым движением её руки. Мои глаза прикованы к её губам, я хочу, чтобы она обхватила их своими. Она облизывает их, и я подталкиваю её вперёд, отвлекаясь на её сиськи. Боже, они совершенны. Пухленькие, с твёрдыми розовыми сосками. Я мог бы трахнуть их, и когда я представляю, как мой член прижимается к её ложбинке, она вырывает меня из моих эротических грёз наяву, полностью беря мой член в рот.

— О, чёрт, детка, — говорю я ей, и она отпускает мой член, держась за свои сиськи, по одной в каждой руке. Она яростно раскачивается на мне вверх-вниз; её полные губы широко растягиваются, когда она берет почти всего меня в рот, играя со своими сосками. Наклонившись, я беру её за затылок. Прижимаю её ещё ниже к себе, когда толкаюсь в неё.

Обхватив меня губами, натягивая кожу на моем члене с каждым движением, она водит языком по его концу, и внутри меня зарождается бурный оргазм. Готовый освободиться, я собираюсь вырваться из её рта, но она хватается меня за задницу и прижимает к себе. Я теряю контроль, всё моё тело напрягается. Я отпускаю её голову, давая ей полную свободу действий делать то, что она хочет.

Моя сперма покрывает заднюю стенку её горла, и она стонет, проглатывая каждый миллилитр, который я ей даю.

Как только я заканчиваю, я жду, когда она остановится, но она этого не делает. Наконец, я отрываюсь от её рта и рывком поднимаю её на ноги.

— Снимай штаны, — приказываю я ей, и она снимает их двумя быстрыми рывками. Подхватив её под мышки, я бросаю её обратно на кровать. Она приземляется так, что её задница просто свисает с края. Взяв её за лодыжки, я подтягиваю её ноги к себе спереди и проталкиваю свой член внутрь неё.

Её тугая, влажная киска поглощает меня целиком. А потом я широко раздвинул её. Она приподнимается и наблюдает, как я трахаю её, а я сжимаю её лодыжки.

— Тебе нравится смотреть, как я трахаю твою киску?

— М-м-м, — хнычет она, вцепившись в одеяло.

— Потрогай себя, — говорю я ей, и её глаза расширяются. Чёрт, я хочу увидеть, как она трёт свою собственную киску.

— Вот так, — говорю я и беру её правую руку, двигая ею взад и вперёд по её клитору, стимулируя её.

— О Боже! — вскрикивает она, и я раздвигаю её ноги, сильно врезаясь в неё. С каждым толчком я издаю стон. Мои глаза сканируют всё её тело, впитывая то, как её сиськи подпрыгивают от того, как я сверлю её, до того, как её собственная рука доставляет ей удовольствие.

Её звуки становятся всё громче и громче, и я знаю, что она близко. Затем её тело выгибается дугой на кровати, и она пытается сомкнуть ноги, энергично растирая себя.

Я удерживаю её на месте, наслаждаясь тем, что мы вместе — такие сильные — неудержимый ураган удовольствия.

Мои яйца снова расслабляются, и я погружаюсь глубоко в неё, замирая. Способный кончить только от того, что мышцы её киски сжимаются всё туже и расслабленнее вокруг моего члена.

Когда я вот так с Фэй, удовольствие не похоже ни на что, что я когда-либо испытывал раньше, и когда она лежит под моим контролем, потная и тяжело дышащая, я знаю, что влюбляюсь в неё — нет, я уже влюбился в неё.

Глава 30

Фэй

Напиши мне, когда проснёшься. Я взяла мальчиков на прогулку. Целую, Фэй.

Я оставляю записку на прикроватной тумбочке Тана, а затем мы с мальчиками крадёмся из гостиничного номера, оставляя Тана мирно спящим.

— Куда мы направляемся? — спрашивает меня Джек.

— Куда ты хочешь пойти?

— Я хочу есть, — говорит Брэкли, когда мы вместе идём по коридору.

— Тогда сначала мы поедим. — Им обоим, похоже, не терпится выбраться наружу и исследовать окрестности.

Как только мы оказываемся в лифте, я говорю мальчикам:

— Есть ещё одна причина, по которой я хотела, чтобы вы, ребята, пошли со мной этим утром.

— Что за причина? — спрашивает Джек.

— Как ты думаешь, что было бы хорошим подарком для Тана?

— Мы могли бы подарить ему набор Lego, — говорит Джек.

— Или новую мягкую игрушку, — добавляет Брэкли.

— Подарки не для вас, ребята, а для него. Он сказал кому-нибудь из вас что-нибудь, что ему бы хотелось?

Оба качают головами, и двери лифта открываются, позволяя нам войти в вестибюль отеля. В нос мне сразу же ударяет аромат кофе. Мы встаём в очередь в кафе, и я спрашиваю их:

— Что хотите? — А они пялятся на витрину с выпечкой.

— Я хочу пончик с Микки, — говорит Джек.

— И я!

Я заказываю свой обычный кофе, а мальчики по пончику с молоком. Я подумываю о том, чтобы принести Тану его латте, но отказываюсь, так как понятия не имею, куда мы направляемся и когда вернёмся в номер.

Девушка вручает мальчикам пончики и молоко, и я говорю им:

— Выбирайте столик, за который хотите сесть. — И они убегают, усаживаясь у огромного окна, выходящего на улицу. Мне нравится, насколько они близки; они действительно как братья. Я надеюсь, что если мы с Таном когда-нибудь расстанемся, мальчики смогут остаться друзьями. Мне бы не хотелось разлучать их. Я знаю, когда мы с Таном расстались раньше, после того, как впервые встретились, Брэкли было тяжело, и я уверена, что Джек чувствовал то же самое.

После того, как я добавляю сливки и сахар в свой кофе, я сажусь рядом с ними, и у обоих маленькие личики измазаны шоколадом.

— Вам нравится ваш завтрак?

— Угу, — говорит Джек.

— Эй, мам, что этот парень делает снаружи? — спрашивает меня Брэкли.

И я заглядываю через его плечо на пожилого джентльмена, который устанавливает что-то вроде тележки возле отеля. Мы наблюдаем за ним несколько мгновений, как он раскрывает огромный красный зонт, а затем показывает множество фотографий.

— Я думаю, он карикатурист.

— Что это? — спросил Брэкли.

— Он рисует людей и заставляет их выглядеть забавно.

— Это то, что мы должны подарить папе, — говорит Джек.

— Ты думаешь, ему бы это понравилось?

— Угу, особенно если это его рассмешит. До тебя он никогда особо не смеялся.

— Что ж, тогда мы должны это сделать, — говорю я ему и не могу представить, что Тан был бы недоволен, но, думаю, до того, как мы с ним встретились, он был в таком же мрачном положении, как и я. Отец-одиночка, переживающий развод, один.

— Итак, как ты думаешь? — спрашиваю Джека, и он говорит: — Да!

Как только они заканчивают есть, я понимаю, что это правильный подарок для него, потому что вчера не было ни одной вещи, которую он хотел или которой, казалось, интересовался. Джек и Брэксли вскакивают со своих стульев.

— Выбросьте своё молоко, — говорю я им, и они слушаются, затем я выхожу за ними из отеля. Они подбегают к мужчине, и я не сильно отстаю от них.

— Доброе утро, мэм, — говорит художник, пока мальчики рассматривают другие его рисунки.

— Привет, — здороваюсь я.

— Вы нарисовали всё это сами? — спрашивает Брэксли. — Они такие классные.

— Да, все рисунки я нарисовал. Хочешь, я нарисую тебя с братом?

Они отчаянно кивают, даже не замечая, что мужчина назвал их братьями. Я хихикаю, когда они усаживаются вместе, по сути, на один стул, и мужчина смотрит на меня, ища поддержки.

— Вы присоединитесь к ним?

Я качаю головой, но мальчики подзывают меня к себе.

— Давай, мам! — кричит Брэксли, и мужчина говорит: — Да, давай, мам.

Я улыбаюсь, присаживаясь на другой стул, мы втискиваемся втроём, и я надеюсь, что Тану понравится этот подарок. Я действительно хочу сделать для него что-нибудь приятное после того, как он был так щедр. Доставил нас сюда, заплатил за всё и ни капельки не жаловался.

Когда я сижу с мальчиками, я могу только представить, как глупо это будет выглядеть. Но... в конце концов, в этом-то всё и дело, верно? Находясь здесь, в этом месте, я словно снова становлюсь ребёнком, и если Тан и показал мне что-то, так это как быть самим собой.

* * *

— Папе это понравится! — говорит Джек, когда мы возвращаемся по коридору в гостиничный номер, глядя на рисунок в рамке, где он, Брэксли и я.

— Это действительно получилось довольно круто.

Я проверяю свой телефон и не вижу никаких сообщений от Тана. Должно быть, он всё ещё спит.

— Готовы удивить его? — спрашиваю я и вставляю ключ в замок. Он загорается зелёным, и когда я поворачиваю ручку, мы тихо идём в спальню, где находим Тана всё ещё спящим. В комнате темно, и мальчики кричат:

— Проснись!

Он выпрямляется, потом откидывается назад, когда видит нас, и я раздвигаю занавески.

— Неужели уже утро? — спрашивает он, натягивая одеяло на лицо. Джек и Брэксли, скидывают обувь и забираются в постель к Тану. Они похожи на двух маленьких обезьянок. Джек чуть не бьёт Тана по лицу огромным рисунком, и я беру его в руку, помогая ему удержаться, и говорю:

— Пора просыпаться, соня.

Тан слышит мой голос и пристально смотрит на меня. Я поставила его латге, который захватила на обратном пути, на прикроватный столик. Но этого недостаточно, он снова зарывается под одеяло, и мальчики раскачиваются взад-вперед на кровати, пытаюсь разбудить его.

— У нас для тебя подарок! — говорит Джек своим милым голосом, и это привлекает

внимание Тана. Его усталые глаза моргают несколько раз, а затем он смотрит на картинку перед собой, которую я держу в руках

— Это он? — спрашивает он, и они вместе кивают.

— Ух ты! Я люблю такое. А теперь дай-ка я угадаю. Это ты, Брэксли? — И он указывает мне на листок бумаги. Я сажусь на кровать рядом с Таном, и он обнимает меня одной рукой. Брэксли говорит ему: — Нет, это мама!

— Теперь я вижу это; это мама. Разве она не прелестна? — Они соглашаются, и я наблюдаю, как Тан смотрит на изображение, улыбка на его лице ясна — это был идеальный подарок — ему это нравится.

Глава 31

Тан

— Ладно, это наш последний день в Диснейленде. Ребята, чем сегодня займёмся? — спрашиваю я мальчиков, когда они вместе играют в игру на моем телефоне, пока мы едем на трамвае ко входу в парк.

— Мы должны прокатиться на «Истории игрушек»! — говорит Джек.

— Да, раз десять, — соглашается Брэксли.

— Хорошо, что ещё?

— Полетаем! — кричат они вместе, и я бросаю взгляд на Фэй, задаваясь вопросом, сможем ли мы привлечь её к этому сегодня.

— Ни за что, — говорит она. — Мне будет плохо, я не могу кататься на аттракционах.

— Пожалуйста, мамочка, — умоляет её Брэксли, и я выпячиваю нижнюю губу и говорю то же самое: — Да, пожалуйста, мамочка.

Она закатывает глаза и хлопает меня по руке.

— Ребята, вы это видели? Она ударила меня, — восклицаю я, и мальчики начинают щекотать Фэй.

— Стойте! — кричит она, но они не сдаются.

— Скажи, что пойдёшь кататься с нами.

Она смеётся так громко, что другие люди вокруг нас плятятся на неё, но нам всё равно. Мы пришли сюда повеселиться, и это то, что мы делаем.

— Ладно! Ладно! Я пойду.

— Ура! — Мальчики дают друг другу пять, и я подмигиваю Фэй, когда она потирает бок, где они её только что щекотали.

— Тебе нравятся мои телохранители? — спрашиваю её, и она показывает мне язык.

Трамвай подходит к остановке, и мы выходим. Направляясь ко входу в парк, я прижимаюсь носом к шее Фэй, нежно целую её.

— Мы в Диснейленде, мама, — говорит Джек, и я оглядываюсь, чтобы увидеть, как он разговаривает по моему телефону.

Блядство!

Должно быть, Чар позвонила ему, и он ответил сам.

— Вот, она хочет с тобой поговорить. — Он передаёт мне телефон, и я нажимаю кнопку отключения звука.

— Идите. Я догоню, — говорю я им. Фэй берет их обоих за руки, зная, что если я прошу их уйти, значит, что-то не так. И в ту секунду, когда я подношу телефон к уху, я слышу, как

Чар кричит:

— Тан! Тан!

— Да, в чём дело? Я здесь.

— Ради всего святого, вы действительно в Диснейленде?

— Да, а что?

— Вот почему ты игнорировал мои сообщения. Ты не можешь вывезти его из штата без моего согласия! О чём ты только думаешь?

— Не надо относиться ко мне покровительственно, Чар. Судья назначил мне первичную опеку не просто так. Он в безопасности и прекрасно проводит время.

— Это не имеет значения. Это часть соглашения об опеке. Ты должен был сказать мне.

— На самом деле это даже не приходило мне в голову.

— Но солгать и сказать, что у него была вечеринка по случаю дня рождения, это нормально?

— Я знал, что ты скажешь «нет», если узнаешь, что мы едем с Фэй и её сыном!

— Чертовски верно, я бы так и сделала. Я даже не знаю её, а ты заставляешь её присматривать за моим сыном. Я могла бы прямо сейчас позвонить в полицию и сказать, что вы его похитили.

— Чёрт возьми, Шарлин! Успокойся! — Я провожу рукой по волосам, расхаживая взад-вперед. — У тебя нет причин даже думать об этом. Со мной он в безопасности, и сегодня вечером мы будем дома.

— Я хочу увидеть его, как только вы вернётесь домой.

— Ни за что, будет поздно, к тому же завтра ему в школу. Почему бы тебе просто не пройтись по магазинам или ещё куда-нибудь? Я только что оплатил твою карту Апех, так что веди себя хорошо, это поможет тебе почувствовать себя лучше и забыть обо всём этом!

— Чёрт возьми, Тан! Почему ты так говоришь? Разве ты не видишь, что я пытаюсь?

— Потому что это правда. Разве ты не понимаешь этого? Ты предпочла шопинг нам с Джеком; ты была ужасной женой, так почему бы тебе не заняться этим сейчас?

— Пошёл ты! Я звоню в полицию!

— Прости, прости, ты права, я должен был тебе сказать. — Я поджимаю хвост, не желая этого, но зная, что это в интересах моего сына.

— Да, ты должен был, — кричит она.

— Я знаю, мне ещё раз жаль. Я попрошу его позвонить тебе, как только мы приземлимся.

Мы заканчиваем разговор, и я смотрю на небо, удивляясь, как мне так не повезло с матерью Джека. Если бы только Фэй могла быть его мамой, всё было бы намного проще. Но я знаю, что если бы это было так, он не был бы Джеком, он был бы кем-то другим, и как бы сильно я ни презирал Чар, я бы никогда ничего не изменил в Джеке.

Засовывая телефон в карман, я замечаю Фэй и мальчиков, ожидающих меня у входа в парк.

Я подхожу к ним, и Фэй говорит:

— Джек не сможет войти без твоих документов.

— Чёрт, извини, я забыл.

— С мамой всё в порядке?

— Да, приятель, она в порядке. Она просто строила планы на эти выходные с тобой.

Как только мы оказываемся в парке, мальчики встают в очередь, чтобы прокатиться, а

мы с Фэй ждём их снаружи.

— Что случилось? — спрашивает она меня.

— Я... я сказал ей, что мы поедem сюда.

— Почему нет?

— Потому что я знал, что она взбесится, точно так же, как она это сделала.

Затем я рассказываю ей обо всём нашем разговоре, и она говорит мне:

— Я понимаю, Тан, но ты должен держать её в курсе, особенно в таких вещах. Несмотря на то какая она задница.

— Но она бы сказала «нет»!

— Может быть, она бы это сделала, а может быть, и нет? Но если ты не спрашиваешь, откуда ты знаешь? Что, если бы она вывезла его за пределы штата, как бы ты себя почувствовал?

— Я бы, блядь, убил её.

— Вот именно. Я здесь на твоей стороне, детка, правда, но...ты должен держать её в курсе, когда дело касается его.

Я пинаю случайный камень, и Фэй заключает меня в объятия. Обхватив её руками, я прижимаю её к себе, благодарный за то, что я здесь с ней и что она на моей стороне. За вычетом Джека, она действительно всё, что мне нужно. Но она права; мне действительно нужно держать Чар в курсе событий, даже если я этого не хочу, это правильный поступок.

Глава 32

Фэй

— О боже мой, — ухмыляется Тан, глядя на мою фотографию на Космической горе, сделанную в первый день. Мы только что собрали все наши фотографии, и я не думаю, что это так уж плохо, не так ли?

— Ты выглядишь застывшей!

— О, так и было, — говорю я ему и слышу, как мальчики борются в своей комнате.

— Ну, несмотря ни на что, ты всё равно прекрасна.

— О, спасибо.

— Что? Это правда, — говорит он и целует меня в щеку. Я смотрю на часы и понимаю, что нам нужно уходить, хотя мне этого и не хочется.

— Мальчики, вы готовы? — зову я, и Тан говорит мне:

— Не хочу уезжать отсюда.

— Я знаю, я тоже не хочу, но мы должны.

— Так прекрасно быть здесь, вместе в одной комнате на одной кровати.

И это было потрясающе. Мне так понравилось проводить здесь время, и я всегда буду дорожить этим. Как бы я ни нервничал, приезжая сюда, учитывая, что это было в списке желаний Бена, это, похоже, не имело значения. Мы совершили это путешествие сами, только вчетвером, и в глубине души я знаю, что Бен присматривал за мной и гордится каждым моим шагом на пути к исцелению. Оглядываясь назад, я понимаю, что эти шаги были бы невозможны без Тана. Он такой терпеливый и любящий и показал мне, что это нормально — быть собой, снова любить в своё время. И это именно то, что происходит; я влюбляюсь в Тана, и в Джека тоже. И это невозможно остановить, я иду по пути с односторонним движением, смотрю вперёд и надеюсь никогда не возвращаться к своим тёмным,

болезненным дням.

* * *

— Давай просто останемся у тебя дома, — говорю я Тану, когда мы выезжаем из аэропорта Сиэтла. Это ближе всего, и мальчики в отключке.

К счастью, полёт снова прошёл гладко, на этот раз моё прежнее беспокойство исчезло. Тан был прав, всё, что мне было нужно, — это летать под управлением способного пилота, и это именно то, на что Тан... очень способен.

— Ты уверена? — спрашивает он.

— Да, у Брэксли есть одежда для школы, и я бы не отказалась хорошенько выспаться в твоей постели.

— Тебе следует купить новую кровать, — говорит он мне, и я знаю, что должна это сделать. Я должна многое сделать, но некоторые вещи, с которыми мне придётся столкнуться в будущем, пугают и будут раздвигать мои границы, а прямо сейчас я нахожусь в таком хорошем положении, что не хочу, чтобы это случилось. Я не хочу возвращаться; я хочу отпустить прошлое и сосредоточиться только на будущем, моем будущем с Таном.

— Однажды я справлюсь со всем, что мне ещё нужно.

— А до тех пор ты не могла бы просто переехать ко мне? Ты должна признать, что наше время было идеальным, начиная с мальчиков и заканчивая нами, мы все созданы для того, чтобы быть вместе. Так почему бы нам не перестать возить их с собой и не жить вместе?

Я думаю о его предложении и знаю, что он прав. Я знаю, что не могу позволить им переехать в мой дом, это было бы неправильно.

— Значит, всё решено? — спрашиваю я.

— Абсолютно, значит, всё решено!

И я думаю, что так оно и есть. Подъезжая к его дому, мы оба оглядываемся на мальчиков. Они спят, чего и следовало ожидать — мы действительно пробыли в Калифорнии дольше, чем планировали. Но трудно уйти, когда у тебя лучшее время в жизни.

Я отстёгиваю Брэксли, а Тан берёт на руки Джека, затем мы направляемся в его дом и кладем их на кровать Джека. Ни один из них не шевелит ни единым мускулом, когда я прикрываю их, и мы закрываем дверь в комнату Джека.

— Они такие милые, — говорю я Тану, и прежде чем он успевает ответить, мы оба вздрагиваем, увидев тень на противоположной стороне его дома. Он включает свет, чтобы увидеть Чарлин, сидящую на его диване.

— Какого хрена ты делаешь здесь в темноте, сумасшедшая?! — сердито спрашивает он её, и она смотрит на то, как он, защищая, держит меня за спиной.

— Ты знаешь, я была в нескольких минутах от того, чтобы вызвать полицию, Тан. Сейчас, чёрт возьми, час ночи.

— И я в нескольких секундах от того, чтобы вызвать полицию. Ты не можешь войти сюда в таком виде. Я тебе это уже говорил.

Я вижу отчаяние в её глазах. Она боится за безопасность своего сына, и я это понимаю. Теперь, когда они с Таном расстались и она отказалась от своей зависимости от покупок, Джек — это всё, что у неё есть.

— Ты обещал мне позвонить, когда приземлишься. Я звоню тебе уже несколько часов, а твой телефон выключен. А чего ты ожидал?

— Не того, что ты будешь в моём доме, — раздражённо говорит Тан, и я не хочу, чтобы

они ссорились. Я хочу помочь уладить отношения между ними двумя.

— Просто успокойтесь, — говорю я им обоим и подхожу к Чар, на лице которой написано отвращение.

— Не говори мне успокоиться, — хмыкает она.

— Я не пытаюсь создавать проблемы, — говорю я ей.

— Но это так. Ты проводишь с моим сыном больше времени, чем я, а я тебя даже не знаю.

— Тогда узнай меня получше. Меня зовут Фэй. Приятно снова тебя видеть, — говорю я ей и протягиваю руку в дружеском жесте. Она смотрит на это так, словно я подхватила чуму, но я не колеблюсь, я жду, когда она пожмёт её. Я знаю, что это будет нелегко, но мы с Таном надолго связаны, и отчасти это означает знакомство с его бывшей.

И наконец, к моему удивлению, она нежно берет мою руку в свои, а в её голубых глазах блестят слезы.

— Приятно с вами познакомиться, — заикается она.

Тан молчит, и я спрашиваю её:

— Не хочешь ли выпить бокал вина и поговорить?

— Нет, я должна идти, мне просто нужно было убедиться, что с моим сыном всё в порядке.

— Я думаю, тебе следует остаться.

Я слышу как на кухне Тан достаёт вино, и велю ей сесть на диван. Она кладёт руки на колени и спрашивает меня:

— Почему ты так добра ко мне?

— Потому что я знаю, как много этот маленький мальчик значит для тебя.

— Он для меня всё, — говорит она, и Тан протягивает каждому из нас по бокалу вина. Я опускаю свой, следя за тем, чтобы оставаться ясной и уравновешенной. Она делает глоток, слезы в её глазах медленно рассеиваются.

— Я знаю — он потрясающий.

Тан сидит в кресле напротив нас, закинув ноги на кофейный столик и потягивая пиво. Я бросаю на него быстрый взгляд, и он отвечает на мой жест подмигиванием.

— Мне жаль, что мы опоздали, это моя вина.

— Нет, не стоит. Я просто нервничала, вот и всё.

Она уже потеплела ко мне, её дыхание замедляется, и я могу сказать, просто сидя здесь, что с ней все будет в порядке.

— Чар, я хочу, чтобы ты знала, я здесь не для того, чтобы занять твоё место. Джек так сильно любит тебя, и ничто никогда этого не изменит. Но раз мы с Таном вместе, это означает, что нам троим нужно научиться слаженно работать вместе. Тан? — Я окликаю его, а он выглядит так, словно находится в трансе. — Это значит, что ты должен держать Чар в курсе, когда дело касается Джека.

— Я буду стараться, но, Чар, я всё ещё беспокоюсь, что ты собираешься вернуться к своим старым привычкам.

— Может, ты перестанешь так говорить и, пожалуйста, просто дашь мне шанс? На этот раз всё по-другому, наш маленький мальчик пострадал из-за того, что я была так поглощена глупой привычкой ходить по магазинам. Я не вернусь в это место, несмотря ни на что, я обещаю тебе.

Когда я наблюдаю, как они разговаривают, я не думаю, что они понимают, как им

повезло, что у них есть друг на друга возможность опереться ради Джека. У меня больше нет Бена. Если бы я это сделала, даже если бы мы развелись, я бы сделала всё, что в моих силах, чтобы уважать его. Потеря его заставила меня совершенно по-другому взглянуть на многие вещи.

— Хорошо, — соглашается он с ней, и я надеюсь, что он даст ей шанс. Я не знаю Чар, но одно я знаю точно: материнская любовь сильна, и когда существование твоего ребёнка оказывается под угрозой, всё меняется. Это случилось со мной, когда я потеряла Бена. Я так боялась, что не сумею вырастить Брэсли или даже потеряю и его тоже. Это заставило меня стать одержимым, но я быстро понял, что это нездоровый и не очень хороший образ жизни. Я лучше, чем кто-либо другой, знаю, что каждый день не гарантирован, всё, что у нас есть, — это каждое мгновение, каждый вздох, и сейчас я дорожу своей жизнью больше, чем когда-либо.

Глава 33

Тан

— Господи Иисусе, ты потрясающая, — говорю я Фэй, вводя свой член в её киску и вынимая его.

Она стонет в ответ, так сексуально. Её тело растянуто вдоль моей кровати, и я надеюсь, что отныне она будет со мной каждую ночь.

Мы занимаемся этим, как мне кажется, уже несколько часов. Уже третий час ночи, и пот стекает с моего тела, но я не могу остановиться. Мне всё нравится в этой женщине. Затем с моих губ срываются слова:

— Я люблю тебя! — и в ту секунду, когда я говорю ей об этом, она отвечает дрожащим вздохом, её тело расслабляется одновременно с тем, как она отвечает: — Я люблю тебя.

Услышав эти три коротких слова, слетающих с её губ, я испытываю дикое возбуждение, и я поднимаю её напряжённое тело на руки, держа её за задницу, пока трахаю её, вызывая у неё ещё один оргазм.

Я не думаю, что смогу кончить снова, но когда она одной рукой щиплет себя за сиськи, глядя на меня снизу вверх, а другой трёт свою киску, как будто я показал ей, что мне это нравится, моё тело сокращается, и я громко стону, кончая в неё.

Когда наши тела успокаиваются, я опускаю её и падаю на бок. Мой член всё ещё твёрд; это то, что она делает со мной — я действительно мог бы кончать, снова и снова, всю ночь напролёт.

Положив мою голову себе на плечо, она обнимает меня, проводя пальцами по моим взмокшим волосам.

— У тебя все в порядке? — шепчу я, беспокоясь, что произнесла эти слова слишком рано, но её ответ говорит мне, что это бессмысленное беспокойство.

— Мне никогда не было лучше, Тан.

— Хорошо, мне тоже.

Когда я лежу рядом с ней, она всё ещё проводит рукой по моим волосам. Мои веки тяжелеют, моё тело измотано от такого количества траха, и я закрываю глаза, сон быстро овладевает мной.

Просыпаюсь, а в окно моей спальни светит солнце. Я тянусь к лежащей рядом со мной Фэй, но её нет в постели. Протирая глаза, я слышу смех мальчиков в соседней комнате, так что я знаю, что она не спит с ними.

Сейчас чуть больше восьми утра, и я мог бы привыкнуть просыпаться таким образом каждый день. Когда я заставляю себя встать с постели, мои мысли возвращаются ко вчерашнему вечеру. Я думаю о том, какой удивительной была Фэй с Чар. Она была такой милой и заботливой и уладила то, что в конечном счёте привело бы к огромному скандалу.

Смех из соседней комнаты — это слишком, чтобы с ним справиться. Я должен посмотреть, что происходит. Встав с кровати, я натягиваю футболку и, завернув за угол, вижу Фэй, прижимающую к лицу огромный блин.

У неё шоколадные глаза и рот с шоколадной крошкой, и она притворяется, что говорит, как блин. Мальчики смеются так сильно, что их маленькие ручки прикрывают животы, когда они встают коленями на табуретки у барной стойки для завтрака.

Фэй опускает блинчик, и сразу же её глаза встречаются с моими. Её лицо краснеет, и я отталкиваюсь от стены, на которую опираюсь, направляясь прямо на кухню.

— Сделай это ещё раз! — кричит Джек, а она говорит:

— Я не могу — мне нужно приготовить блинчики для всей семьи.

— Пожалуйста, — умоляет Брэксли, и я обнимаю, а затем целую обоих мальчиков в макушки.

— Доброе утро, детка, — говорю я Фэй и целую её в покрасневшие щеки, пока она сосредоточенно готовит.

Она улыбается, и я подношу блин к лицу, смотрю на неё, потом на мальчиков и снова говорю ей:

— Мистер Панкейкфейс пожелал доброго утра.

Я оглядываю еду, и она тянется ко мне губами. Затем я облакачиваюсь на столешницу лицом к мальчикам. Они хлопают, когда я готовлюсь показать им свою лучшую реконструкцию лица блинчика.

Глава 34

Фэй

Ты можешь это сделать, Фэй. Ты можешь это сделать.

Повторяю я про себя, стоя у своего шкафа и разглядывая всю одежду Бена.

Тревога подкатывает к горлу, и я чувствую, как близка к тому, чтобы потерять уверенность. Взглянув на Тана, когда он держит пустую коробку, я говорю ему:

— Я не могу этого сделать.

— Ты можешь, детка.

Его глаза такие ободряющие, что я с трудом сдерживаю слезы. Рукой, я медленно тянусь к одной из футболок Бена, она дрожит, боясь прикоснуться к материалу, и я закрываю глаза, видение Бена в жёлтой футболке затуманивает мои мысли.

— Я... я не могу, — заикаюсь я и опускаю руку, но Тан поднимает её обратно.

— Ты можешь это сделать.

Пока его рука направляет мою, я хватаю ткань кончиками пальцев и тяну её вниз. Затем я бросаю её в коробку, протягиваю руку, беру ещё одну рубашку и ещё раз, лихорадочно стягивая их все вниз. Я просто хочу покончить с этим. Мне необходимо.

Эта одежда не олицетворяет Бена. Его воспоминания и время, которое мы провели вместе, — вот кем он был. Каждая рубашка, которую я скидываю, освобождает меня. Моё дыхание прерывистое, вешалки разлетаются, и когда я беру последнюю рубашку, я аккуратно кладу её на стопку, высыпаящуюся из коробки, которую держит Тан. Когда он смотрит на меня, в его глазах стоят слезы.

— Ты такая чертовски сильная.

Я не чувствую себя сильной, я чувствую себя слабой. Я чувствую, что поторопилась пройти через это, чтобы покончить с этим, избавиться себя от боли от необходимости вспоминать. Но я знаю, что, как бы я ни поступила, это должно было быть сделано. Для того чтобы я могла двигаться дальше и придерживаться позитивного пути в своём будущем, это то, что мне было нужно. Тан пятится из гардеробной и закрывает часть полок поверх одежды, вытирая глаза плечом. Мой желудок сжимается, когда я наблюдаю, как исчезает одежда Бена. Это последний раз, когда я вижу его вещи, и внезапно у меня кружится голова. Я бросаюсь в туалет, меня тошнит.

— Фэй? — кричит Тан и видит, что я стою на коленях и давлюсь. — С тобой всё в порядке?

— Я не могу избавиться от его вещей. — Я кладу голову на предплечье, и он говорит мне:

— Тогда мы сохраним это.

Я перевариваю его слова, и они, к счастью, рассеивают мои страхи.

— Нам не нужно ни от чего избавляться. Однажды они могут понадобиться Брэкли.

Я киваю и позволяю ему усадить меня к себе на колени. Его тепло и крепкие объятия так успокаивают.

— Мне жаль. Я думала, что готова к этому.

— Не извиняйся. Это тяжело — то, что ты делаешь. Если бы я потерял тебя, я бы не смог этого сделать.

Я кладу голову ему на грудь, вдыхаю его запах и закрываю глаза. Я тоже не могла представить, что потеряю Тана. Без него я была бы такой потерянной, разбитой вдребезги.

— Давай, пойдём перекусим, — предлагает он, и я тянусь к унитазу, чтобы спустить воду.

— Я не думаю, что смогу есть.

— Кофе? — спросил он.

— Кофе, — соглашаюсь я, и мы вместе уходим. Когда я оглядываюсь назад, в свою спальню, одинокая коробочка лежит на полу перед моей прикроватной тумбочкой, на том месте, где я храню своё ожерелье с нашими кольцами.

Осознание того, что мне не нужно избавляться от вещей Бена, заставляет меня чувствовать себя намного лучше. Мы выходим из моего дома, и Тан помогает мне сесть в свой внедорожник, а затем держит меня за руку, пока мы едем.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— Да.

— О чём ты думаешь?

— О будущем, о том, что мы будем жить вместе.

— Мне нравится это слышать, — говорит он, и я киваю, чувствуя себя так комфортно и успокоенно с того места, с которого мы начали. Когда я встретила Тана, не могла представить себе отношений или влюблённости. Теперь, находясь с ним, я не могу

представить, какой была бы моя жизнь без него, и я молю Бога, чтобы мне никогда не пришлось это узнать.

Глава 35

Фэй

Пока мальчики помогают мне распаковывать продукты, Тан возвращается после долгого дня полётов, всё ещё одетый в свою капитанскую форму, и я не думаю, что до сих пор замечала, насколько он сексуален в ней.

— Папа! — кричит Джек и обнимает его. Брэкли тоже обнимает его. Он по-прежнему называет его Тан, и я думаю, это нормально. Бен — его отец, и я всегда хочу, чтобы это осталось таким в его памяти. Но у Тана тоже есть что-то внутри, я вижу это по связи, которую они разделяют.

— Детка, — говорит он и целует меня в уголок рта.

— Как прошёл твой день? — спрашиваю я.

— Отлично. — Он лезет в холодильник и открывает банку пива, затем спрашивает: — Как прошёл день у моих мальчиков?

— Это было так весело, один из наших цыплят вылупился сегодня в классе.

— Вау, это потрясающе. Ребята, вы видели, как это произошло?

— Да, — говорит Брэкли, и его лицо озаряется, когда он вспоминает события, произошедшие ранее, и мне нравится наблюдать за моими парнями вместе.

— Как ты его назвал?

— Гарри!

— Что ж, это подходит.

Джек всё ещё помогает мне с покупками. Он такой хороший помощник, когда мне это нужно.

— Держи, приятель, — говорю я ему, передавая ещё несколько свежих овощей, чтобы он убрал их в холодильник.

Он кладёт их в ящик, а затем роется в другой сумке.

— Что это, Фэй? — спрашивает он меня, показывая тест на беременность, который я купила сегодня. Чёрт, как я могла забыть об этом? Должно быть, я беременна.

— О, это пустяки, — говорю я ему и бросаю его на крышку холодильника. Тан, будучи любопытным, заглядывает в верхнюю часть холодильника, а затем достаёт коробку.

— Да, что это? — спрашивает он меня, и я краснею, продолжая возиться с продуктами.

— Ничего такого, — говорю я ему.

— Не похоже на ничего, — говорит он, читая надпись на коробке и потягивая пиво. Я вырываю его у него из рук и снова бросаю на холодильник.

— Ты хочешь мне что-то сказать? — спрашивает он, притягивая меня к себе за бедра. Я стою перед ним, мальчики по обе стороны от него, и я качаю головой.

— Что это? — спрашивает Брэкли, и Тан отвечает:

— Это тест на беременность.

— Что он делает?

— Это может определить, беременна ты или нет.

— О, я хочу этим воспользоваться, — говорит Джек, и мы все смеёмся над ним.

— Нет, приятель, это не для мальчиков. Только девочки могут иметь детей.

— Но у девочки и мальчика рождается ребёнок.

Тан неловко сглатывает, и я понятия не имею, откуда он это знает.

— Так почему бы тебе не пройти тест, мамочка? — спрашивает меня Брэкли.

— О, я сделаю это позже.

— Нет, ты сделаешь сейчас! — Тан хватается его и разрывает коробку, протягивая мне тест.

— Ты уверен? — спрашиваю я, и он хладнокровно потягивает своё пиво, ожидая, пока я возьму тест из его рук.

Когда я уйду с ним в руке, направляясь в туалет дальше по коридору, я слышу, как разговаривают ребята. Это было совсем не так, как я себе представляла. Я думала, мы с Таном сначала поговорим об этом и пройдем тест вместе. И вот я здесь, одна, в пустой ванной.

— Ты уже закончила? — Брэкли барабанит в дверь.

И я чуть не выпрыгиваю из своей кожи, или, может быть, было бы лучше, если бы я просто выпрыгнула из окна.

— Секундочку, — кричу я и слышу, как они втроём смеются в коридоре.

Здрав платье, я стягиваю нижнее белье и снимаю колпачок теста. Но я не могу пописать. Конечно, я не могу.

— Уже всё?

— Нет! — Я реву, и тогда они начинают несколько раз стучать в дверь.

Я качаю головой, на моем лице сияет широчайшая улыбка, и, наконец, я мочусь, намачивая кончик палочки. Надевая колпачок обратно, я протираю и жду результатов, но мальчики не перестают стучать, поэтому я открываю дверь, и Тан спрашивает меня:

— Что там написано?

— Ещё не готово.

Он вырывает тест у меня из рук, и я застываю на месте.

Мальчики гонятся за ним, пытаюсь добраться до него, и он убегает в гостиную. Я слеую за ним, чертовски нервничая, зная, что в следующие несколько мгновений моя жизнь может измениться навсегда. Позитивно это или нет, но нам придется поговорить о создании семьи, и я уже говорила ему, что не думаю, что хочу ещё детей.

— Дайте мне посмотреть, дайте мне посмотреть! — кричат мальчики, и Тан говорит:

— Успокойтесь, давайте посмотрим на это все вместе.

Они сидят на диване так неподвижно, как только могут. Но я не могу сидеть, я просто расхаживаю взад-вперед в ожидании.

— Будьте терпеливы, — говорит Тан, пока их маленькие ножки раскачиваются взад-вперед. Брэкли сидит по одну сторону от него, а Джек — по другую. Все они смотрят — смотрят вниз — ожидая увидеть, будет ли в нашем будущем ещё один ребёнок. Ребёнок мой и Тана.

Ожидание кажется вечностью, и я ловлю себя на том, что грызу ноготь.

Затем на лице Тана появляется улыбка шире, чем когда-либо, и я делаю последний вдох.

Эпилог

Тан

— Мне здесь нравится, — говорит мне Фэй, выходя на огромный задний двор нашего

нового дома.

Мы переехали сюда около месяца назад, и было много работы по обустройству: с появлением нашего общего ребёнка, внезапной свадьбой и переездом нас пятером в один дом, но то, что теперь вся моя семья живёт в собственном доме, стоило того, чтобы подождать.

— Мне тоже нравится, — говорю я ей и переворачиваю мясо на гриле.

Она обнимает меня сзади, её руки обвиваются вокруг меня, когда она заключает меня в крепкие объятия. Я делаю глоток своего пива, и она берет его у меня из рук, делая глоток сама.

— О чёрт, ты сегодня пьёшь? — спрашиваю её, и она кивает, заглядывая внутрь на Бенджамина, нашего трёхмесячного сына, спокойно лежащего на импровизированном ложе на земле.

— Я сцедила молоко, так что он готов на ночь.

— Да, чёрт возьми! Значит ли это, что мне тоже повезёт? — шепчу ей на ухо, и она кивает. Я хватаю её за задницу, прижимая к себе. Господи Иисусе, я люблю эту женщину и всё, что в ней есть.

— Привет, малыш, — говорит Брэкли, играя со своим младшим братом и с нетерпением ожидая возвращения Джека домой. Мы с Чар оформили наш развод вскоре после того, как вернулись из Диснейленда, и оба согласились на совместную опеку.

Я должен признать, что, как бы сильно я ни ненавидел быть без него, ему нравится проводить время с Чар. И сама она действительно молодец, почему-то до сих пор не ходит по магазинам, и у неё даже есть хорошая постоянная работа. Но самое главное, она прекрасно ладит с Джеком, и это всё, что действительно имеет для меня значение.

Я выключаю гриль и слеую за Фэй внутрь. Она спрашивает Брэкли:

— Ты хочешь его покормить?

Он кивает, зная, что не часто ему удаётся покормить маленького Бенджамина из бутылочки. Но всякий раз, когда у него есть возможность, он хватается за неё.

Фэй поднимает его, оставляя одеяло из футболок Бена на земле. Я сшил из них одеяло для неё вскоре после того, как мы выбрали имя ребёнку. Я подумал, что было бы уместно, если бы его назвали в честь Бена, он бы тоже рос в окружении воспоминаний.

Я знаю, что не знал Бена, но не могу отделаться от чувства, что знал, и в одном я хочу быть уверен — память о нём всегда будет жива в нашем доме, особенно в отношении Брэкли.

Фэй передаёт ребёнка на руки Брэкли и идёт на кухню разогреть бутылочку.

— Ты хочешь вина? — спрашиваю её я.

— Это вообще вопрос? — улыбается она.

Я ухмыляюсь, наливая ей огромный бокал, как раз в тот момент, когда Джек и Чар входят через парадную дверь. Джек подбегает ко мне и обнимает. Я удерживаю его, мне нравится, что он дома.

— Как дела, приятель?

— Хорошо, я скучал по вам. — Фэй ерошит ему волосы и уходит, отдавая Брэкли бутылку.

— Как всё прошло? — спрашиваю я Чар, когда она ставит его рюкзак у двери.

— Всё нормально, мы поработали над его ударом в эти выходные на поле рядом с моим домом, и он забил хоумран.

Джек сейчас рядом с Брэсли, обожающий своего брата, и я кричу ему:

— Ты забил хоумран, приятель?

— Да, папа, это было так отвратительно.

Я хихикаю над сленгом, слетающим с его языка, и Чар пожимает плечами, тоже подходя посмотреть на малыша.

— Хочешь бокал вина? — спрашиваю я её, зная, что она, скорее всего, останется погостить ещё какое-то время.

— Нет, у Веллингтона есть планы на ужин для нас.

— Ещё один повод выпить, — поддразниваю я её и получаю злой взгляд. Как бы сильно я ни расстраивал её из-за её нового парня, мне действительно нравится этот парень, и Джеку тоже. — Я уверен, он пригласит тебя отведать говядины по-веллингтонски.

— Тан! — Фэй ругает меня, и я протягиваю ей бокал вина.

— Извини, я ничего не мог с собой поделать, — говорю я ей перед тем, как выйти, чтобы перевернуть еду на гриле.

— Пока, Тан, — кричит Чар, и я машу ей рукой.

Снова закрываю гриль, и наше блюдо почти готово. Я поворачиваюсь, чтобы вернуться внутрь, но вид моей семьи останавливает меня. Врезался в мою память. Брэсли держит на руках Бенджамина, в то время как Джек сидит справа от него и кормит ребёнка из бутылочки, и моя великолепная Фэй тоже наслаждается зрелищем, сидя по другую сторону от Брэсли. Когда Фэй смеётся над чем-то, что они говорят, её глаза встречаются с моими.

— Я люблю тебя, — произношу я ей одними губами, и она произносит их мне в ответ, моё сердце замирает от каждого беззвучного слога. Мне всё равно, как долго мы будем вместе, я никогда, никогда не устану от этих слов.

Перевод группы vk.com/bambook_clubs